ШЕЛАВИН

РАБОЧИЙ КЛАСС И ВКП (б) В Февральской РЕВОЛЮЦИИ

К. ШЕЛАВИН

РАБОЧИЙ КЛАСС И ВКП (б) В ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

★

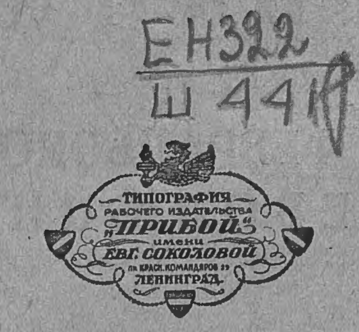
ПРИБОЙ - ЛЕНИНГРАД

К. ШЕЛАВИН

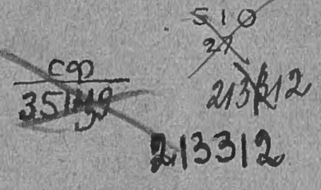
РАБОЧИЙ КЛАСС и ВКП (б)

В ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД

1927

Ленинградский Гублит № 35360 Тираж 5.000 экз. — 10 л. Заказ № 653

I. Рабочий класс, его состав, положение и стачечная борьба в годы войны.

1. Изменение численности рабочего класса.

Общая численность рабочего класса за годы войны, если судить по данным фабричной инспекции, увеличилась в заведениях, состоящих под ее надзором в 53 губерниях России, на 130 тысяч человек, или на 6% с небольшим [1]. Однако, в соответствии с запросами военного времени и с работою „на оборону“ происходило как перераспределение рабочих по различным отраслям промышленности, так и разный рост или упадок численности рабочего класса в различных районах.

По отдельным местностям — в Ленинграде рабочая масса выросла со 197 тысяч в сентябре 1914 года до 400 тысяч к 1-му января 1917 г.; Московская губерния имела в 1914 г. 381 тысячу, а в 1916 г.—411 тысяч; Донецкий бассейн в 1914 году—186 тысяч и в 1917 году—свыше 290 тысяч [2].

Наиболее резкое увеличение в военные годы дала металлургия: здесь в 1914 г. было около 296 тыс. рабочих, а в 1917 г. — свыше 452 тыс., иначе увеличение больше чем на 53% [3]. Льняная промышленность увеличилась на 13%, обработка животных продуктов — на 26%, производство сахара—на 4%, химическая промышленность—до 10%. Понижение идет в следующих

[1] К. Пажитнов, „Положение рабочего класса в России“, т. III, стр. 25.

[2] Покровский, „Очерки по ист. рев. дв. в России“, стр. 197; С. Пионтковский, „История рабочего движения в России“, изд. „Прибой“, стр. 227; Пажитнов, ук. соч., стр. 225.

[3] С. Пионтковский, „История рабочего движения в России“, стр. 227.

отраслях промышленности: за два года (1913—1915) хлопчато-бумажная промышленность понизилась на 3%, шерстяная на 6%, шелковая на 13%, лесопильное и фанеропильное производства на 31%; далее упали промышленности бумажная, типографская, стеклянная, фарфоровая [1].

2. Изменение состава рабочего класса.

Обследования, произведенные в первые месяцы войны „Обществом фабрикантов и заводчиков Московского района" и Министерством Торговли и Промышленности (к 1 октября 1914 г.), показали, что под влиянием мобилизации число рабочих русской промышленности сократилось на 12—15% [2]. Как указано выше только по данным фабричных инспекторов, чичисленность рабочего класса за годы войны увеличилась на 6%. Таким образом, если даже не считать последующих мобилизаций, отсылки рабочих на фронт и т. п., промышленность должна была свыше 20% или 1/5 состава рабочего класса наполнить новыми кадрами.

По данным Московской Морозовской биржи труда о чернорабочих в 1914 г., среди них было в возрасте полного рабочего, т.-е. от 18 до 40 лет — 81%, в 1915 г. — 70% и в 1916 г. — 54% [3]. Чернорабочие, как люди без определенной квалификации, всего больше попадали на войну; квалифицированных рабочих правительство и фабриканты вынуждены были держать на учете при заводах; тем не менее данные Московской биржи труда говорят о том опустошении, которое произвела война в рядах рабочего класса.

С каждым годом все более и более увеличивался в производстве процент женщин, подростков, а затем военнопленных, китайцев и т. д.

Если в 1913 г. в фабрично-заводских предприятиях насчитывалось немного меньше 31% женщин всякого возраста, то на 1-ое января 1916 г. женщин было свыше 36%. В текстильной промышленности женщины в 1913 г.

---

[1] Статистический сборник за 1913—17 гг. ЦСУ, М., 1921, стр. 4—34.

[2] Сборник „Вопросы мировой войны", изд. „Право", 1915 г., стр. 315—319.

[3] М. Лурье (Ю. Ларин), „Трудовая повинность и рабочий контроль", изд. „Книга", 1918 г., стр. 83.

составляли 50%, а к 1-му января 1917 г.—61%. В металлообрабатывающей промышленности до войны число работавших женщин не доходило до 5%, а к 1917 г. перевалило за 16% [1]. В Московской губернии женщин к 1917 г. было 56%, в металлургическом Ленинграде — 32% всего числа рабочих [2].

Труд малолетних и подростков составлял в 1913 г. приблизительно 11% и в 1916 г. около 13%. В Ленинграде процент подростков гораздо ниже общероссийского, — именно 7,5% рабочего населения Ленинграда [3].

3. Положительные и отрицательные черты изменения состава рабочего класса.

Одну из самых ярких картин изменения состава пролетариата дают Донецкий бассейн и Урал.

На Урале к октябрю 1916 г., по анкете самих горнозаводчиков, в 29 крупных предприятиях 30% составляли военнопленные, 3% китайцы и 13% женщины и подростки, ранее в производстве не занятые.

В Донецком бассейне из 208 тыс. рабочих угольной промышленности к декабрю 1916 г. считалось 25% военнопленных и 13% женщин и подростков. В Криворогском районе к 1 декабря 1916 г. пленные составляли 59%, женщины и подростки 8% всех рабочих [4].

Данные горнозаводской промышленности нельзя целиком перенести на обрабатывающую промышленность, но несомненно, что военные годы принесли с собою ряд явлений, которые действовали в сторону ухудшения состава русского рабочего класса. Не следует только чрезмерно переоценивать значение этих явлений, как это между прочим неоднократно делали меньшевики, объясняя успех большевизма в России „разбуханием“, „перерождением“ и т. п. рабочего класса [5].

---

[1] Б. Граве, „История классовой борьбы в России в годы импер. войны“. Госиздат, 1926, стр. 51—52.

[2] „Архив истории труда в России“, кн. IX, стр. 35—36, ст. М. Солодниковой „О рабочем в свете статистики“.

[3] А. Шляпников, „1917 г.“, кн. I. Госизд., 1923, стр. 18.

[4] Ю. Ларин, „Трудовая повинность ...“, стр. 82 и 83.

[5] Меньшевистский лидер и член белого грузинского правительства М. Жордания прямо считает большую часть пролетариата годов войны „отсталым, малокультурным и примыкавшим к крестьянству“— см. его книгу „Большевизм“, изд. ЦК с.-д. Грузии, Берлин, стр. 31.

Между прочим в вопросе о „перерождении“ рабочего класса ссылались на влияние окопавшейся на заводах буржуазии; что это „влияние“ преувеличивалось, показывают свидетельства самих участников рабочего движения о том, что окопавшиеся „оказались неспособными разбить боевую солидарность рабочих“, „в политику не лезли“, „на настроения пролетарской массы не могли иметь большого влияния“ [1].

Из явлений военного времени, сыгравших роль положительных фактором в рабочем движении необходимо отметить [2]: 1) передвижку среди отраслей русской промышленности в сторону исключительного увеличения металлургии, 2) совершенно исключительный рост рабочей массы в Ленинграде, почти на $^3/_4$ занятой в металлическом производстве и больше чем на $^3/_4$ сосредоточенной в предприятиях, которые насчитывали свыше тысячи рабочих, 3) наибольшее сохранение в металлургическом Ленинграде старых рабочих кадров [3].

4. Общее ухудшение положения рабочего класса.

Общее ухудшение положения рабочего класса выразилось в следующих явлениях:

а) Уже в 1916 г. реальная заработная плата составляла в среднем 92% довоенной платы; в 1917 г. — немного более $^2/_3$ довоенной платы [4].

б) Несмотря на то, что в первые годы войны, а также и у разных слоев рабочего класса наблюдалось повышение заработной платы (о чем речь будет ниже), говорить вообще о повышении заработной платы в военные годы надобно весьма условно. Вместе с прекращением действия фабричного законодательства повсюду наблюдались „чрезвычайная напряженность работы, обязательные праздничные и сверхурочные работы, вызывавшие исключительную переутомленность рабо-

---

[1] См. Шляпников, „1917 г.“, стр. 18; Квиринг, „Екатеринослав в 1914—15 г.“ — „Лет. Револ.“, № 2, стр. 126.

[2] Покровский, „Очерки“, стр. 197.

[3] Уже в конце 1914 и начале 1915 г. начинается возвращение прежде мобилизованных обратно на фабрики и заводы, как и „учет“, т.-е. сохранение рабочих за фабриками и заводами.

[4] См. Б. Граве, „К истории классовой борьбы“, стр. 53—57; С. Пионтковский, „История рабочего движения в России“, стр. 232.

чих“ [1]. С 1913 по 1915 г. число рабочих в непрерывно действующих производствах выросло на 6%, а годовая выработка—больше чем на 34% [2]. В Ленинграде директор завода „Новый Айваз“ заявил: „Теперь военное положение, могу согнуть в бараний рог“. Предприниматели неудержимо стремятся к увеличению доходов и уменьшают расценки, хотя правительство обязывает их подпискою расценки не уменьшать [3]. Таким образом даже и временное повышение заработной платы происходило за счет увеличения эксплуатации рабочего и снижения расценок.

в) Косвенные налоги выросли уже к 1916 году в полтора раза; все налоговое обложение ложилось исключительно на трудящиеся массы.

г) Уже в конце 1914 и в 1915 г. цены поднялись в общем на 114%, на хлеб до 89%, на мясо до 232%, в то время как в 1914—15 гг. дороговизна в Англии была от 50% до 70%, во Франции от 20% до 50% и в Италии от 30% до 35% [4].

д) Режим военного времени для рабочего класса означал: отправку бастующих на фронт, расчеты под всяким предлогом, полный произвол мастеров и инженеров, сажание на казенных заводах в карцер, выселение из заводских казарм в случае отказа стать на работу; постановления генерала Фролова в сентябре 1915 г. наказанием за забастовку определяли каторжные работы или предание военно-полевому суду; на заводе „Наваль“ отправили на фронт 7 500 человек рабочих из общего числа в 14 000. О расстрелах рабочих говорить приходится особо [5].

---

[1] Запрос Гос. Думы о забастовочном движении рабочих 14 июня 1916 г. Сборник Центрархива „Рабочее движение в годы войны“, стр. 295—307. Изд. „Вопросы Труда“, 1926 г.

[2] И. Меницкий, „Революционное движение военных годов“. Изд. Комм. Академии, т. I, стр. 333.

[3] В. Васильевская, „Забастовочное движение в Петербурге“ — „Пролетарская Революция“, № 13, стр. 53.

[4] Н. Фиделли, „Очерк карточной системы“ — „Продовольствие и Революция“, №№ 5 и 6, 1923 г., и Ежегодник газ. „Речь“ на 1916 г., статья А. Шингарева „Война и финансы“.

[5] См. „Запрос Гос. Думы“ и „Забастовка зав. «Наваль» в г. Николаеве“, сб. Центрархива, стр. 241—249.

5. Колебания заработной платы по производствам.

Колебания заработной платы по годам и внутри различных слоев рабочего класса сводятся в общем к тому, что: а) в 1914 г. металлисты в общем повышают свою плату прибл. на 7%, а текстильщики понижают на 3%; металлисты перегоняют текстильщиков слишком на 10%. В 1915 г. текстильщики поднимают свою заработную плату на 10%, металлисты понижают на $^1/_2$%; в 1916 г. текстильщики теряют 13% заработной платы, а металлисты—26%, и в 1917 г. образуется примерно одинаковый уровень зарплаты—около $^2/_3$ довоенной; б) мирные отрасли промышленности сразу дали резкое падение заработной платы, в то время как связанные с войною повышают ее до 1916 г.; в) по сравнению с квалифицированными рабочими повышается заработок у чернорабочих: до войны квалифицированный рабочий зарабатывал в три раза больше чернорабочего, к концу 1916 г. — только в два раза; особенно теряют квалифицированные рабочие мирных отраслей промышленности, у которых размер снижения заработной платы по сравнению с довоенным временем доходит иногда до 14%; г) более значительно, чем у рабочих мужчин, падает зарплата у взрослых работниц и подростков: в 1916 г. у первых свыше чем на 10%, у вторых свыше чем на 18%[1].

6. Выводы в связи с изменением состава и положения рабочего класса.

Таким образом происшедшее за время войны перераспределение фонда заработной платы между отдельными категориями рабочих отнюдь не благоприятствовало росту привилегированного слоя в рабочем классе. Наоборот, положение наиболее квалифицированного отряда пролетариата — металлистов (в грубых цифрах, более $^1/_3$ всех фаб.-зав. рабочих), — начиная с 1916 г. резко ухудшилось.

Непрерывное ухудшение положения работниц, которых в годы войны все больше и больше втягивалось

---

[1] См. Граве, „К истории...“ и Струмилин, „Зарплата и производство труда“, Москва, 1924 г.

в производство, выбрасывало на борьбу и этот огромный слой рабочего класса.

Два слоя фабрично-заводского населения экономическим положением своим толкались к отказу от революционной борьбы: квалифицированные рабочие мирных отраслей промышленности, разгромленные военными годами, напр. печатники, в силу чрезвычайного ухудшения положения и безработицы по своей профессии [1]; с другой стороны—чернорабочие, положение которых улучшилось и где всего больше было „укрывшихся" от мобилизации [2]. Однако общее ухудшение положения рабочего класса было так велико, наличие рабочей аристократии так ничтожно, что в то время, когда в Западной Европе годы войны являются „годами классового мира", в России размах революционной борьбы рабочего класса увеличивается за время войны из года в год.

7. Цифры стачечного движения годов войны.

1912—1914 гг. были годами нового после 1905 г. грандиозного революционного подъема в России. „Массовая революционная стачка вовлекла в 1913 г., по самым минимальным подсчетам, $1^1/_2$ миллиона участников, а в 1914 г. перевалила за 2 миллиона и подходила к уровню 1905 г." [3].

Цифры стачечной борьбы за время годов войны таковы:

а)	Во 2-ую половину 1914 г. бастует около	35 000
б)	В 1915 г. „ „	540 000
в)	„ 1916 „ „ „	1 300 000
г)	„ 1917 „ за январь „ „	230 000 [4].

---

[1] Здесь дело в начале войны дошло даже до „петиционной кампании" — просить хозяев об улучшении положения.

[2] Ср. выводы у Граве „К истории классовой борьбы", стр. 64—65.

[3] Ленин, „Социализм и война", 1915 г. Собр. соч., т. XIII, стр. 112.

[4] Данные о размерах стачечного движения за годы войны до сих пор не отличаются точностью. У разных исследователей цифры более или менее отличаются друг от друга и могут считаться только приблизительными. Кроме того, данные фабрично-заводской инспекции, которыми обычно пользуются, не охватывали всей массы рабочего класса в России. Обычно между сведениями о количестве забастовавших в партийной прессе и в правительственных документах большая разница.

В 1905 г. бастовало 2 800 000. Следовательно, движение в 1916 г. было более чем в 2 раза слабее, чем в 1905 г. Но было бы неправильным сравнивать революционный 1905 год с предреволюционным 1916 годом. Известно, что 23 февраля 1917 г. в одном Ленинграде бастовало 87 тысяч, 24 февраля—197 тысяч, а 25-го — уже 240 тысяч[1].

В Москве объявленная 28 февраля забастовка вышла на редкость дружной[2]. Если бы можно было иметь подсчет стачечников за январь и февраль 1917 г. по всей России, то уровень 1905 г. оказался бы превзойденным.

8. Основные черты движения.

Основные черты стачечного движения годов войны суть следующие:

а) огромный рост движения за 1915 и 1916 гг. сравнительно с упадком второй половины 1914 г. — увеличение числа стачечников больше чем в 37 раз;

б) исключительная роль Ленинграда с губернией — дает в общем за годы войны около $^1/_3$ стачечников, а по временам—до $^3/_5$;

в) в отличие от 1905 г.,—когда по выражению т. Ленина запад и северо-запад (Ленинград, Польша, Прибалтийский край) уже проснулись, но центр, восток и юг наполовину спали, — передвижка района движения с запада к центру: на долю окраин — Польши, Прибалтийского края и Закавказья приходится за годы войны всего 5% забастовщиков (причины: оккупация и фронт);

г) создание центров движения из Ленинграда, Московской, Владимирской и Костромской губерний, где образовались благодаря концентрации военной промышленности мощные промышленные предприятия; за годы войны эти 4 губернии дают 80% всех бастовавших (Ленинградская—516 тыс., Московская—310 тыс., Владимирская—293 тыс. и Костромская—163 тыс.);

д) сравнительно слабое движение „востока и юга“, хотя к 1916 г. наблюдается подтягивание и на юге:

[1] С. Пионтковский, „Февральские дни 1905 г.“, изд. „Прибой“, 1924, стр. 26.

[2] С. Игнатов, „Московский Совет Раб. Деп.“, стр. 7.

в 1915 г. по числу стачечников Ленинград превосходил Екатеринославскую и Бакинскую губернии в 130 раз, а в 1916 г.—только в 16;

е) попрежнему руководящая роль в движении принадлежит металлистам, хотя напряженность их борьбы меньше, чем в 1905 и 1912—14 гг. В 1905 г. металлисты дали 300% забастовщиков, в 1913 г. — 120%, в 1914—215%, в 1915—46% и в 1916—92%. Но в 1905 г. металлисты к концу года вызвали „сверхчеловеческую энергию авангарда, раскачивавшего всю остальную массу рабочего класса“ [1]. Перед революцией 1917 г. у металлистов движение неуклонно идет вверх;

ж) поскольку отношение между металлистами и текстильщиками было в 1905 г. „характерно как отношение передового слоя к широкой массе“ [2], — в годы войны текстильщики гораздо ближе подтягиваются к передовому отряду — металлистам: в 1905 году текстильщики отставали от металлистов по числу забастовщиков на 120%, в 1913 г. — на 90%, в 1914 г. — на 170%, в 1915 г. превышают на 7%, а в 1916 г. отстают только на 22%, — отсюда усиление *и* общего натиска *и* авангарда;

з) прочие производства, на которые в 1916 г. приходилось не менее 1/3 фабрично-заводских рабочих (металлисты 550 тыс., текстильщики 600 тыс., прочие— около 600 тыс.), дают в 1916 г. в среднем только 8% забастовщиков (металлисты—92, текстильщики—70%) и отстают по сравнению даже с 1905 г. почти в 5 раз; эти производства — вкусовых веществ, химическое, деревообделочное, бумажное, полиграфическое, оказавшись в хвосте движения перед революцией 1917 г., должны были и после февраля явиться поддержкой соглашателей разных толков;

и) в годы войны стачечное движение по сравнению с 1905 г. решительно передвигается в сторону крупных и крупнейших предприятий: 1905 г. втягивал огромное число „новичков“, которые быстро вовлекались в движение во время подъема, но оказывались наименее

---

[1] Ленин, „О статистике стачек в России“, т. XI, ч. 2.

[2] Там же.

устойчивыми; из 13 тысяч забастовок 1905 г. 8 600 приходится на предприятия с числом до 100 рабочих; средний размер стачки — 206 рабочих; в годы войны в одной забастовке в среднем участвует 850 человек, а в Ленинграде — свыше тысячи;

к) отсюда бо́льшая продолжительность и большее упорство в стачечной борьбе в годы войны (средняя продолжительность забастовки — 2 700 рабочих дней, а в 1905 г.—1 800), упорство, указывавшее на выросшую организованность борющихся;

л) отличны от 1905 г. соотношения экономической и политической стачки [1].

9. Взаимоотношение политической и экономической стачки.

Подъем политического движения и развитие политической стачки теснейшим образом связаны с успехом экономической стачки, когда сама политическая стачка как бы воздвигается на широкой базе экономического движения. Сужение экономической базы движения в декабре 1905 г., победу в экономической борьбе хозяев, т. Ленин считал слабостью движения последней четверти 1905 г. [2]. Ибо сужение экономической борьбы, уменьшение размаха экономической стачки означало отход от движения тех широчайших пластов рабочего класса, без поддержки которых авангард будет разбит в политической борьбе, но которые, сами будучи отсталыми, „иначе как с экономическими требованиями не могут втянуться в борьбу“ [3]. В годы войны, вместе с неослабным подъемом экономической стачки, все время увеличивается процент успешных стачек: с 1913 по 1916 г. он увеличивается в 5 раз; наоборот, процент неуспешных стачек падает в 13 раз; в 1915 г. металлисты выиграли 80% стачек, текстильщики—66%.

Политическая стачка годов войны и перед революцией 1917 г. все время развивается на широчайшей

[1] Цифры стачечного движения взяты из таблиц у Граве, Флеера, Вознесенского, статей Васильевской и Воиновой и др.; везде приводятся в круглых цифрах.

[2] Ленин, „Экономическая и политическая стачка“, т. XII, стр. 160, и „О статистике стачек в России“, т. XI, ч. 2, стр. 167.

[3] Там же, стр. 163—167.

базе именно экономической стачки. Размеры же политического стачечного движения таковы:

1905 г.	43%
1913 г. около	58%
2-ая половина 1914 г.	8% — весь год в целом 73%
1915 г.	23%
1916 г.	56%

Как видно, уже 1916 г. обгоняет 1905 г. Во главе движения идут металлисты: они дают 83% всех участников политических забастовок; у них бастует 52% всего их числа. Наоборот, у текстильщиков в политических забастовках участвует немного более 7%, и таким образом более 90% огромной массы текстилей охвачены непрерывной экономической борьбой вплоть до февральских дней 1917 года.

II. Большевизм и легальные организации рабочего класса в России.

1. Организованность и сознательность рабочего класса перед Февралем.

Февральскую революцию начал рабочий класс. К нему присоединились солдаты. „Тогда, в первую революцию (т.-е. в феврале 1917 г.), — писал т. Ленин, — авангардом были рабочие и солдаты, т.-е. пролетариат и передовые слои крестьянства“ [1].

Почему у власти в феврале, — в результате народного движения, которое начал пролетариат,—оказался не он, а либеральная буржуазия? Первый этап революции, — говорил т. Ленин, — дал власть буржуазии „в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата“ [2]. Касаясь того же вопроса, т. Бухарин говорил о рабочем классе России: „Наиболее организованная и дисципли-

---

[1] „Ошибки нашей партии“ — „Прол. Рев.“, № 26, стр. 253.

[2] Ленин, „О задачах пролетариата в данной революции“, тезис 2-ой, т. XIV, стр. 17—18.

нированная революционная сила — он (пролетариат) не имел все же организации масс... Единственной организованной силой вынырнула либерально-империалистическая буржуазия“ [1].

2. Большевистская „пятерка“ в Гос. Думе.

В самые первые месяцы войны большевистская „пятерка“ депутатов социал-демократической фракции IV Государственной Думы проделала огромную работу. Под ее давлением и меньшевистская шестерка депутатов во главе с Чхеидзе не рискнула открыто показать свое социал-шовинистическое лицо. Опубликованная от имени всей фракции 26 июля 1914 г. в Государственной Думе декларация по поводу войны, правда, не удовлетворяла депутатов - большевиков [2]: как уступка меньшевикам был введен пункт о том, что рабочий класс будет защищать культурные блага народа — извне или изнутри; само собой, отсутствовал лозунг: „Война — войне“. Но фактически прошел отказ целой фракции голосовать за военные кредиты. Далее, большевистская пятерка отправила самостоятельное дружественное письмо к социал - демократам враждебных стран с призывом к братству народов [3].

Во время разгрома большевистских организаций, сейчас же после объявления войны, „пятерка“ стала организующим центром движения: с одной стороны — работа в Ленинграде, созыв первого большевистского совещания в Финляндии 30 сентября — 1 октября, созыв второго совещания с партийными работниками главных промышленных районов, с другой стороны — объезд провинции, восстановление связей, руководство работой на месте. Как раз на втором совещании в ночь на 5 ноября 1914 г. царское правительство арестовало всю „пятерку“ [4]. После этого

---

[1] Бухарин, „Классовая борьба и революция в России“.

[2] Бадаев, „Отношения депутатов к войне“ — „Кр. Летопись“, № 10, стр. 87.

[3] „Интернационал и мировая война“ — „Материалы, собр. Карлом Грюнбергом“. ГИЗ, 1919, стр. 41—43.

[4] Ф. Самойлов, „Процесс большевистской фракции IV Госуд. Думы“ — „Пр. Рев.“, № 50, стр. 145.

ареста т. Ленин писал о том, что „работа стала во сто раз труднее“ [1].

3. Рабочая печать.

„Правда“ была разгромлена еще накануне войны. Кстати, если просмотреть список арестованных в редакции „Правды“ 8 июля 1914 г. и одновременно список сидевших в Спасской части и арестованных за 2—3 дня раньше, то тут находился почти весь большевистский актив Ленинграда [2]. За годы войны большевики имели в своих руках несколько легальных изданий — страховых, профессиональных и кооперативных (см. ниже) и, кроме того, издавали с августа по ноябрь 1915 г. в Саратове еженедельную рабочую газету „Наша Газета“ (вышло 10 №№) [3].

4. Профессиональные союзы.

Главнейший „четырехугольник“ рабочего движения в годы войны и перед Февральской революцией (Ленинград и Московский район, Владимирская и Костромская губернии) оказался в таком положении: в Ленинграде накануне революции уцелели только 3 союза, объединявшие около 1 400 чел. [4]. Из легальных профессиональных органов, ухитрявшихся выходить в 1915—1916 гг., журнал „Текстильщик“ [5] успел все же высказаться против оборонческой точки зрения Плеханова; журнал частной группы печатников „Наше Печатное Дело“ (сам союз в годы войны был закрыт дважды — в июле 1914 г. и в ноябре 1916 г., спустя 2 месяца после „разрешения“) примыкал к меньшевикам; „беспартийный“ — „Жизнь Фармацевта“, по нескольку номеров „Служащего“ и „Вестника Портных“ — вот и вся профессиональная печать Ленинграда.

В Москве к моменту Февральской революции было до полутора десятка профессиональных союзов, работа

---

[1] „Ленинский сборник“, II, стр. 211.
[2] А. Киселев, „В июле 1914 г.“ — „Пр. Рев.“, № 30, стр. 49—52.
[3] Антонов - Саратовский, „Саратов в годы империалист. войны“ — „Пр. Рев.“, № 16.
[4] „Мал. энциклопед. проф. движ.“, изд. Ленингр. Губпрофсовета, 1925, стр. 554.
[5] Был организован так называемой „Межрайонкой“ или с.-д. „объединенцами“ („Воспоминания“ т. Юренева в №№ 24 и 25 „Пролет. Революции“.

которых велась в довольно слабых размерах [1]. Московский союз текстильщиков в конце 1915 г. насчитывал 70 чел. [2]. Союз поваров на 1-ое октября 1914 г. насчитывал свыше 1 600 чел. [3]. Из профессиональных органов в Москве большевикам удалось поставить „Голос Печатного Труда", выходивший с ноября 1916 по январь 1917 г. под редакцией т. Ольминского.

В Иваново-Кинешемском районе вовсе не было профессиональных организаций [4].

По остальной России дело обстояло так: существуют мелкие группки профессиональных организаций, среди которых наиболее сильные (если отбросить общества торгово-промышленных служащих, по тем временам наиболее уцелевшие и многочисленные) насчитывают сотни членов (в Киеве союз портных — 350 чел., сапожников—150 чел.), а наиболее слабые, как например союз печатников в Баку—собирает в месяц 70 коп. членских взносов [5]. Союзы металлистов задушены почти полностью. Широких масс рабочего класса организация профессиональных союзов в годы войны не коснулась. Значительная часть провинциальных союзов находилась под меньшевистским влиянием.

Большевики проявили массу энергии по овладению тогдашними профессиональными организациями. В Саратове именно усилиями большевиков организовался профессиональный союз „Иглы"; в Киеве большевики овладели союзом портных, имели влияние на ряд других союзов, а в 1916 г. на собрании металлистов собрали за большевистскую резолюцию о войне треть голосов; небольшие ячейки большевики создали даже в таком желтом союзе, как харьковский союз торговых служащих, в луганском „профессиональном обществе", где преобладали меньшевики; имели неко-

---

[1] В. Игнатов, „Из истории М. Ц. Б. профсоюзов" — „Материалы по ист. профдвиж. в России", сборн. 4, стр. 109.

[2] А. Киржниц, „В годы импер. войны", стр. 99.

[3] Е. Игнатов, „Из истории общества поваров"—„Материалы", сборн. 3, стр. 160.

[4] Иваново-Вознесенский губернский календарь на 1919 г., стр. 96.

[5] А. Тиханов, „Рабочие печатники в годы войны" — „Материалы", сборн. 3, стр. 127.

торый успех в Екатеринославе в союзе торговых служащих, хотя вообще сохранившиеся союзы были сплошь в руках меньшевиков; в Сибири — в Иркутске большевики вели работу по организации профессиональных союзов, а в Сретенске имели влияние в союзе торговых служащих [1].

5. Страховое движение.

В годы войны преследования работников больничных касс усилились: вследствие арестов и высылок в Ленинграде в страховом совете из 15 рабочих осталось только 4. Однако, при выборах 31 января 1916 г. в Ленинграде в страховой совет большевики одержали победу: за них голосовало 39 уполномоченных, а за блок меньшевиков, эс-эров и беспартийных — 26 [2]. В Ленинграде же выходил легальный большевистский журнал „Вопросы Страхования“, а лозунги страховой кампании большевиков, — общегородская касса, передача дела лечения рабочих в руки самих касс, полная независимость дела страхования от заводчиков, осуществление всех видов страхования (а не только двух — болезнь и увечье) за счет государства и предпринимателей (предприниматели доплачивали $^2/_3$ того, что платили рабочие) и т. д., — эти лозунги имели успех в широких рабочих массах, равно как и стремление большевиков связать страховое движение с политикой и использовать кассы для укрепления пролетарской организации [3]. При всем том и на страховых январских выборах 1916 г. беспартийно-меньшевистско-эс-эровский блок получил около 37% голосов уполномоченных.

Чем дальше от Ленинграда, тем дело со страховым движением обстояло все хуже. Сильны были меньшевики в больничных кассах Харькова; в Екатеринославе меньшевики господствовали в больничных кассах „до

---

[1] См. „Прол. Рев.“, № 16, стр. 14; Майоров, „Из ист. рев. бор. на Укр.“, стр. 8—26; В. Вельман, „Февральская революция в Сибири“ — „Пр. Рев.“, № 38, стр. 188.

[2] Шляпников, „Канун 1917 г.“, т. I, стр. 139.

[3] А. Винокуров, „Рабочее страховое движение“ — „Из эпохи «Звезды» и «Правды»“, т. I, стр. 173. Количество всех, состоявших в кассах в 1916 году, К. Пажитнов исчисляет (см. „Положение рабочего класса в России“, т. III, стр. 216) цифрой 1 750 000 чел. и, кроме того, 400 тыс. в горнозаводской промышленности.

Февральской революции и дальше", а это безраздельное господство „в единственно уцелевших от царистского разгрома формах рабочего движения наложило свой мелкобуржуазный отпечаток на Февральскую революцию и на советы" [1].

6. Культурно-просветительные рабочие организации.

В Ленинграде в 1914 г. рабочие просветительные общества охватывали несколько более 3 000 человек [2]. Во время войны деятельность рабочих клубов и просветительных организаций всячески затруднялась, хотя некоторые и продолжали существовать, например Сампсониевское братство на Выборгской стороне. В Москве такие просветительные общества, как клуб „Просвещение" или „Общество содействия устройству общеобразовательных развлечений", находились под определенным большевистским влиянием.

Особенно крупно и выпукло выступает роль просветительных рабочих организаций в провинции. Так, в Нижнем-Новгороде большевики овладели канавинским „Обществом разумных развлечений"; и в 1915 г. 40% большевистской работы велось под прикрытием культурно-просветительной работы [3]. В Саратове большевики вырвали из рук либералов просветительное общество „Маяк", через него поставили легальную „Нашу Газету", вели агитацию и дискуссионные кампании и в конце 1915 г. добились того, что через „Маяк" проходило в месяц до 500 чел. рабочих [3]. В Харькове был завоеван к концу 1915 г. большевиками „Рабочий дворец" [4], а в Иркутске — культурно-просветительное общество „Знание" являлось одним из центральных мест деятельности большевиков [5].

---

[1] В. Аверин, „Из истор. рабоч. страх. движен. в Екатеринославе" — „Лет. Рев.", № 2, стр. 100—101.

[2] И. Левин, „Рабочие клубы в Петербурге"—„Материалы", сб. 3, стр. 98.

[3] М. Воробьев, „Нелегальн. парт. жизнь в Канавине".

[4] „Пр. Рев.", № 16, стр. 15 — 16, 19 — 42; „Летоп. Рев.", № 5, стр. 13—14.

[5] „Прол. Рев.", № 38, стр. 179.

7. Рабочая кооперация.

Накануне войны рабочих кооперативных обществ было немногим более 100 с числом членов приблизительно 50 000 чел. К началу 1917 г. — 300, с числом членов до 500 000 [1].

Правооборонческий журнал „Дело“ с большой похвалой отозвался о съезде уполномоченных „Петроградского союза потребительных обществ“, который состоялся 14—15 января 1917 г. Однако и „Дело“ должно было сознаться, что в ленинградской кооперации существуют такие слои, которые занимают большевистскую позицию [2]. Ленинградский кооперативный журнал „Труд“ был в руках меньшевиков. Московский легальный журнал рабочей кооперации „Объединение“ осторожно проводил антиоборонческую точку зрения в духе меньшевиков-интернационалистов. В Иваново-Кинешемском районе одним из старейших в России являлся Кинешемский союз, насчитывавший в 1916 г. вместе с сельскими 93 потребительных общества [3]. В конце 1916 г. большевики начали здесь работу и достигли того, что, за счет культурно-просветительного фонда союза и вопреки всем кинешемским кооператорам-оборонцам, поставили легальный „кооперативный“ журнал „Наше Слово“, который по сути дела был большевистским журналом [4]. В Сибири до октября 1915 г. выходил кооперативный журнал „Наше Дело“, а после его закрытия — „Забайкальское Обозрение“, при чем охранка утверждала, что как редактор, так и сотрудники его принадлежат к „пораженцам“-большевикам, а кооперативы вообще в Иркутске, в Сибири и в Забайкальской области находятся в руках социал-демократов, „среди коих значительная часть придерживается пораженческого направления“ [5].

---

[1] Н. Балабанов, „История рабочей кооперации в России“, Москва, 1915, стр. 209.

[2] Н. Х. „Со съезда союза рабочих кооперативов“—„Дело“, 1917 г., № 2.

[3] Н. Пажитнов, „Оч. разв. раб. кооп.“—сб. „Труд в России“, № 1, стр. 212.

[4] Д. Малютин, „Кинешемский рабоч. журн.“—„Пр. Рев.“, № 36, стр. 232—235.

[5] Ш. Левин, „Соц. печать“—„Кр. Архив“, т. II, стр. 217—220.

В общем и целом в рабочей кооперации преобладали меньшевики, но развивалась и большевистская работа, при чем местами достигались большие успехи.

8. Биржи труда и восстановление рабочего представительства.

Перечисленные организации являются важнейшими легальными рабочими организациями, сохранившимися в годы войны, если не считать „рабочих групп“ при военно-промышленных комитетах.

О биржах труда или „бюро труда“, организовавшихся в военные годы в связи с притоком беженцев и необходимостью регулировать распределение рабочей силы по районам, почти не приходится говорить, ибо в марте 1916 г. из 153 бюро труда — 102 бюро и биржи труда не осуществляли представительства ни рабочих ни фабрикантов, а лишь 10 только — представительства одних рабочих [1].

„Восстановленный“ в 1916 г. закон 1903 года о фабричных старостах заслуживает внимания лишь только потому, что подвергся действительному бойкоту со стороны рабочих масс: так например, на Брянском заводе вместо 17 000 на выборы явилось всего 24 человека; целый ряд фабрик и заводов по России выступил против этого изуродованного „рабочего представительства“, а в Ленинграде особенно характерна резолюция „Нового Лесснера“; в ней рабочие, разоблачая „восстановленный“ закон, требовали свободы профессиональных союзов, восстановления рабочей печати, признания заводских комиссий и т. д. [2].

9. Выводы.

Если подвести итоги работы легальных рабочих организаций за годы войны, то придется сделать такие выводы:

а) В страховых больничных кассах—свыше 2 миллионов рабочих и служащих. В рабочей кооперации—500 000. В профессиональных организациях — в лучшем случае 2 десятка тысяч организованных рабочих и служащих; примерно такое же количество—в культурно-просветительных организациях. Количеством состоявших в боль-

---

[1] А. Кац, „К истории бирж труда“—„Материалы“, сб. III, стр. 71.
[2] А. Панкратова, „Фабзавкомы России“, стр. 159—163.

ничных кассах, само собой, нельзя определять организованности рабочего класса и по тем сравнительно узким задачам, которые охватывало страховое движение, и по тем рамкам, какие поставлены были движению законами и действиями царского правительства. Рост кооперации в годы войны почти в десять раз, несомненно, означал рост организованности рабочего класса; но кооперация по отношению к профессиональному движению является наиболее простой формой организации рабочего класса и, как правило, в капиталистических странах наиболее отсталой; и в России кооперация оказалась преимущественно в руках меньшевиков. Профессиональные союзы были действительно задушены: в 1907 г. они насчитывали 250 000 членов, в конце 1913 г.—40 000 членов и к Февральской революции, вероятно, более чем вдвое меньше. Говорить поэтому о широких массовых организациях пролетариата в годы войны в России не приходится.

б) Во всех видах легального движения еще очень сильно влияние меньшевиков. По сравнению с большевиками они обладали и легальностью, а следовательно и большим количеством легальной печати и покровительством буржуазии; им помогали такие действия правительства, как разгром большевиков и, наоборот, вполне терпимые отношения к выступлениям оборонцев в той же военно-промышленной кампании.

Социал-оборонческое засилье было так сильно, что представители рабочей кооперации, спустя пять слишком месяцев после Февральской революции, на всероссийском кооперативном съезде 11 сентября 1917 г. в своей резолюции целиком присоединились к меньшевикам, а на III конференции профессиональных союзов (1-ой после Февральской революции) в конце мая 1917 года эс-эры и меньшевики имели еще большинство.

в) Овладение большевиками через несколько месяцев после февраля 1917 г. большинством в профессиональном движении было следствием того, что большевики в самых тяжелых условиях годов войны умели сочетать нелегальную работу с легальной, вели отчаянную борьбу за завоевание легальных рабочих

организаций, создавали там кадры работников будущего массового движения.

III. Большевистская партия в годы войны и перед революцией.

1. Численность партии и охват рабочей массы.

Влияние большевистской партии, как показано выше, было весьма ощутимо даже и в сохранившихся легальных организациях рабочего класса.

Приводными ремнями к рабочим массам были у партии в годы войны — стачечные комитеты, продовольственные комиссии, заводские комиссии, подпольные ячейки профессиональных союзов, их нелегальные центральные объединения. Все они строились усилиями исключительно большевистской партии.

Насколько же был силен сам костяк, т. е. сама большевистская подпольная партия, перед Февральской революцией? Цифры, которыми приходится располагать, являются и далеко неточными и далеко неполными; в продолжение годов войны организации по нескольку раз „ликвидировались“ и снова создавались. Тем не менее к концу 1916 г. дело обстояло так:

Ленинград	1 500—2 000	чл. парт.	при 450 000 рабочих
Москва	300— 500	„ „	свыше 400 000 „
Московская губерния .	60— 80	„ „	
Иваново-Вознесенск . .	150— 160	„ „	при 50 000 „
Нижний-Новгород . . .	150— 200	„ „	
Самара	80— 100	„ „	
Саратов	70— 80	„ „	
Харьков	120	„ „	
Киев	200	„ „	
Екатеринослав	400	„ „	
Луганск	100	„ „	
Макеевка	80— 100	„ „	
Урал	900	„ „	
Иркутск	100	„ „	
Красноярск	50— 60	„ „	

Отсюда можно сделать следующие выводы: в партию входило в наиболее крепкой организации и в таком центре, как Ленинград, меньше, чем ½% рабочей массы,

из „четырехугольника“ — и Москва и Иваново-Вознесенский район значительно отстают от Ленинграда [1].

По остальной России выпукло выделяются крепкие большевистские организаций Донбасса.

К этому нужно прибавить, что довольно плохо обстояло дело на Кавказе. Хотя во все время войны существовало Кавказское бюро большевиков, — к февралю 1917 г. первичные организации были лишь в Тифлисе, Кутаисе и Баку и совсем слабые организации в таких пунктах, как Екатеринодар и Геленджик. На Украине очень часто в большевистские организации входят и меньшевики (Киев, Одесса, Елисаветград, Полтава — довольно долгое время после Февраля). В целом ряде пунктов и городов (Херсон, Николаев, Витебск и др.) большевистских организаций совершенно нет. На Урале после Февральской революции работа велась к апрелю 1917 г. в 43 пунктах, а до февраля — лишь в 9.

---

[1] О количестве членов партии в Ленинграде см. „Протоколы апрельской конференции“, стр. 124. Общегородская конференция в Ораниенбауме 19 июня 1915 г. насчитывала от 50 до 70 делегатов и след. самое меньшее 700—800 парт. членов. К осени 1915 г. корреспонденция в № 47 „Соц.-Демократа“ определяла число членов партии в 1 200 чел. О Москве см. И. Меницкий, „Рев. движение“, т. II, стр. 75; к осени и зиме 1916 г. „ячейки быстро удваивались и утраивались“ (сб. „Накануне великой революции“, стр 27). О Московской губ. см. сборники Моск. Истпарта „Путь к Октябрю“, вып. I, стр. 113 и 154—156, вып. II, стр. 330, 343, 334, 352, 228, вып. III, стр. 312 и 326, вып. IV, стр. 38. В Иваново-Вознесенске организация зимой 1914 г. насчитывала от 20 до 30 чел., быстрый рост начался с середины 1915 г. („Воспоминания иваново-вознесенских подпольщиков“, стр. 155—156), а конференция 9 марта 1917 г., т.-е. сейчас же после Февральской революции, была представлена 11 фабричными ячейками („Иваново - Вознесенский губ. ежегодник“ на 1921 г., стр. 51). О Н.-Новгороде Шляпников, „Канун 17-го года“, т. II, стр. 28. О Самаре „Красная Быль“, № 1, стр. 12—21. О Саратове „Пролет. Революция“, № 10, стр. 239. О Харькове „Лет. Революции“, № 5, стр. 16. О Киеве „Лет. Рев.“, № 6, стр. 189. Об Екатеринославе, Луганске и Макеевке „Прот. апрельской конференции“, стр. 96—97. Об Урале — „Пролет. Голос“, № 4, в „Красной Летописи“ № 10, стр. 165. В октябре 1916 г. организация в Екатеринбурге насчитывала до 70 членов и до 100 примыкающих (В. Воробьев, „Перед рассветом“, изд. „Прибой“, стр. 38—40); очевидно, что в „Пролет. Голосе“ в цифру 900 входили и примыкающие. Об Иркутске „Пролет. Revол.“, № 38, стр. 172, и о Красноярске „Пролет. Револ.“, № 21, стр. 142—145.

Минусом для партии, совершенно при этом неизбежным в условиях русского царизма и в военные годы, являлась незначительная численность ее членов даже сравнительно с 1905 г. Плюсом — то, что подпольные организации большевиков являлись сильнейшими по сравнению с нелегальными организациями меньшевиков или эс-эров, как и то, что большевистские организации охватывали наиболее активную, боевую и прошедшую суровую школу борьбы часть рабочего класса. Как-никак, несмотря ни на что, а большевики к февралю 1917 г. сколотили организацию, исчислявшую тысячи передовиков-пролетариев, и этим заложили фундамент своей конечной победы. Такого кадра не было ни у одной партии[1].

2. Эмиграция, тюрьма и ссылка, „ликвидации".

В годы войны партия оказалась разорванной на несколько частей.

На Бернской конференции заграничных организаций в марте 1915 г. помимо ЦК и ЦО и женской заграничной организации, были представлены следующие секции: Бернская, Женевская, Лозаннская, Цюрихская, Парижская, Лондонская[2]. Парижская накануне войны насчитывала свыше 80 человек, Лондонская — около 40 человек[3].

О количестве ссыльных можно судить по тому, что в начале 1916 г. только в Енисейском уезде и Туруханском крае было 350 политических ссыльных. Из разработанных 141 анкеты следовало, что на долю большевиков приходилось 38% ссыльных и 60% всех социал-демократов[4].

---

[1] Среди рабочей молодежи партия особых организаций не создавала; рабочая молодежь входила в партийную организацию; существовавшие же кое-где кружки молодежи — Москва, Киев — были малочисленны и в большинстве состояли из интеллигентов (сб. „Наше рождение", 1926 г., стр. 43). Кружки работниц существовали в Ленинграде и в 1-ом Городском районе и в Выборгском и др. (см. „Воспоминания" тт. Кондратьева и Каюрова — „Пр. Рев.", № 13, „Кр. Лет.", № 2—3).

[2] „Пр. Рев., № 40, стр. 134.

[3] И. Хонявко, „В подпольи и в эмиграции"—„Пр. Рев.", № 16, стр. 168, 173.

[4] И. Вардин, „Полит. ссылка накануне революции"—„Пр. Рев.", № 5, стр. 93—99.

То, что в эмиграции были сосредоточены крупнейшие партийные силы во главе с т. Лениным, имело само собой огромное значение в деле активнейшей борьбы со II Интернационалом и подготовки создания нового, III Интернационала. Огромное скопление в Сибири ссыльных сделало возможным создание большевистских очагов в этой крестьянской окраине. Большевики, попавшие в годы войны в армию, повели там революционную работу, содействовали возникновению военных организаций, вошли в открытые солдатские организации после февраля (1917 г.).

В то же время разрыв партии не мог не отразиться на всей ее жизни и на руководстве. Активнейшие теоретические и практические силы партии вместе с ее вождем были за тысячи верст от решающих центров борьбы; этот отрыв остро давал себя чувствовать.

На-ряду с территориальным разрывом большой урон нанесла партии и деятельность полиции.

Ликвидация охранкой подпольных большевистских организаций, как и работа провокаторов, приняла совершенно исключительные размеры. С конца декабря 1915 и по декабрь 1916 г. в Ленинграде 8 раз были разгромлены центральные организации партии, а при этих разгромах арестовано свыше 100 человек [1]. В Москве все попытки создания Московского Комитета в продожение длительного времени оказывались бесплодными из-за работы „осведомителей“ [2]. В Баку начавшая-было в 1916 году оживать организация была разгромлена, а целый ряд работников выслан. На Волге провалы осенью 1916 г. сорвали готовившуюся Поволжскую конференцию [3].

3. Централизация работы и связь организаций друг с другом.

Партийный центр и партийные организации предпринимали героические усилия для того, чтобы установить друг с другом более тесную связь и централизовать работу. В своих письмах к Шляпникову т. Ленин все время указывал на

[1] М. Флеер, „Раб. движ.“, изд. „Прибой“, стр. 10.
[2] И. Меницкий, „Рев. движение“, т. II, стр. 74.
[3] Сапронов, „Три месяца на Волге“—„Пролет. Рев.“, № 43, стр. 225.

необходимость централизации и постановки дела связи, а в сентябре 1916 г., т.-е. за пять месяцев до революции, писал, что „числом связей в каждом городе измеряется успех поездки“ [1]. Организованное в 1915 году в Ленинграде Бюро ЦК распалось и восстановлено было осенью 1916 г. в составе: Шляпникова, Молотова и Залуцкого. В мае 1916 г. в Москве организовался областной отдел Бюро ЦК, областной работой однако не занимавшийся [2]. Агенты ЦК объезжали организации: так, т. Лутовинов в январе 1917 г. был в Екатеринославе, Донбассе и Харькове [3]. Сами организации связывались друг с другом, и, например, Ростовская посылала представителя в Харьков, Москву и Киев по вопросу о созыве Южно-Русской конференции в феврале 1917 г.

К концу 1916 г. Бюро ЦК в Ленинграде было довольно полно осведомлено о том, что делается в России. Бюро ЦК распространило по всем крупным организациям свои резолюции-тезисы по продовольственному вопросу, как руководящие при проведении политической кампании в связи с продовольственным кризисом. Выступление рабочего класса 9 января 1917 г. было подготовлено Бюро ЦК совместно с Москвою, но развить работу дальше района Ленинград—Москва—Иваново-Вознесенск у Бюро ЦК средств нехватило. В дни Февральской революции Бюро ЦК могло снестись только с Москвою [4]. Сообщения с мест к декабрю 1916 г. почти однородны: „Провинция очень плохо или совершенно не осведомлена о текущих делах и лозунгах момента. Нам кажется, что это довольно крупная ошибка, которую надо исправить как можно скорее“. Петербургский Комитет считал одним из крупных недостатков именно непостоянство связей [5].

[1] „Ленинский сборник“ II, стр. 240 и 279. Шляпников предполагал выехать от Бюро ЦК по России.

[2] Сб. „Накануне великой революции“, статьи тт. В. Попова и С. Смидович.

[3] С. Гопнер, „1916 г. в Екатеринославе“ — „Лет. Рев.“, № 2, стр. 145.

[4] Шляпников, „Канун 17 года“, ч. II, стр. 59—61, 87—88, и „1917 г.“, ч. I, стр. 125.

[5] „Пролет. Голос“, № 4, от 18 дек. 1916 г.—„Кр. Летоп.“, № 10, стр. 163—164.

4. Литература, работники и средства.

Эти вопросы теснейшим образом связаны с предыдущим и друг с другом. Несмотря ни на какие препятствия (постоянные провалы типографий, недостаток средств и литературы, очень часто недостаток в работниках, могущих написать листовку), партия расширяет дело издания нелегальной литературы. В Ленинграде за время войны выпущено было около 80 листовок в количестве до 300 тыс. экземпляров, при чем ко времени революции количество листовок, в среднем приходившееся в месяц, выросло сравнительно с месяцами начала войны в три раза [1]. Кроме того, за время с февраля 1915 г. по декабрь 1916 года вышло 4 номера журнала Петроградского Комитета партии „Пролетарский Голос“ [2]. Перепечатывались даже брошюры. Листовки выпускались и в Москве, а в начале 1916 г. вышел листок „Правда“, второй номер которого выпустить не удалось [3]. Листовки выпускаются местными организациями, а кое-где, как например в Харькове, появляется номер нелегальной газеты. За границей, кроме брошюр т. Ленина и других, вышли: „Социал-Демократ“, №№ 33—58, два номера „Сборника Социал-Демократа“ и в 1916 г. № 1 „Коммуниста“.

При всем том литературы нехватало. Даже 300 тыс. экземпляров ленинградских листовок (учитывая и провалы и то, что листовки не раз посылались в другие организации) не являются большой цифрой для 32 месяцев от начала войны и до начала революции. Жалобы на недостаток литературы идут отовсюду. Ленинград просили выслать литературу „хотя бы по одному экземпляру“. С юга жаловались, что неосведомленность и отсутствие литературы очень тормозят работу. На Урале был очень большой недостаток партийной литературы [4].

---

[1] М. Флеер, „Рабочее движение“, стр. 10.

[2] Первоначально был выпущен 1-ым Городским районом № 1 „Рабочего Голоса“; предполагавшийся к выпуску № 2 по соглашению с ПК был переименован в „Пролетарский Голос“ и стал органом Петербургского Комитета.

[3] Н. Сапронов, „Листок «Правда»“—«Пр. Рев.», № 24, стр. 195.

[4] „Прол. Голос“, № 4—„Кр. Летопись“, № 10, стр. 164—165.

Вместе с недостатком литературы был недостаток и в работниках, когда организации „не могут удовлетворить большого количества членов, хотя число желающих вступить в партийные ячейки очень велико".

К концу 1916 г., т.-е. накануне революции, Петербургский Комитет так определял мининум задач, которые необходимо осуществить не откладывая дела в долгий ящик: а) установление прочной и постоянной связи, б) усиление и немедленное проведение сборов в пользу партии, с сосредоточением их в кассе Бюро, в) издание Центрального Органа в России, г) издание необходимой партийной литературы, д) мобилизация всех активных сил партии и равномерное распределение их между местными и центральными учреждениями, е) постановка вопроса о партийной дисциплине, ж) безотлагательный созыв в самом ближайшем будущем Всероссийского Совещания [1]. Как известно, до революции не удалось созвать даже и областных конференций.

5. Работа партии вне пролетарской массы.

Недостаток в партии работников и особенно интеллигентных — пропагандистов, литераторов и т. п.—связан с тем, что, начиная с годов реакции (1907), а потом годов войны, от партии отошло значительное количество интеллигенции, прежде работавшей в рядах большевистской партии. Но было бы неверно думать, что большевистская партия не вела работу среди интеллигенции, а последняя совершенно не принимала участия в партийной работе. В Ленинграде в 1915 г. существовал объединенный комитет студенческой фракции РСДРП, с числом членов до 100 человек; большое количество поручений и партийной работы (особенно технической) выполнялось учащейся молодежью. Если считать, что в 1915 г. большевистская организация насчитывала в Ленинграде свыше 1 000 человек, то учащиеся составляли в ней около 9% [2]. В Москве работал целый ряд студенческих больше-

---

[1] „Пролет. Голос", № 4—„Кр. Лет.", № 10, стр. 164.

[2] С. Боголепов, „Заметки о технике Петербургского Комитета"—„Кр. Лет.", № 10, стр. 120—121.

вистских групп [1]; в Харькове образовались большевистские ячейки при университете и технологическом институте [2]; был студенческий коллектив в Ростове и т. д.

Приток учащейся молодежи, конечно, не разрешал еще вопроса о недостатке партийных сил. И этим недостатком, на-ряду с остальными условиями работы в России в годы войны, объясняется то, что партия не могла развить работу в тех слоях, которые должны были явиться союзниками рабочего класса в революции. И все же такая работа велась.

Особенно успешной она была во флоте, где уже к концу 1915 г. был довольно солидный партийный аппарат в Кронштадте, Гельсингфорсе и Або; суда и экипажи на берегу были связаны коллективами, существовал небольшой центр, откуда исходили директивы; на случай выступления рабочих были выработаны пароли, сигнализация, шифр; на фортах был свой кадр артиллеристов. По делу о военной организации во флоте приговором военно-морского суда, состоявшимся 26 октября 1916 г., несколько большевиков пошло на каторгу до 8-ми лет. Ряд листовок был выпущен к матросам военной организацией матросов-большевиков [3].

Работа среди сухопутных частей велась на фронте особенно успешно ЦК социал-демократии Латышского края. В Ленинграде работала военная большевистская организация, которой — из - за переменного текучего состава солдат и недостатка материальных средств — не удалось поставить широко организационную и агитационную работу. Кроме того, ведется работа среди солдат и выпускаются листовки к армии в Москве, Харькове, Киеве, Екатеринославе, Саратове, Самаре, Царицыне, Н.-Новгороде, Екатеринбурге, Твери, Смоленске, Баку, Батуме, Кутаисе, Тифлисе и в Сибири [4].

---

[1] И. Меницкий, „Рев. движ.“, т. I, стр. 211—214; т. II, стр. 205, 210—215.

[2] „Лет. Рев.“, № 5, стр. 15.

[3] К. Орлов, „Жизнь рабочего революционера“, изд. „Прибой“, стр. 27—31.

[4] Н. Авдеев, „Большев. работа во флоте и армии“ — „Пр. Рев.“, № 29, стр. 78—82.

Всего хуже обстояло дело с работой среди крестьян. В Саратове уже после Февральской революции, приступая к правильной организационной работе, аграрную работу оставили без организатора. В Казани организация по своей слабости и не могла думать о работе среди крестьян, начала развертывать ее только после Февраля и то первое время так недостаточно, что крестьянство оказалось в руках левых эс-эров [1].

В пределах Московской области, куда входили центральные крестьянские губернии, развертывание работы среди крестьян относится только к июлю 1917 г. [2].

6. Успехи и недостатки работы большевистской партии.

Минусы, крупные недостатки в деятельности большевистской партии ясно видны, и нет никакой надобности их замазывать: сравнительно небольшая численность партии; бесконечные партийные провалы и разгромы партийных организаций; эмиграция, ссылка и тюрьма; отдаленность руководящего партийного центра; слабость в деле централизации и связи; невозможность созыва не только всероссийской партийной конференции, но и областных; постоянный недостаток литературы и работников; несомненная слабость работы в сухопутных частях армии; почти никакой работы в деревне.

Плюсы организации: втягивание партией в свои ряды всего лучшего и передового в рабочем классе; закладка основ работы среди рабочей молодежи и работниц; притягивание лучшего слоя учащейся молодежи; несмотря ни на какие препятствия, развитие нелегальных организаций, усиление издательства и распространения нелегальной литературы и самое решительное превосходство здесь большевиков сравнительно с меньшевиками, „интернационалистами“, левыми эс-эрами и т. п.; хорошо поставленная работа во флоте; работа в сухопутных частях армии, несмотря на слабую ее постановку позволившая большевикам связаться с передовым слоем крестьянской массы.

[1] В. Поволжский, „Перед Октябрем“—„Пр. Рев.“, № 10, стр. 338 и 339.

[2] В. Яковлева, „Партработа в Моск. обл.“—„Пр. Рев.“, № 15, стр. 202.

И плюсы и минусы должны были сказаться как в дни Февральской революции, так и на всем первом этапе первой революции 1917 г.

Перечисленными выше плюсами нельзя ни в коем случае, однако, исчерпать всего содержания работы большевистской партии. Для этого надобно обратиться к главнейшему: к ее позиции в годы империалистической войны; к ее борьбе за рабочий класс и в освобождении его из-под влияния услужавших буржуазии социалистов; к ее руководству борьбой рабочего класса.

7. Большевизм и его основные положения в годы войны и к февралю 1917 года.

Большевизм в борьбе за овладение рабочим классом России определил полностью отношение к коренному вопросу об империалистической войне уже в тезисах т. Ленина, напечатанных в № 33 „Социал-Демократа“ от 1 ноября 1914 г. [1]. Резолюции Бернской конференции заграничных организаций большевиков в марте 1915 г. развили ноябрьские тезисы [2]. В октябре 1915 г. в № 47 „Социал-Демократа“ т. Ленин в новых тезисах дал ответ на все крупнейшие вопросы, стоявшие перед партией в то время в ее практической работе [3].

По вопросу об отношении к империалистической войне большевизм учил рабочие массы: а) беспощадно разоблачать грабительский характер войны; б) беспощадно бороться с шовинизмом; в) считать поражение царской монархии наименьшим злом; г) бороться за превращение империалистической войны в гражданскую, т.-е., — не голосуя за военные кредиты и не участвуя в буржуазных министерствах, создавая и укрепляя нелегальную пролетарскую организацию, поддерживая братание солдат и революционные массовые выступления пролетариата, — вести дело к восстанию пролетариата.

По вопросу об отношении к другим социалистическим группировкам и II Интерна-

---

[1] Ленин, т. XIII, стр. 5—12.
[2] „Бернская конференция 1915 г.“ — „Пр. Рев.“, № 40, стр. 168—178.
[3] Ленин, т. XIII, стр. 207—209.

ционалу — большевики учили, что: а) создание нового, действительно социалистического Интернационала немыслимо без полного организационного размежевания с оппортунистами [1]; б) социал-демократические партийные организации рабочего класса в России должны быть восстановлены на основе решительного организационного размежевания с социал-шовинистами и в) временные соглашения допустимы лишь с теми с.-д., которые стоят за решительный организационный разрыв с социал-шовинистами.

По вопросу о природе ближайшей русской революции, ее движущих силах и задачах пролетариата большевизм говорил: а) социальным содержанием ближайшей революции в России явится революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, ибо свергнуть монархию крепостников-помещиков нельзя без поддержки пролетариата крестьянством; б) отсюда задача пролетариата России — довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе; в) эта вторая задача теперь чрезвычайно приблизилась к первой.

Основными лозунгами большевизма являлись демократическая республика на основе полного самоопределения угнетенных наций и народностей, конфискация земли и 8-часовой рабочий день, с добавлением призыва к международной солидарности рабочих в борьбе за социализм, за революционное свержение воюющих правительств и против войны.

Самыми очередными и насущными задачами большевизм определял — упрочение и расширение партийной работы в пролетариате, а затем распространение ее на сельский пролетариат, деревенскую бедноту и войско; развитие стачечного движения под большевистскими лозунгами; использование легальных воз-

---

[1] Большевики заложили фундамент III Интернационала на международных конференциях в Циммервальде в сентябре 1915 г. и в Кинтале в конце апреля 1916 г., образовав там во главе с Лениным, Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург и др. — „циммервальдскую левую“.

можностей (выборная кампания в военно-промышленные комитеты только в агитационных и организационных целях; не может быть речи о бойкоте Гос. Думы) с обычной большевистской линией — „не впадать в легальность“.

Вопрос об Учредительном Собрании и Советах Рабочих Депутатов решался большевиками так: лозунг Учредительного Собрания, как самостоятельный, объявлялся неверным (ибо вопрос теперь заключался в том, кто его созовет); Советы Рабочих Депутатов суть органы восстания и революционной власти и могут принести пользу лишь в связи с развитием массовой политической стачки и восстания.

Большевизм предвидел возможность победы в России шовинистов и заявлял, что большевики будут против обороны „своего отечества“ — за союз международного пролетариата для социалистической революции.

Наконец, большевизм отвечал и на вопрос: что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти? Ответ был таков: предложение мира всем воюющим; революционная война после непринятия условий капиталистическими государствами, т.-е. не только проведение самыми решительными мерами программы - минимум, но одновременно систематическое разжигание восстания среди всех угнетенных народов и колоний и в первую голову восстания социалистического пролетариата Европы.

8. Социал-шовинисты и непоследовательные интернационалисты.

Среди небольшевистских группировок в России, именовавших себя социалистическими, дело обстояло так:

а) Откровенные шовинисты и социал-патриоты, желавшие победы над царизмом для победы над Германией, для грабежа других стран, для упрочения господства великороссов над другими народами России и т. п. договаривались до прямого примирения с царизмом во имя „поддержки“ войны. Здесь сплотились Плеханов, меньшевики вокруг легальных журналов „Наша Заря“ и „Наше

Дело“; в конце 1915 г. — военно-промышленные социалисты, прямо звавшие рабочих сотрудничать с буржуазией в военно-промышленных комитетах; наконец русские и заграничные эс-эры — последние из группы „За рубежом“ во главе с Авксентьевым, Савинковым, Аргуновым и т. д.

б) Такие же шовинисты, но пытавшиеся выдавать себя за „интернационалистов“: меньшевики - „окисты“ (Организационный Комитет меньшевиков, образовавшийся в 1912 г. — Мартов, Аксельрод и др.); оставшаяся в Думе фракция из 6 меньшевиков во главе с Чхеидзе; Бунд; эс-эры, группировавшиеся около газеты „Мысль“, а потом „Жизнь“, выходившей в Париже, — во главе с Черновым.

в) Непоследовательные интернационалисты, все дальше отходившие от меньшевиков, но окончательно с ними не порывавшие. Основной здесь была группа, образовавшаяся в Париже вокруг газеты „Наше Слово“ и включавшая и бывших большевиков и бывших меньшевиков. По справедливости эту группу можно было бы назвать троцкистской, ибо она приняла все три основных тогдашних положения т. Троцкого: а) примиренчество или объединенчество (на деле это приводило к подчинению социал-шовинистам); б) непринятие большевистского лозунга поражения и, наоборот, проповедь лозунга „борьбы за мир“ (между тем, не желая поражения буржуазному правительству нельзя было на деле бороться за мир); в) утверждение, что вторая революция в России будет социалистическая, т. е. перескок через крестьянство [1]. В Ленинграде с „нашесловцами“ были связаны так называемые „межрайонцы“, организация во многом подходившая к большевикам, но одновременно стоявшая на троцкистской точке „объединенчества“. Сюда же надо

[1] В Париже с 1 сентября выходил „Голос“, а с 29 января 1916 г. — „Наше Слово“. Первоначально в „Голос“, который являлся, по выражению т. Троцкого, „органом некоторого временного блока“, входили Аксельрод, Мартов и др. В сентябре 1915 г. Мартов порвал с редакцией. См. Л. Троцкий, „Война и революция“, т. I, стр. 12—13, 24—27. См. также: Г. Зиновьев, „Российская социал - демократия и русский шовинизм“ — сборн. „Против течения“, стр. 200—255.

отчасти отнести и некоторые группы так называемых меньшевиков-интернационалистов.

Все вышеперечисленные группировки вели борьбу за рабочий класс России.

Первые две сознательно толкали пролетариат под руководство буржуазии и являлись по существу ее слугами. Третья группировка путала дело, сбивала рабочий класс с толку. Со всеми тремя большевистской партии пришлось вести беспощадную борьбу за овладение пролетариатом России в новых условиях годов войны и кануна Февральской революции.

IV. Большевистская партия и рабочий класс в годы войны и накануне революции.

1. В первые месяцы войны.

Большевики начали с того, что:

а) Во время наибольшего упадка рабочего движения во второй половине 1914 г., несмотря на все правительственные разгромы, несмотря на невероятную трудность работы, лихорадочно принялись за восстановление своих нелегальных организаций.

б) Большевистская депутатская „пятерка“ в Думе пошла в самую гущу рабочей массы и одновременно стала организующим центром нелегальной работы.

в) С самого начала войны, еще до присылки в Россию проекта тезисов т. Ленина, ряд организаций выпустил листовки с лозунгами: „Долой войну; война — войне“.

г) Уже в 1914 г. большевики, ни на минуту не впадая в преклонение перед легальностью, работали в сохранившихся легальных организациях рабочего класса, использовали их для нелегальной работы; вместе с легальными приводами от партии к рабочему классу создавали через легальные организации нелегальные приводы: нелегальные ячейки профессиональных союзов, нелегальные их центральные объединения.

Сейчас же после объявления войны и июльских разгромов ленинградские рабочие-большевики восстанавливают свои организации в 1-ом Городском, Выборгском, Василеостровском и других районах, а деятельность Петербургского Комитета „начинает ощущаться после ареста депутатов“, т.-е. после 5 ноября 1914 г. [1]. В Москве большевики организуют нелегальное Центральное Бюро профессиональных союзов, охватившее 10 сохранившихся легальных союзов [2]. Восстанавливается организация в Киеве [3] и т. д.

В Ленинграде на протяжении сравнительно короткого срока выходит несколько листовок против войны [4]; выпускаются листовки и в ряде других городов.

Рабочий класс еще придавлен первыми месяцами военного режима. В начале войны небольшие группы в Ленинграде и Москве устраивали революционные демонстрации против войны [5]; наиболее отсталые предприятия в Ленинграде или отсталые слои рабочих в провинции были настроены патриотически, и кое-какие группы принимали даже участие в патриотических демонстрациях.

Основная масса рабочего класса молчала. Придавленность рабочей массы была еще так велика, что даже арест „пятерки“ большевистских депутатов Государственной Думы, „хотя и взволновал рабочих, но особенно сильного движения не вызвал“ [6].

2. 1915 год: 9 января, 1 мая, сентябрьская стачка.

9 января 1915 г. только Петербургский Комитет большевиков призвал рабочий класс к забастовке под лозунгом: „Долой войну, долой само-

---

[1] „Подпольная работа в годы империалистич. войны в Петрогр.“, „Кр. Лет.“, № 2—3, стр. 136, 120, 122; Митриевич, „Воспоминания“— Пр. Рев.“, № 4, стр. 229—230.

[2] Сапронов „Моск. центр. бюро“ — „Материалы по ист. профдвиж.“, сб. 4, стр. 78.

[3] Майоров, „Из ист. рев. бор.“, стр. 12—13.

[4] Ленинградские и моск. лист. 1914 г., см. „Памятники агит. литер.“. ГИЗ, т. VI.

[5] „Кр. Лет.“, № 5, стр. 229 — о Ленинграде; „Лет. Рев.“, № 5, стр. 3 — о Харькове; о Москве: Меницкий, „Рев. движ.“, т. I, стр. 65, и „Путь к Окт.“, вып. 3, стр. 132.

[6] Граве, „К истор. класс. бор.“, стр. 108.

державие". На этот призыв откликнулось около 2% всей тогдашней массы ленинградского пролетариата. С этим начали большевики.

Но уже 1 мая 1915 г. по призыву большевиков бастует,—вместо $2^1/_2$ тыс., как было 9 января,—35 000 человек [1].

Волна политических забастовок в сентябре [2] 1915 г. в Ленинграде охватила, по правительственным сведениям, свыше 60 000 рабочих, а в Москве—свыше 20 000, или в Ленинграде бастовало около 25% всех рабочих города [3].

Сентябрь есть месяц высшего подъема рабочего движения в 1915 г. Этот подъем подготовился наступлением фабрикантов и заводчиков, все усиливавшейся продовольственной разрухой, каторжным режимом, который царское правительство установило для рабочего класса; расстрелами рабочих во время экономических забастовок 2—5 июня в Костроме и 10 августа в Иваново-Вознесенске [4]; поражениями царского правительства на фронте.

Большевики еще летом постановляют, в связи с брожением среди рабочих масс на экономической почве—

---

[1] Цифра не может считаться точной, ибо даже сведения „Сборника Социал-Демократа" противоречат сообщениям в № 47 „Соц.-Дем."; но, конечно, заведомо неверна и цифра охранного отделения, указывающая, что в Ленинграде бастовало только 859 чел.

[2] Подъем стачечного движения в 1915 году идет так: январь—ок. 9 000 бастовавших; февраль — 23 000; март — св. 15 000; апрель — ок. 36 000; май — 59 000; июнь — 80 000; июль — ок. 28 000; сентябрь—ок. 114 000.

В мае правительство, напуганное ростом рабочего движения, попыталось прибегнуть к старому средству и организовало в Москве немецкий погром, в котором приняли участие и рабочие. Тов. Ленин писал, что „отдельные эксцессы в начале войны коснулись лишь самых темных слоев рабочих. Участие рабочих в московских безобразиях против немцев сильно преувеличено" (т. XIII, стр. 112).

[3] По сведениям в № 47 „Соц.-Дем." бастовало до 150 000 человек.

[4] Забастовка Костромской льняной мануфактуры (экономическая), начатая 2 июня, кончилась расстрелом: было убито 14 и ранено 45 рабочих (сб. Центроархива „Рабочее движение", стр. 211—214). В Иваново-Вознесенске августовской забастовкой руководили большевики; при расстреле рабочих, требовавших освобождения арестованных депутатов, убито 25 и ранено 30 чел. („Ив.-Вознес. Ежегодник" за 1920 г., стр. 39—42).

вести упорную систематическую борьбу с патриотическими и шовинистическими настроениями в рабочем классе путем выдвигания экономических требований [1] и подготовляют выступление рабочих под лозунгом: „Долой войну, долой правительство“ [2].

Социалисты-оборонцы, однако, прежде большевиков сумели использовать „конфликт“ между буржуазно-помещичьей Думой и царским правительством. 3 сентября была распущена Дума, ибо ее октябристско-кадетский „прогрессивный блок“—по случаю беспрерывных военных поражений и явной неспособности царского правительства вести войну „до победного конца“—оказался в оппозиции правительству.

Сентябрьская забастовка, совпавшая с роспуком Думы, была вызвана оборонцами и рассматривалась ими, как движение „поддержки“ думских „прогрессистов“. Оборонцы прямо заявляли, что пролетариат выступил „за Думу“.

На деле было не так. Правда, с одной стороны, резолюция такого завода, как Путиловский, где бастовало около 20 000 чел. (т.-е.—по правительственным сведениям—около 33% всех бастовавших), начавшись с требования возвратить из ссылки депутатов Гос. Думы, заканчивалась протестом против предполагаемого роспуска Гос. Думы, протестовала по поводу непринятия правительством мер против „продажи отечества“ и, наконец, требовала ответственного министерства, т.-е. по существу докатилась до меньшевистски-кадетских лозунгов [3]. Но зато, с другой стороны, большевики, немедленно войдя в движение, распространили свои лозунги. В то время когда меньшевики постановили прекратить забастовку на третий день, большевики, в ответ на опубликованные каторжные правила генерала Фролова, призывали рабочих бастовать в целях демонстрации еще один день, чем притянули к себе значительную часть рабочих. В итоге: если сентябрьская стачка

---

[1] Постановление общегородской конференции Петерб. организации от 19 июня 1915 г. См. „Кр. Лет.“, № 7, стр. 32—33.

[2] „Социал-Демократ“, № 47—„Революция и РКП(б),“ т. VII, стр. 144.

[3] „Прол. Revол.“, № 13, стр. 60—61.

отразила в ряде постановлений заводов „ту путаницу, которая царит в головах в нынешний период рабочего движения“ [1], если начата была забастовка меньшевиками, то большевики использовали ее для проведения своих лозунгов и для укрепления своего влияния в рабочих массах. И успех большевиков в сентябрьской же „военно-промышленной кампании“ в Ленинграде (о ней речь ниже) слагался из всей суммы предыдущей большевистской работы: борьбы против войны, руководства экономической борьбой пролетариата, перехода руководящей роли в сентябрьской политической забастовке к большевикам.

3. „Приводы“ от партии к классу. Продовольств. кампания 1916 г.

Совершенно правильно большевистская партия ставила и коренной вопрос о приводах от партии к рабочим массам. В 1915 г.—в добавление к нелегальным ячейкам, фракциям или центральным нелегальным объединениям профессиональных союзов, нелегальным ячейкам страховых и культурно-просветительных организаций — прибавляются продовольственные комиссии, завоевавшие себе полулегальное существование, и стачечные комитеты.

Продовольственные волнения вспыхнули еще весной 1915 г., когда в Москве войска отказались стрелять в „бунтовавших“ женщин (при разгроме Преображенского рынка) [2]. Осенью 1915 г. продовольственные волнения усилились в Ленинграде, и 19 декабря произошел погром Сытного рынка.

Большевики развили агитационную кампанию по продовольственному вопросу и с 17 октября начали на фабриках кампанию за необходимость организации на заводах рабочих продовольственных комиссий. Выборы в такие комиссии произошли в ряде районов.

Продовольственные комиссии должны были выполнять при известных обстоятельствах и роль стачечных

---

[1] Корреспонденция в № 50 „Соц.-Дем.“, привед. у Шляпникова „Канун 1917 г.“, ч. I, стр. 90.

[2] И. Меницкий, „Револ. движение“, т. I, стр. 221.

комитетов, что не исключало самостоятельной организации последних во время проведения стачки. В ноябре 1915 г. в Выборгском районе уже обсуждался такой план: стачечные комитеты заводов объединяются в районные, районные—в общегородской, общегородской впоследствии должен превратиться в Совет Рабочих Депутатов [1].

4. Военно-промышленная кампания 1915—1916 г.

При рассмотрении рабочего движения 1915 г. главное внимание естественно приковывает Ленинград. Само собой, забастовки происходят и в других местах России, и, например, сентябрьская политическая стачка была в Нижнем, в Харькове, в Екатеринославе [2]. Кампания за военно-промышленные комитеты, захватившая не только последнюю четверть 1915 г., но перевалившая и на 1916, явилась, по выражению т. Ленина, „самым крупным фактом в жизни российской социал-демократии: впервые за время войны и только эти выборы притянули действительно массы пролетариев к обсуждению и решению основных вопросов современной политики" [3].

Вопрос о том, участвовать ли рабочим в работе военно-промышленных комитетов [4], означал: решают ли массы, поддержать капиталистов в империалистической войне, или пойдут против этого.

В Ленинграде,—несмотря на то, что охранка беспрерывными арестами создавала искусственный пере-

---

[1] „Прол. Рев.", №13, стр. 64—65.

[2] „Соц.-Демократ", № 47, „Рабочее движение".

[3] Ленин, т. XIII, стр. 216—217 и 223. Попытки буржуазии „привлечь" рабочих к сотрудничеству относятся еще к весне и лету 1915 г. Так, рабочие в Москве участвовали в мае на совещании по борьбе с алкоголизмом. На июльском съезде по борьбе с дороговизной, который был созван Всероссийским Союзом городов (руководимым кадетами), было 36 рабочих представителей от профсоюзов и больничных касс. На предварительных совещаниях рабочей группы большевики одержали победу и провели свою декларацию, которая на съезде была оглашена. (См. Меницкий, „Рев. движение", т. I, стр. 284—327).

[4] Ст. т. Ленина оценивала выборную кампанию в Ленинграде; с теми или другими ограничениями (относительно местностей, где полиция и соглашатели совершенно не давали возможности проведения массовой кампании) это верно для всей России.

вес вождям из лагеря социал-патриотов [1], — большевики на первом собрании уполномоченных 27 сентября 1915 г. одержали, действительно, „большую и прекрасную победу“ [2]. За наказ большевиков голосовало 95 уполномоченных — против блока меньшевиков и эс-эров в 81 человека.

Тем не менее этот блок собрал, как-никак, а свыше 40%; из 198 уполномоченных, которые были на собрании, большевики имели своих всего 60 человек, а свыше 30 „примиренческих“, лево-эсэровских и т. д. колеблющихся голосов большевики притянули к себе уже на собрании.

На заводах в числе выборных было много меньшевиков и эс-эров; на трех заводах выбрали меньшевика, а наказ ему дали большевистский; даже на таком заводе, как „Новый Лесснер“, где был наиболее сильный большевистский коллектив, борьба с оборонцами оказалась вовсе не легкой, и они ухитрились провести большинством в 50 голосов своих выборных; правда, через очень короткое время новолесснеровцы этих выборных лишили полномочий [3].

Потерпев поражение 27 сентября, оборонцы отыгрались 29 ноября, ибо опротестовали „полномочность первого собрания“ и, совместно с жандармами, ухитрились на новом „полномочном“ собрании, куда явилось всего 153 выборщика, получить большинство. Большевики, огласив протест, ушли, увлекши за собой часть левых эс-эров и интернационалистов, — что не помешало оборонцам, у которых осталось всего 40% собрания, произвести выборы в военно-промышленный комитет.

В Москве выборы происходили 10 ноября на 62 предприятиях с числом рабочих около 90 тыс., причем фактически в выборах приняло участие около 33% рабочей массы. На собрании уполномоченных

---

[1] В. Залежский, „Петерб. пролетар. на выборах“ „Револ. и РКП“, т. VII, стр. 196 — 197.

[2] „Соц.-Демократ“, № 48 от 20 ноября 1915 г.

[3] „Соц.-Демократ“, №№ 48 и 50, прив. у Шляпникова „Канун 17 г.“, ч. I, стр. 90; Кондратьев, „Воспоминания“—„Кр. Лет.“, № 7, стр. 49 — 53.

от 15 ноября, где с речью выступал фабрикант Рябушинский, большевикам (их было не много более 23% всего собрания) пришлось собрание покинуть, огласив особую резолюцию и при этом чуть не подвергнувшись задержанию со стороны полиции. Московская оборонческая легальная „Народная Газета“ не преминула с величайшим лицемерием написать, что московские выборы представляли „странную игру в темную“, что „никакой предвыборной кампании в Москве не было“ и что московские рабочие могли бы сказать лишь одно: „Без меня меня женили“ [1].

В Сормове (Н.-Новгород) бойкот военно-промышленных комитетов прошел удачно, и большевики огласили на губернской конференции уполномоченных декларацию о прекращении войны и т. д. [2]. В Саратове большевики добились того, что рабочие решительно высказались против вхождения в комитеты, а администрация после такого провала просто „пригласила двух надежных рабочих представлять идеи Плеханова в военно-промышленном комитете“ [3]. В Самаре, где кампания проходила наиболее либерально, меньшевики, имевшие легальную газету „Наш Голос“, победили только потому, что согласно избирательному закону мелкие предприятия фактически подавляли крупные; на собрании уполномоченных в феврале 1916 г. большевиков оказалось (из 70 чел.) — 25 [4]. На Урале выборы проходили благополучно в мелких предприятиях; в крупных приняли участие в выборах по Екатеринбургскому округу всего 18%. По партийным сведениям здесь же в выборах участвовало 15 тыс. рабочих, а не участвовало 60 тыс. Все это не помешало 1 июня 1916 г. блоку фабрикантов и оборонцев выбрать 22 выборщиков [5]. В Киеве оборонцы, по их

---

[1] Л. Троцкий, „Социал-патриотизм в России“—„Наше Слово“, февр.-март 1916 г. — „Война и революция“, т. II, стр. 157—159.

[2] И. Макаров, „О нелегальной работе в Сормове“—„Материалы“ под ред. Илларионова, т. I, стр. 140.

[3] „Прол. Рев.“, № 16, стр. 29; Троцкий, „Война и револ.“, т. II, стр. 159—160.

[4] „Кр. Быль“, № 1, стр. 5—11.

[5] В. Воробьев, „Перед рассветом“, изд. „Прибой“, стр. 54—55.

словам, одержали одну из самых блестящих побед, особенно среди железнодорожников; впоследствии большевики добились того, что, например, союз портных вынес постановление об отозвании своих представителей из военно-промышленного комитета [1]. В Харькове полиция так „помогла“ на общегородском огромном митинге оборонцам, что рабочая масса, в сущности находившаяся до этого под их влиянием, передвинула свои симпатии в сторону выступавших большевиков; митинг явился переломным моментом в настроении харьковских рабочих и началом оживления партийной работы, так что состоявшееся в конце декабря 1915 г. собрание уполномоченных подавляющим большинством отказалось выбирать своих представителей в военно-промышленные комитеты [2]. В Екатеринославе — в Заднепровье массовка с участием всех заводов абсолютным большинством приняла резолюцию меньшевиков [3].

Оценивая исход ленинградской военно-промышленной кампании, т. Ленин, между прочим, отметил тот факт, что массы есть у блока буржуазии и социал-патриотов [4].

Исход кампании показал крепнувшее и росшее влияние большевизма, переход под это знамя рабочих прежде всего крупнейших предприятий; и в то же время выборы вскрыли настроение отсталых масс, показали, что блок буржуазии и социал-патриотов эти массы за собою еще имеет.

5. 1916 г.: 9 января, путиловская и н.-лесснеровская стачки, Москва.

Рабочее движение, после высшего подъема в сентябре 1915 г., в последней трети этого года идет вниз. Новый подъем начинается с января 1916 г.

9 января к празднованию призывают большевики (группа левых эс-эров, выступивших с листовкой на мимеографе с призывом

[1] Майоров, „Ист. рев. борьбы“, стр. 7.

[2] Базанов, „7 мес. партработы“—„Пр. Рев.“, № 9, стр. 91—95 и 122—124.

[3] Д. Лебедь, „Рев. раб. на Екатеринославщине“—„Лет. Рев.“, № 2, стр. 119.

[4] Ленин, т. XIII, стр. 223.

к стачке, была слишком слаба; не сильна была и организация межрайонцев). Оборонцы во главе с работавшими теперь „военно-промышленными социалистами“ или гвоздевцами (председателем рабочей группы при военно-промышленном комитете был Гвоздев) выступили *и* против забастовки *и* против демонстрации.

По официальным сведениям, бастовало 60 тыс. человек; по другим источникам — до 100 тысяч, при чем в одном Выборгском — до 40 тысяч [1]. На Выборгской стороне была довольно внушительная рабочая демонстрация, к которой сочувственно относились солдаты. Попытки к демонстрациям были и на некоторых других заводах, но на 39 предприятиях при наличии забастовки „не наблюдалось попыток устроить демонстрацию“. Петербургский Комитет большевиков звал *и* к демонстрации в центре города *и* к забастовке.

Таким образом, если взять цифру бастовавших в 100 тыс. человек и учесть, что уже в сентябре 1915 г. в Ленинграде было 250 тыс. рабочих, а в сентябре 1916 г. — 300 тысяч, то бастовало в Ленинграде 9 января 1916 г. около 36% всей рабочей массы; из бастовавших 40% приходилось на Выборгский район, в котором собственно развернулись наиболее активные действия.

При приблизительном, но все же рисующем картину движения, процентном исчислении, выходило, что в забастовке приняло участие 15% наиболее активной массы ленинградского пролетариата (Выборгский район); в тоже время 64% всех рабочих не откликнулись на призыв бастовать в день 9 января.

Даже в таком передовом центре движения, как Ленинград, хотя и явно было видно, что движение растет, — растут силы революции, движение пробивает себе дорогу к более высшим формам (стачка, соединенная с демонстрацией),—но в то же время налицо был факт, что за большевиками **идет еще меньшинство рабочего класса и нужна работа по завоеванию большинства**.

---

[1] Сборник Центрархива „Рабочее движение в годы войны“, стр. 232 — 240; Шляпников, „Канун 1917 г.“, ч. 1, стр. 128.

Рост большевистского влияния подтверждается отмеченной выше [1] победой большевиков 31 января 1916 г. на выборах в страховой совет, хотя оборонцы получили все же свыше 37% голосов уполномоченных. Большевики неустанно работают над укреплением своего влияния в рабочих массах.

Охранка удостоверяет, что февральская путиловская забастовка [2] осталась бы экономической, если бы не вмешались большевики, которые „всегда стремятся использовать всякие крупные движения в своих целях“. После закрытия Путиловского завода и отправления военнообязанных к воинскому начальнику большевики зовут рабочих Ленинграда к всеобщей стачке, к вынесению движения на улицу путем революционной демонстрации и братанию с армией. Всеобщая политическая стачка не прошла, но забастовки протеста все же начались и с 29 февраля охватили ряд предприятий, при чем наиболее революционной снова оказалась Выборгская сторона [3].

Мартовская экономическая стачка на „Новом Лесснере“, наиболее передовом заводе передовой Выборгской стороны [4], когда в стачечный комитет входили и большевики, и меньшевики, и эс-эры, замечательна не только своим упорством, широко развернувшейся работой стачечного комитета, но также и своим концом: нажим правительства и заводчиков вместе с явной изменой военно-промышленных социалистов привели к тому, что в конце концов 500 наиболее сознательных рабочих, и в том числе 200 большевиков

---

[1] См. у нас стр. 17.

[2] Забастовку начали электрики в связи с успехом январской стачки трамвайщиков, которой также руководили большевики. Электрики на Путиловском заводе были поддержаны и всей массой путиловцев.

[3] Сб. Центрархива „Раб. движение“, стр. 255—267.

[4] На Выборгской стороне были сосредоточены новые и в техническом отношении наиболее хорошо оборудованные заводы. Поэтому там было наибольшее скопление квалифицированных рабочих металлистов. С другой стороны, возможность проживания в Лесном, в Гражданке и вообще в пригородных местностях способствовала тому, что на Выборгской стороне скопилось наибольшее количество рабочих нелегальных, полулегальных и т. д., могущих все-таки работать на заводах.

и сочувствующих им, оказались выброшенными на улицу, а сам завод „в политическом отношении замер больше чем на три месяца“ [1].

В марте же 1916 г., вследствие разгрома партийной организации и правительственных репрессий, проваливается намечавшаяся Московским Комитетом политическая забастовка по поводу суда над трамвайными служащими, и охранка отмечала, что для проведения забастовки в Москве „организованных сил не наблюдается“ [2]. Вообще говоря, весь 1916 г. в Москве идут только экономические забастовки.

В Ленинграде „мощное нарастание движения в рабочих кварталах, которое началось с осени 1915 г. и достигло наибольшего развития в январе 1916 г.“, пришло к состоянию обычного отлива, временного затишья, и „летом политическая жизнь совсем замерла“ [3].

Подъем начался в сентябре и принес октябрьскую стачку 1916 года.

6. Две октябрьские 1916 г. стачки.

Осенний подъем был неизбежен, раз а) продолжалась война, б) ухудшалось положение рабочей массы в связи с общим понижением реальной заработной платы, и прежде всего у металлистов; все более обострялся продовольственный кризис.

Ряд донесений охранки удостоверял рост настроений против войны и озлобления народных масс по отношению к правительству [4].

В *первой* октябрьской стачке в Ленинграде, вспыхнувшей стихийно 17 октября 1916 г., особенно нужно отметить, что рабочие такого района, как Выборгская сторона, собственно *уже* подошли к вопросу о восстании: слухи о революционном взрыве в Москве породили мысль о том, что Москву надо поддержать

---

[1] К. Кондратьев, „Воспоминания“—„Кр. Лет.“, № 7, стр. 57—60.

[2] „Прол. Рев.“, № 14, стр. 489 и 516—518.

[3] „Прол. Голос“, № 4 — перепеч. „Кр. Летопись“, № 10, стр. 153. Для весны 1916 г. надо отметить: а) в день ленского расстрела в Ленинграде бастовало около 8 000 раб., б) день 1 мая пришелся на *праздник*, массовой стачки не было, но и в Ленинграде вышли листовки и № 3 „Прол. Голоса“, были митинги и отдельные стачки. В Москве вышла одна листовка.

[4] Граве, „К истории класс. борьбы“, стр. 178—181.

и что дело идет сейчас уже о последнем решительном бое. Именно так был понят массою листок Петербургского Комитета, вышедший перед 17 октября, где было написано: пора народным массам взять инициативу в свои руки; довольно терпеть и молчать [1].

Далее: солдаты запасного пехотного 181 полка, казармы которых были расположены около завода „Новый Лесснер", оказали активную поддержку стачечникам, разогнали вместе с ними полицию, ранили командира полка; казаки и учебная команда полка отказались стрелять в восставших, и солдаты в сущности сами вернулись в казармы [2].

На Выборгской стороне от 3 до 4 дней бастовали $^3/_4$ заводов; захвачены были стачкой несколько заводов Васильевского острова, Петроградской стороны и Московской заставы. Экономических требований не выставлялось никаких — протестовали против войны и дороговизны. И все же Петербургский Комитет, считаясь с тем, что „дальнейшее развитие стачки принимает стихийный характер и сеет в рабочих рядах иллюзию, что вот уже пробил час революции... тогда как рабочие массы еще не организованы, не сплочены, провинциальное рабочее движение носит зачаточный характер" (разрядка наша),— Петербургский Комитет постановил призвать рабочих вернуться к станкам. При этом, даже рассчитывая на то, что, может-быть, придется выступить скоро вновь, Петербургский Комитет в своей листовке говорит, что нельзя принимать каждую демонстрацию, каждую стачку протеста за начало последней схватки; дальше ПК призывает разъяснять самым отсталым и темным то, что несет народу бесконечная война, призывает устраивать сборы, крепче связываться с солдатами, не давать обмануть себя тем, которые хотят вызвать рабочих на преждевременную бойню [3].

---

1 Листок приведен у Шляпникова — „Канун 1917 года", ч. I, стр. 222—224.

2 „Соц.-Дем.", № 57, от 30 дек. 1916 г.

3 „Прол. Голос", № 4—„Кр. Лет.", стр. 153—154; листовка у Шляпникова—„Канун 1917 г.", ч. I, стр. 226—227.

Рабочие стали на работу неохотно, и 26 октября 1916 г. началась вторая октябрьская стачка по призыву Петербургского Комитета в день суда над матросами-большевиками. Стачка охватила 120 тыс. рабочих 50 заводов; кроме того, к ней примкнул ряд мелких предприятий, 15 типографий и ряд высших учебных заведений.

Пролетариат поднимал на борьбу другие слои населения, а передовой его отряд все более и более раскачивал отсталых.

Когда правительство и заводчики ответили на стачку локаутом и 28 октября закрыли 10 крупнейших заводов Выборгской стороны, а Петербургский Комитет призвал к забастовке впредь до отмены локаута и к организации уличной демонстрации, — рабочие предприятий, не бастовавших 26 октября, решили поддержать локаутированных стачкою. 31 октября правительству пришлось забить отбой, и локаут был снят без всяких последствий.

Это была крупная победа, и вместе с тем Петербургский Комитет большевиков был прав в своей оценке положения. Даже в октябрьскую стачку (вторую) в Ленинграде бастовало около 44% всего питерского пролетариата, а в Москве не было никакого отклика на ленинградские события [1].

7. Конец 1916 г.— перед 1917 годом.

В своих листовках против локаута, вышедших 1 ноября 1916 г., Петербургский Комитет выставил лозунг: работы и хлеба. Осенью же 1916 г. большевики против гвоздевцев, оборонцев и т. д. повели широчайшую продовольственную кампанию и распространили на фабриках и заводах резолюцию, которая коротко и ясно говорила, что все частичные средства борьбы с продовольственным кризисом могут лишь незначительно его ослабить; единственно действительное средство борьбы — это борьба против войны, правительства и правящих классов, затеявших ее [2].

---

[1] Листовка ПК у Шляпникова, „Канун 1917 г.“, стр. 231—232.
[2] Резолюция приведена там же, стр. 241—246.

В 1916 г. значительного развития достигли полулегально существовавшие заводские комиссии, которые ведали всеми вопросами, связанными с внутренним распорядком в мастерских, а также представляли интересы рабочих при возникновении конфликтов между рабочими и администрацией. Легализации этих комиссий добивались, между прочим, ленинградские передовые рабочие, когда в марте 1916 г. протестовали против введенного правительством (по предложению гвоздевцев) института фабричных старост [1].

В 1917 г. и большевистская партия и рабочий класс вступали окрепшими. Недовольство войной и озлобление против правительства росли с невероятной быстротой. И все-таки соотношение организованности партии и организованности рабочего класса было таково, что в январе 1917 г. большевики могли поставить вопрос еще не о восстании, а об открытых уличных выступлениях.

V. Февральско-мартовские дни 1917 года в Ленинграде.

1. Накануне февральских дней. 9 января. За октябрьской волной, которая по всей России дала около 190 000 стачечников, следует ноябрьский и декабрьский отлив (по 40 000 стачечников на месяц), а в январе бастует, только по официальным данным, свыше 230 000 человек.

В Ленинграде в день 9 января стали даже такие заводы, которые не бастовали с 1905 г. — Петербургский Арсенал (на Выборгской) и Обуховский. Общую цифру стачечников Петербургский Комитет определял в 200 000 и более.

Бастовало около 50% всей массы петербургских рабочих; Выборгская сторона дала не менее 30% стачечников [2].

---

[1] См. у нас стр. 20.

[2] „Письмо Исп. Ком. ПК в Бюро ЦК“, прив. у Шляпникова — „1917 год“, кн. I, стр. 269—271.

К прежним условиям, гнавшим движение в гору, присоединился начинавшийся промышленный кризис и массовые сокращения производства из-за недостатка сырья.

Петербургский Комитет большевиков, так же как и Бюро ЦК, поставили вопрос только об уличной демонстрации. Но в питерской организации были голоса, которые высказывались, чтобы решительное выступление в день 9 января развернулось вглубь и вширь, вплоть до решительных сражений. Тем не менее, Петербургский Комитет, учтя, что кризис все еще нарастает, что недовольство с каждым днем охватывает все более широкие круги населения, указал на невозможность предвосхитить события и своей задачей поставил в день 9 января 1917 г. лишь усилить агитацию за революционные лозунги: „Долой монархию, долой войну“ [1].

В Москве после года экономических забастовок политическая стачка охватила 9 января, по партийным сведениям, $^1/_3$ предприятий, а по правительственным— около 31 000 рабочих. Так же, как и в Ленинграде, были предприняты попытки устройства революционных демонстраций с красными флагами и с лозунгами: „Долой войну“ [2]. По России забастовки были в Харькове, Баку, Нижнем-Новгороде и др.

Накануне февральских дней. 10—14 февраля.

Мощный рост революционного рабочего движения поставил перед буржуазией и социал-оборонцами вопрос: что же будет дальше? Это было тем более уместно, что разложение старого порядка шло с ужасающей быстротой. Оппозиция буржуазии царизму росла; составлялись „заговоры“, в коих вместе со сливками буржуазии принимали участие верхи армии и великие князья; усиливалась работа англо-французского империализма (всего более опасавшегося сепаратного мира Николая II с Германией) по части устройства таких перемен в управлении Россией, которые бы обеспечили участие ее в войне „до победного конца“.

---

[1] „Письмо № 1 Исп. Ком. ПК в ЦК РСДРП (б)“ у Шляпникова— „1917 год“, кн. I, стр. 271—272.

[2] „Пр. Рев.“, № 14, стр. 488.

Как раз из рядов военно-промышленных социалистов и родилась мысль о направлении рабочего движения на поддержку буржуазии против царизма.

Рабочая группа Центрального Военно-Промышленного Комитета выпустила нелегальную листовку-резолюцию, в которой, призывая рабочий класс к сплочению и организации (избрать заводские комитеты), приурочивала организованное выступление рабочих к моменту открытия работ Государственной Думы после рождественского перерыва ее занятий: „У Таврического дворца рабочие должны заявить основные требования рабочего класса и демократии“ [1].

В ответ на лозунг: „К Таврическому дворцу“ — большевики призвали рабочих отметить политической стачкой протеста вторую годовщину ареста большевистской „пятерки“ депутатов.

Выступили и другие организации, и в конце концов получилось: гвоздевцы звали к Таврическому; меньшевики из „инициативной группы“ — никуда не звали и удерживали от выступления [2]; „межрайонцы“ сеяли вообще недоверие к выступлению и звали к митингам протеста [3]; большевики — к стачке и демонстрациям с лозунгом: „На Невский“ [4].

Петербургский Комитет назначил стачку на 10 февраля, когда начиналась масленица, и затем уже переменил день на 13-ое. Это явилось добавочной причиной сравнительной слабости движения.

Итоги его таковы: а) рабочие к Думе не пошли, но на некоторых заводах (Обуховский, Вулкан, Арсенал и т. д.) принималось обращение военно-промышленной рабочей группы [5]; б) у самой Думы в назначенный срок собралась разношерстная кучка, человек в 500; в) стачка на заводах растянулась на несколько дней,

---

[1] „Воззвание“ привед. у Шляпникова „1917 год“, т. I. стр. 279—280.

[2] „Прол. Рев.“, № 13, стр. 275 — 278.

[3] Юренев, „Межрайонка“ — „Пр. Рев.“ № 25, стр. 131—133.

[4] В листке Пет. Ком. этого лозунга нет, но т. Шляпников очевидно прав, приводя его как основной: лозунгом демонстраций 17 года стало обычно—пробиться к центру города.

[5] См. „Письмо рабочей группы ЦВПК“ Шляпников, „1917 год“, кн. I, стр. 273 — 275.

при чем бастовало всего около 80 000 рабочих; г) определить, какие заводы бастовали по призыву большевиков, а какие по призыву гвоздевцев,—не представляется возможным [1]; д) был ряд демонстраций с лозунгами: „долой войну“, „хлеба“; е) либерально-империалистическая буржуазия в лице своего вождя явно испугалась движения (либо хотела отгородиться от него), — Милюков особым письмом убеждал рабочих „не выступать“ [2].

Если затея гвоздевцев [3] — рабочее шествие к Таврическому дворцу — провалилась, то, с другой стороны, большевикам не удалось вызвать сильного ответного движения, а дни 10 — 14 февраля показали еще раз, что в Ленинграде существуют такие отсталые предприятия (Обуховский, Арсенал) и рабочие окраины (Невская застава), где принимаются еще резолюции военно-промышленных социалистов и заводы бастуют по их призыву.

3. 23—27 февраля.

Меньшие размеры движения 10 — 14 февраля по сравнению с 9 января 1917 г. нисколько не обозначали упадка или отлива рабочего движения вообще. Экономический и продовольственный кризис при затяжке войны рос с изумительной быстротой. Росло и общее недовольство.

Экономический кризис и угроза безработицы ударяли по рабочему классу, а забастовочные волны переливаются во всю первую половину февраля: в Москве стачки на заводах по экономическим мотивам или на почве отсутствия продовольствия отмечаются полицейскими сведениями через 2—3 дня [4]. 10 — 14 февраля вспыхивает экономическая забастовка в Колпине.

---

[1] Тов. Юренев считает, что по призыву ПК забастовало всего 20 000 человек. „Пр. Рев.“, № 25, стр. 133.

[2] Прив. у Шляпникова „1917 г.“, кн. I, стр. 49 — 50.

[3] Рабочая группа при ЦВПК была в связи с выпуском своего обращения—почти полностью арестована 26 января 1917 г. Арест ее вызвал защиту со стороны буржуазии из ЦВПК, и дело дошло даже до Гос. Думы. На рабочих арест группы не произвел никакого впечатления, но царское правительство создало гвоздевцам известный политический капитал: в февральские дни они могли предстать перед рабочими тоже как „жертвы старого режима“.

[4] „Прол. Рев.“, № 14, стр. 492 — 493.

18 февраля бастует в Ленинграде Путиловский завод, а 22 на Путиловском объявлен локаут.

23 февраля, в день Международного Праздника Работниц, забастовало 90 000 человек и началась Февральская революция. Массовое выступление рабочего класса, нараставшее с осени 1916 г., настолько носилось перед этим в воздухе, что правительство принялось в начале 1917 года проводить ряд мер специально для подавления „внутреннего фронта“: создание особого военного командования, разбивка города на районы, обучение полицейских частей стрельбе из пулеметов и т. д. и т. п.[1].

Большевистская организация развернула к Международному Дню Работниц большую кампанию, которая „ударила по самым больным местам положения рабочего класса“[2].

В самый день 23 февраля работницы выступили застрельщиками забастовки. В Выборгском районе они с криками „Долой войну!“, „Хлеба!“ — снимали работавших; затем массы рабочих и работниц двинулись к городу; начались стычки с полицией, появились красные знамена с революционными надписями; с первого же дня рабочее движение направилось против царизма и приняло ярко выраженный политический и революционный характер[3].

24 февраля рабочие массы заливают Невский; происходит первый открытый митинг; казаки почти везде или бездействуют, или выказывают явное сочувствие толпе. Пехотные и кавалерийские части еще принимают участие в рассеянии демонстрантов; стычки главным образом с полицейскими отрядами, избиения отдельных полицейских; настроение масс растет, а одновременно растет и уверенность, что армия будет с народом; лозунг демонстрантов, когда они расходятся: „До завтра, на Невском“[4].

---

[1] „Падение царского режима“. ГИЗ, 1926, т. IV, стр. 45—46 и 92—93.

[2] Шляпников, „1917 год“, кн. I, стр. 79.

[3] Н. Авдеев, „Первые дни Февральской революции“, „Прол. Рев.“, № 13, стр. 20.

[4] Свод сведений о ходе рабочих беспорядков прив. у Шляпникова, „1917 год“, ч. I, стр. 77 — 86.

25 февраля—в Ленинграде всеобщая политическая забастовка рабочих, к которой в течение дня присоединяются учащиеся высших учебных заведений. Весь день по главным улицам города и по Невскому переливаются демонстрации; наиболее отсталые — обуховцы — двинулись массой в 14 000 человек по направлению к городу со знаменем, на котором написано: „Долой самодержавие, да здравствует демократическая республика!". У казаков первая стычка с полицейскими — за народ. Войска проявляют нерешительность; рабочие употребляют все усилия, чтобы проникнуть в солдатские ряды. По демонстрантам уже стреляют переодетые полицейские, вызывая крайнее возмущение солдат оказавшихся по тому или иному случаю в рабочей толпе [1]. Подъем рабочей массы еще более растет к концу дня [2].

26 февраля—день перелома, когда кое-кому показалось, будто „царизм" снова выиграл ставку и движение будет раздавлено [3]. Последняя отчаянная попытка царизма перейти в наступление. Не только переодетые городовые, но и воинские части в разных местах города стреляют в народную демонстрацию. На сторону народа перешла только 4-ая рота Павловского полка, которая, узнав, что учебная команда отправлена для расстрела рабочих, выбралась на улицу, обстреляла конно-полицейский разъезд, но в конце концов, окруженная железным кольцом пулеметов и Преображенским полком, вынуждена была сложить оружие [4].

О настроении солдат, посланных на усмирение, можно судить по тому, что фельдфебель учебной команды Волынского полка Кирпичников еще 25 февраля уговаривал солдат не стрелять; состоявшееся вечером 26-го у волынцев собрание взводных решило в народ

---

[1] „Альманах революции в Петрограде". Изд. Белопольского, 1917, стр. 92.

[2] Свод сведений у Шляпникова, „1917 год", ч. I, стр. 110—118, 109.

[3] Н. Суханов, „Записки о революции", изд. Гржебина, 1922, стр. 53.

[4] Г. Лебедев, „Из дневника рядового 4 роты л.-гв. Павловского полка"—„Правда", № 22, от 31/III — 1917 г.

больше не стрелять, поднять 27-го команду на час раньше и построиться, раздобыв отобранные вечером начальством боевые патроны [1].

Несмотря на то, что даже по полицейским сводкам на одной Знаменской площади было около 40 убитых и приблизительно столько же раненых, а к вечеру рабочие были оттеснены на окраины, настроение рабочих масс не падало.

27 февраля. Рано утром рабочие Выборгского района сошлись к заводам, устроили собрание, решили продолжать всеобщую забастовку и требовали от организации листков [2].

Само развитие событий пошло по двум линиям:

а) В 9 час. утра волынцы заявили, что стрелять больше не будут. Убив ротного, учебная команда подняла весь полк, который двинулся к литовцам и преображенцам; соединившись с ними и захватив 6-ой запасный саперный батальон, восставшие направились к Выборгской стороне для соединения с Московским полком [3].

б) В это время рабочие Выборгского района употребляли героические усилия, чтобы вызвать солдатскую массу на присоединение к народному восстанию; устроили митинги около казарм Московского и Запасного полка, но в обоих случаях были отогнаны пулеметным и ружейным огнем.

К бушевавшему рабочему морю, гребни которого еще не могли захлестнуть казарм Выборгского района, как раз подошли преображенцы, ибо восставшие воинские части у Литейного моста разделились и 4-ая рота преображенцев двинулась на Выборгскую сторону к Московским казармам.

К вечеру 27 февраля почти весь город был в руках народа, а последние остатки царской власти — министры и командующий войсками округа ген. Хабалов — укрылись сначала в Зимнем дворце, а затем в Адмиралтействе. Положение их было весьма плачевно: они

---

[1] И. Лукаш, „Волынцы“, изд. Вр. Ком. Гос. Думы.

[2] Шляпников, „1917 год“, ч. I, стр. 132 — 131.

[3] Полк. Перетц, „В цитадели русской революции“, Петроград, 1917, стр. 21 — 23.

располагали 1 500 солдатами и почти не имели снарядов и патронов [1].

4. Стихийное движение и партийное руководство.

Меньшевистское суждение о февральских днях 1917 г. таково: „Нельзя приписывать начало революции... сознательной организационной инициативе“, нельзя приписать начало стачечного движения призыву большевиков праздновать Международный Женский День; забастовки возникли стихийно... вследствие того, что очередям в лавках нехватило хлеба [2].

Большевики действительно не считали еще движение 23 февраля началом решительного наступления на царский трон, но допускали возможность революционного урагана даже от незначительного толчка [3].

Однако, уже утром 23 февраля в Выборгском районе произошло экстренное совещание большевиков (в связи с выступлением работниц), которое постановило (а это постановление подтвердил районный комитет) — повести на улицу всех рабочих без исключения и стать во главе забастовки и демонстрации. При этом такому постановлению нисколько не удивились, ибо „мысль о выступлении давно уже зрела у рабочих, только... никто не думал о такой близкой возможности революции“ [4].

Было бы совершенно напрасно искать в Феврале организованности Октября. Но неопровержимы такие факты: а) движение началось с Выборгского района, который справедливо считался крепостью большевизма, б) рабочие массы из района двинулись на Невский, а лозунг: „Демонстрации — к центру!“ большевики пустили еще с октября 1916 г., в) начало движения совпадало с Днем Работницы, перед которым большевикам удалось развернуть широкую агитационную кампанию, г) у рабочей массы оказалось не только

---

[1] „Падение царского режима“, т. I, стр. 200 — 206. „Показания Хабалова“. 28-го „последним защитникам“ самодержавия пришлось сдаться.

[2] Д. Заславский и В. Канторович, „Хроника Февр. револ.“, т. I, стр. 15 и 17.

[3] Шляпников, „1917 год 7, кн. I, стр. 74.

[4] В. Каюров, „Шесть дн. Февр. револ.“—„Пр. Рев.“, № 13, стр. 158.

требование „хлеба“ [1], но и лозунги: „Долой войну, долой правительство!“.

Отсюда следует: если бы не было подпольной работы большевиков, их организующего влияния на массы, а 23 февраля большевики не приняли бы решения о руководстве движением, то возможно, что из 23 февраля не получилось бы и никакого начала революции.

В ходе движения с 23 по 27 февраля руководство со стороны не-большевистских групп представляется в таком виде: межрайонцы первоначально призвали к трехдневной стачке... Но еще после 25 февраля были не уверены в том, что настоящий бой есть решающий, и в своей листовке к солдатам от 26 февраля не призывали их к восстанию [2]. Оборонцы, — не успело пройти несколько дней забастовки, — открыто высказывались за ее окончание, а флаги рабочих демонстраций „долой войну“ — определенно не встречали „сочувствия вождей меньшевиков и эс-эров“ [3].

Большевики — сразу приняли решение развивать движение до максимальных размеров в сторону овладения солдатскими массами и эту линию закрепили листовкой от 25 февраля [4]. Большевики все время на улицах руководили выступлениями масс, боролись с полицейскими отрядами, употребляли все усилия привлечь солдат. В таких условиях собирались бюро ЦК, ПК, районные комитеты; 25 февраля представители районов сообщали ПК, что рабочие решили

---

[1] Шляпников говорит, что, несмотря на ухудшение положения рабочего класса, до голода было еще далеко, а выступившие заводы как раз в продовольственном отношении стараниями администрации поставлены были в довольно недурное положение.

[2] И. Юренев, „Межрайонцы“ — „Прол. Рев.“, № 23, стр. 140—141.

[3] Каюров, „Шесть дней“ — „Прол. Рев.“, № 13, стр. 169.

[4] Листовка прямо говорила, что сейчас отдельное выступление может разрастись во всероссийскую революцию, которая даст толчок к революции в других странах; звала всех на борьбу и указывала, что рабочих ждет верная победа. Практические задачи намечались так: организация для борьбы, организация с.-д. комитетов по заводам, по районам, по городам, областям, по казармам, как комитетов борьбы, и объяснение крестьянам, горожанам и солдатам, что их спасение только в победе революционной социал-демократии. — Прив. „Пр. Рев.“, № 13, стр. 284 — 285.

закончить стачку лишь после достижения победы над царским правительством; 26-го было предложено Москве выступить во что бы то ни стало. В связи с тем было вынесено решение, что руководство восстанием должно сосредоточиваться в нелегальных партийных центрах, руководству был нанесен тяжелый удар арестом ПК (в ночь на 26-ое); обязанности ПК пришлось возложить на Выборгский районный комитет.

Вечером 26 февраля совещание большевиков в Выборгском районе с представителем Бюро ЦК постановило продолжать борьбу и, не создавая особых боевых дружин, оружие добыть у солдат, добившись перехода их на сторону народа. Утром 27-го Выборгский районный комитет предложил Бюро ЦК написать коротенькую листовку, которая выходит с лозунгом „Да здравствует Временное Революционное Правительство“; рабочие Выборгского района идут к казармам, чтобы проникнуть туда во что бы то ни стало. Созванное районным комитетом расширенное совещание представителей от фабрик и заводов, в составе 40 человек, единогласно высказалось за продолжение движения, а при получении известия о приходе преображенцев на Выборгскую — разошлось по району [1].

5. Захват инициативы социал-оборонцами и буржуазией.

Стихийное рабочее движение в февральские дни развивалось при известном руководстве со стороны большевистской партии. Это руководство не могло быть достаточным, и недостаточность его давала чувствовать себя все больше как раз в наиболее решающие моменты.

Восстание после первых своих успехов не могло оставаться раздробленным и искало само руководящего центра. До сих пор известен только один план централизации действий, исходивший от большевиков: именно, рабочие Выборгской стороны предполагали перенести борьбу в город и соединиться там с воинскими частями и рабочими других районов. План этот не осу-

---

[1] О ходе работ Бюро ЦК, ПК и районов см. Шляпников, „1917 год“, кн. I; Каюров, „Шесть дней“ — „Пр. Рев.“, № 13; Кондратьев, „Воспоминания“ — „Кр. Лет.“, № 7.

ществился, ибо выборжцы только к 3 часам дня сняли все воинские команды района, а затем застряли у казарм сопротивлявшихся восстанию самокатчиков. Восставшие в городе солдаты не могли дожидаться, пока выборжцы управятся с самокатчиками или Выборгский районный комитет, заменявший ПК, примет то или другое решение. Районный комитет в это время участвовал в боевых действиях на улице, и единственно, что сделала группа выборгских большевиков,—это краткое совещание и заготовка проекта манифеста от имени партии; пока он писался, относился в Бюро ЦК, редактировался и т. д.—время шло [1].

Никакого организационного центра восстания у большевиков в решающий момент не оказалось, а тем временем восставшие полки очутились в Таврическом дворце.

Гвоздевцы, освобожденные солдатами и рабочими из тюрьмы, направились вместе с войсками и народом в Таврический дворец, куда стекались уже всякого рода „петербургские общественные деятели".

Во дворце, ставшем центром движения, буржуазия организовалась к 3 часам дня: в результате совещания членов Думы был создан „Комитет Гос. Думы для водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами", с участием двух социал-оборонцев—Керенского и Чхеидзе.

Почти одновременно гвоздевцы, „левые" депутаты Думы, „деятели профессионального и кооперативного движения" организовали Временный Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов, куда попал исключительно цвет военно-промышленного социализма и оборончества [2]. Самоявленный Исполн. Комитет немедленно распространил обращение к рабочим о выборах

[1] „Пр. Рев.", № 13, стр. 166—167. Манифест, напечатанный в приложении к № 1 „Известий" (28/II), призывал рабочий класс к созданию Временного Революц. Правительства. Задачи его: установление прав и вольностей народа; конфискация земли; 8-час. раб. день; созыв Учредит. Собрания; обеспечение продовольствием населения и армии; немедленно войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для борьбы всех народов против войны, против правительств и капиталистических клик. См. „Пр. Рев.", № 13, стр. 286—287.

[2] Гвоздев, Богданов, Каплинский, Гриневич, Чхеидзе, Скобелев.

в Совет, а первое его собрание назначил в тот же день в Таврическом дворце в 7 час. вечера.

6. Причины господства социал-соглашателей в Совете.

По избирательной конституции гвоздевского Временного Исполнительного Комитета заводы избирали депутатов по 1 на 1 000; заводы, имевшие менее тысячи рабочих, избирали одного депутата [1]. Цифры заводского совещания учитывали 561 предприятие, работавшее полностью или частично на нужды войны в Ленинграде к 1 октября 1916 г. Если взять эти данные применительно к гвоздевской выборной конституции, то получается следующее:

№№ по порядку.	ПРЕДПРИЯТИЯ.	Число предприятий.	% рабочих ко всей рабочей массе.	% депутатов к общему числу депутатов.
1	Свыше 1 000	78	77	42
2	От 400 до 1 000	61	10	7
3	От 100 до 400	175	10	21
4	До 100	247	3	30 [2]

Крупнейшие и крупные предприятия, в которых сосредоточивалось 87% рабочих, давали в лучшем случае (считая и неполную тысячу на каждом предприятии) 424 депутата. Мелкие и мельчайшие, где было 13% рабочих, давали 422 депутата!

В революционном движении годов войны крупные предприятия в е л и за собой мелкие и мельчайшие,— сейчас Совет был переполнен представителями последних.

Выборы 27 февраля,—когда большевики и передовые рабочие дрались на улицах, а гвоздевцы и оборонцы

[1] „Известия“, изд. „Ком. Петр. Журн.“, № от 27 февр. 1917 г.

[2] Проценты исчислены в круглых цифрах, но эта неточность нисколько не изменяет общей картины.

бросились на заводы,—давали такие неожиданные результаты, что на „Новом Лесснере“, считавшемся крепостью большевизма, в Совет прошли не только меньшевики, но и бойкотированный в годы войны гвоздевец Брейдо [1].

К депутатам от предприятий надо прикинуть депутатов от бесконечных служб и управлений (железные дороги, больницы, аптеки и т. д.), которые посылали также своих представителей в Совет,—а с 1 марта солдатскую секцию, буквально затопившую рабочее представительство [2].

Совершенно уместен однако вопрос: если бы крупные предприятия были действительно под большевистским влиянием, то большевики должны были бы иметь все же с о т н и депутатов? Большевики же имели их д е с я т к и.

В первых числах марта—целый ряд крупнейших и крупных предприятий был далек еще от большевизма. В годы войны и накануне революции на Выборгской стороне коллектив „Нового Лесснера“ насчитывал 150 чел. и поднимал на борьбу „Старый Лесснер“ с коллективом в 15 чел. и еще более отсталые заводы. На почве общего недовольства войной, ненависти к царскому правительству и экономического кризиса дело решалось не столько голосованием, сколько инициативой, примером, до снятия с работы соседнего завода включительно. Передовые заводы с сильными большевистскими коллективами во многих случаях решали дело.

С момента победы положение изменилось. Династия Романовых вместе с отречением Николая II и Михаила (2 и 3 марта) была свергнута. Первые дни победы создали в широких рабочих массах чувство примирения и доверчивое отношение к советскому большинству, смогшему 27 февраля вырвать инициативу из рук боль-

[1] Только с 1 марта большевики, вернувшись на завод, устроили перевыборы и провели свой список из 8 большевиков и 1 эс-эра. „Кр. Лет.“, № 7, стр. 69.

[2] Приказ № 1 Петроградского Совета Раб. и Солдатск. Депутатов (№ 3 „Известий“) в п. 2 определял представительство солдат так: „по одному представителю от роты“.

шевиков. Это отношение рабочей массы к социал-оборонцам должно было исчезнуть лишь в результате опыта широчайших рабочих масс, при неустанном их просвещении и организации со стороны революционной партии рабочего класса.

На первом крайне немногочисленном заседании Совета от 27 февраля (наибольшее количество голосовавших определялось в 41 чел.) был избран Исполнительный Комитет, в котором большевики имели 2 голоса против 11 социал-шовинистов и меньшевиков, считавших себя „интернационалистами“ [1]. На собрании фракции большевиков в Таврическом дворце 28 февраля присутствовало от 20 до 40 чел. Больше голосов большевики не собирали в первые дни Февральской революции при решении таких вопросов, как передача власти Советом Временному Правительству (2 марта), и вопроса о прекращении стачки (5 марта).

Когда большевики в Петербургском Комитете обсуждали вопрос, почему партия, наиболее мощная из всех работавших до Февральской революции нелегально, оказалась как будто бы покинутой рабочими массами, почему штаб очутился с такой незначительной по размеру армией, то дело сводилось к тому, что „у большевиков не было да и не могло быть в марте 1917 г. готовой политической армии“ [2].

Недостаточная организованность партии и недостаточная сознательность и организованность пролетариата—вот что дало возможность социал-оборонцам передать власть, ф а к т и ч е с к и н а х о д и в ш у ю с я в р у к а х С о в е т а, в руки буржуазии. Но—хотя и н е д о с т а т о ч н ы е—организация партии и сознательность и организованность класса оказались однако достаточными для того, чтобы в первые же дни победы революции социал-оборонцы не совершили полного предательства рабочего класса буржуазии.

---

[1] Из большевиков прошли Молотов и Залуцкий; кроме того был один левый с.-р. и Красиков-Павлович, в партийной организации тогда не работавший.

[2] Сталин, „На подступах к Октябрю“, стр. XXXI.

7. „Напор снизу“ на буржуазию и соглашателей.

Буржуазия решилась взять власть уже ночью 27 февраля. К этому ее побудили: провал переговоров с царем, успехи народной революции и то обстоятельство, что в социалистическом лагере и в Совете большинство оказалось в руках социалистов известного сорта: из них самые „левые“ полагали, что должна быть чисто буржуазная революционная (!) власть, что временно надо снять лозунг против войны и т. д. и т. п. [1].

На протяжении 28 февраля—2 марта „переговоры“ между представителем большинства Исполнительного Комитета и Вр. Комит. Думы закончились (Вр. Ком. Думы уже 28 февраля назначил комиссаров для заведывания министерствами), и 3 марта были опубликованы состав и программа нового правительства, а одновременно воззвание Исполнительного Комитета, где была высказана мысль, что демократия должна оказать новой власти поддержку, постольку-поскольку „нарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления своих обязательств и решительной борьбы со старой властью“ [2].

Условия „передачи власти“ были таковы: 1) амнистия, 2) свобода слова, печати и т. д., 3) отмена всех сословных и т. д. ограничений, 4) немедленная подготовка к созыву Учред. Собрания, которое установит форму правления, 5) замена полиции народной милицией, 6) выборы в органы самоуправления, 7) неразоружение и невывод из Петрограда революционных воинских частей, 8) при сохранении строгой воинской дисциплины общегражданские права солдатам.

Буржуазия, как известно, добивалась лишь устранения Николая II и регентства Михаила, т. е. сохранения монархии. Колебания по этому вопросу были среди меньшевиков и правых эс-эров. Но авангард революции—рабочие и солдаты—„увлек за собою не только многих из худших колеблющихся элементов мелкой буржуазии . . . но и монархическую партию

---

[1] Суханов, „Записки о революции“, кн. 1.
[2] „Известия“, № 4 от 3 марта 1917 г.

кадетов, либеральную буржуазию, „превратив ее в республиканскую“, ибо... „при сильном напоре «снизу» буржуазия всегда и везде «мирилась» с республикой, лишь бы отстоять свое экономическое господство“ [1].

И действительно, и буржуазия и социал-оборонцы в вопросе о сохранении монархии наткнулись на такой напор снизу, что пришлось ретироваться наиболее дальновидному из буржуазных вождей — Милюкову [2]. „Левые“ же меньшевики вообще находились под впечатлением „стихийно ползущих влево масс“, боялись „развязывать опасного духа слева“, движения, которое могло бы начаться в случае отстаивания буржуазией монархии, династии и т. д. [3].

Но, одержав эту победу, — даже наиболее зараженные соглашательством печатники совершенно ясно высказались за демократическую республику и настаивали перед Советом на аресте семейства Романовых [4] — рабочий класс, по справедливому выражению передовицы „Правды“, проявил „революционную скромность, беспримерную в истории пролетарской борьбы“ [5]. Власть была передана правительству, которое в своей декларации не сказало ни слова о войне, 8-часовом рабочем дне и земле.

8. Партия большевиков в первую неделю после 27 февраля.

Большевистская партия за время с 27 февраля по 5 марта, т.-е. в первую неделю после переворота, только начинала строить свою организацию. 27 февраля „легализовался“ Выборгский район; вечером 1 марта состоялось инициативное собрание по организации ПК. Был организован Временный Петербургский Комитет из основного ядра всех имевшихся в тот момент в Ленинграде членов ПК прежних созывов, с пополнением выборными район-

---

[1] Ленин, „Ошибки нашей партии“ — „Пр. Рев.“, № 26, стр. 253—254.

[2] Милюков 2 марта выступил в екатерининском зале на митинге с агитацией за монархию и жестоко провалился.

[3] Суханов, „Записки о революции“, кн. 1.

[4] См. резолюции печатников в „Известиях“, № 8, стр. 5, и № 9 от 8 марта 1917 г., стр. 3.

[5] „Тактика революции“ — „Правда“, № 4 от 9 марта.

ными представителями по мере организации районов [1]. 5 марта вышла „Правда".

В Исполнительном Комитете Совета и в Совете большевики, несмотря на крайнюю свою малочисленность, выступили против социал-оборонческого блока. На заседании Исполнительного Комитета 1 марта, когда решался вопрос о передаче власти, бундовцы проповедывали необходимость вхождения социалистов в буржуазное правительство [2]; „левые" меньшевики считали невозможным для социалистов входить в буржуазный кабинет; большевики от имени ЦК внесли предложение о составлении правительства из входивших в Совет социалистических партий.

На заседании Совета Раб. и Солд. Деп. 2 марта большевики — Залуцкий, Молотов, Демьянов - Шутко, Шляпников — выступили как представители „течения, отрицавшего всякую возможность контакта с думским Комитетом и требовавшего создания временного правительства Советом Солдатских и Рабочих Представителей" [3].

На заседании 5 марта ряд большевиков—Пахомов, Серов, Николаев, Павленков—выступили против предложения Исполнительного Комитета закончить стачки по случаю „победы революции" [4].

В Исполнительном Комитете большевики указывали, что,—при условиях, когда Николай II еще на свободе, не решен вопрос о земле, обойден рабочий вопрос и ничего не сказано о 8-часовом рабочем дне,—немыслимо простое окончание забастовки.

Большевики собрали на заседании Совета всего 30 голосов против 1 170. Но „победа" социал-оборонцев оказалась и их первым поражением. На заводах

---

[1] В. Залежский, „Первый легальный ПК". — „Пр. Рев.", № 13, стр. 143—144; состав: Шмидт, Калинин, Шутко, Антипов, Залежский, Орлов, Комаров и кооптированные: Стучка, Б. Авилов, Политикус, Подвойский; от Бюро ЦК—Шляпников.

[2] Большинством 13 против 8 на ИК было решено в правительство не входить, что не помешало Керенскому войти.

[3] „Известия", № 4, от 3 марта 1917 г. „Из протокола заседания Совета 2 марта".

[4] „Известия", № 7, от 6 марта 1917 г. „Из протокола заседания Совета от 5 марта".

и фабриках в ближайшие же дни выяснилось, что рабочие смотрят на ряд вопросов, связанных с возобновлением работ, несколько иначе, чем докладчик на Совете—Чхеидзе, который не смог ничего иного посоветовать рабочим, как, ставши на работу, организоваться в профессиональные союзы. Именно здесь прошла первая скважина между рабочими массами и представительством рабочего класса, воплощенным пока в большинстве Совета [1].

По вопросу о власти в самой большевистской партии наметилось три течения: а) Выборгского района—Совет должен устранить Временное Правительство и объявить себя Временным Революционным Правительством [2]; б) Бюро ЦК — никаких соглашений с Временным Правительством теперешнего состава; не „свержение" его сейчас, а борьба (мобилизация масс, завоевание большинства и т. д.) за создание нового революционного правительства, которым до Учредительного Собрания должен быть Совет [3]; в) точка зрения большинства ПК — не противодействовать Временному Правительству постольку, поскольку действия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс, и объявить решение вести самую беспощадную борьбу против всяких попыток Временного Правительства восстановить в какой бы то ни было форме монархию [4].

Выборгский район, ставивший вопрос о немедленном свержении Временного Правительства, был неправ, ибо ни соотношение классовых сил ни организованность партии, рабочего класса и трудящихся масс не позволяли практически провести лозунг свержения Временного Правительства немедля или в ближайшее время.

Неправо было также большинство Петербургского Комитета, ибо резолюция ни слова не говорила об

---

[1] Шляпников, „1917 год", кн. I, стр. 123—124.

[2] Резолюция-воззвание, прин. Выборгск. районн. комит., прив. у Шляпникова, „1917 г.", кн. I, стр. 235—236; резолюция митинга в Сампсониевском братстве—„Правда", № 4, от 9 марта.

[3] Резолюция Бюро ЦК—„Правда", № 4, от 9 марта; Шляпн., „1917 г.", кн. I, стр. 254.

[4] В. Залежский, „Первый легальный ПК" — Пр. Рев.", № 13, стр. 146; Раскольников, „Кронштадт и Питер в 1917 г.", стр. 11—16.

основной задаче пролетариата — временном революционном правительстве — и путях осуществления этой задачи, а своим непротиводействием буржуазному правительству „постольку-поскольку" вносила путаницу в умы рабочих особенно в тогдашнюю пору „доверия" и „примиренчества".

Наиболее правильная линия была занята Бюро Центрального Комитета партии. Но Бюро ЦК, связывая вопрос о временном революционном правительстве с тем, что до созыва Учредительного Собрания единственным революционным правительством может быть Совет, еще не выдвигало „власти Советов, как особой системы управления государством", и рассматривало Совет лишь как „орган революционной демократии, единственно правомочной дать стране то временное революционное правительство, которое было необходимо для окончательной ликвидации царско-помещичьего режима и установления действительной демократии" [1]. В резолюции Бюро ЦК есть только зародыши тех взглядов на роль и значение Советов, какие через месяц развил т. Ленин в своих тезисах.

Разнобой взглядов в руководящих большевистских организациях после Февральской революции не мог способствовать быстрой организации сил. Надлежит однако отметить, что в то время, когда от меньшевиков-интернационалистов до правых эс-эров и „народных социалистов" составился уже единый блок по вопросу о власти, — большевики сразу отделились от „социалистической демократии" и оказались на крайнем левом фланге. Между прочим наказ Петербургского Комитета депутатам в Совет, принятый 4 марта (т.-е. на другой день после принятия ПК резолюции „постольку-поскольку"), вменяет депутатам в обязанность — *следить за всеми шагами Временного Правительства в целях осведомления масс и быстрого решения вопроса о выступлении*. Осуществить такую задачу ПК считал возможным лишь „при реорганизации Исполнительного Комитета Совета", т.-е. при условии преодоления в нем социал-оборонческого большинства.

---

[1] Шляпников, „1917 г.", т. I, стр. 236.

VI. Февральско-мартовские дни 1917 года по России.

1. Февральско-мартовские дни в Москве.

В Ленинграде по очень неполным сведениям число убитых и раненых в февральско-мартовские дни исчислялось около 1 500 чел.[1]. В Москве были лишь единичные жертвы и действительно почти „бескровная революция".

События в Москве начинаются 27 февраля, при чем авангардом движения явились наиболее передовые заводы, имевшие сильные большевистские ячейки: динамовцы, забастовав 27 февраля, соединились с другими рабочими заводов Симоновского района и, обезоруживая городовых, двинулись в город к зданию городской думы; рабочие 2-го Кожевенного завода (в большинстве члены профессионального союза) также прихватили ряд предприятий и пошли с красными флагами к думе[2].

При организационной слабости (из-за вечных провалов) Московского Комитета большевиков не приходится говорить в первое время о централизации руководства; однако так называемая „литературная группа" большевиков уже в ночь на 28-ое февраля расклеивает в рабочих районах воззвания с призывом выбирать в Московский Совет[3].

Буржуазия и социал-оборонцы, как и в Ленинграде, захватили инициативу в свои руки и организовали в ночь на 28-ое Временный Революционный Комитет, который и призвал рабочих к выборам в Совет; большевики входили в Ревком, но подавляющее большинство принадлежало в нем социал-оборонческому блоку. Выборы в Совет, первое собрание которого произошло 1 марта, дали огромное беспартийное большинство. Во главе Совета, а также в большинстве в Исполнительном

---

[1] Воинских чинов 869 (70 убитых), рабочих 237 (уб. 22), учащихся высш. уч. зав. 25 (уб. 5), других граждан 251 (уб. 60).

[2] Сб. „От Февраля к Октябрю", изд. „Н. Москва", 1923, стр. 233—236. Всеобщая забастовка началась 28 февраля.

[3] П. Смидович, „Выход из подполья в Москве"—„Пр. Рев.", № 13, стр. 172.

Комитете оказались меньшевики и эс-эры; в самом же Совете довольно продолжительное время не было фракций, и уже позднее большевики первыми организовали фракцию, на первое заседание которой явилось 15 человек [1].

Особенностью Москвы явилось отношение солдат к революционным событиям. Солдаты вообще являются „ненадежными“ и сочувствуют революции; казаки и драгуны пропускают рабочие демонстрации, и в конце концов у царского командующего округом не осталось никаких сил, кроме полицейских отрядов и жандармского дивизиона. Но одновременно солдаты проявляют чрезвычайно малую активность в присоединении к революционному народу; полностью в первые дни и с оружием в руках не переходит ни одна сколько-нибудь крупная часть. В первый же день революции рабочим приходится напрягать все свои силы, чтобы прорваться в казармы к солдатам, вызвать солдат на улицу и т. п. [2]. И в последующие дни в Москве разыгрывается борьба из-за солдат между буржуазией, с одной стороны, и Советом и рабочей массой — с другой.

Революционные события в Моске естественно находились под влиянием хода революции в Ленинграде; после того, как буржуазия решила взять власть в свои руки, бывший городской голова в Москве Челноков был телеграммою Родзянки назначен комиссаром Временного Комитета Государственной Думы. Командующего войсками Мрозовского заключили под домашний арест, и вместо него появился бывший председатель земской управы полковник Грузинов — лицо вполне приемлемое для „буржуазной революции“. Гарнизон принял революцию по приказу нового командующего; зато его штаб, одевший красные петлички, и офицерство, остававшееся на своих местах и не пережившее „ужасов“ ленинградской революции, проявили значительное упорство по вопросу о новых правах солдата и об участии солдат в Советах. Московской бескровной

[1] Игнатов, „Московский Совет Раб. Депутатов в 1917 г.“ Москва, 1925, стр. 37. 19-го марта на фракции присутствовало уже 51 чел.

[2] Сб. „От Февраля к Октябрю“, стр. 121.

революции пришлось пережить тревожную ночь со 2-го на 3-ье марта, когда представители Совета договаривались с командованием [1]. Если в итоге создавшийся 1 марта в Москве буржуазный „комитет общественных организаций“, возглавлявшийся комиссаром Временного Правительства, не пошел против Совета и получилось компромиссное решение (солдаты допускались приказом командующего к выборам в Совет), то это было и отзвуком положения в Ленинграде, где буржуазия пошла на уступки по вопросу о монархии, и положения в Москве, где стачка не была еще прекращена и даже социал-оборонческому Совету пришлось бороться за „права солдата“ [2]. Сам солдатский Совет возник только 3 марта и заседал отдельно от Совета Рабочих Депутатов.

2. Большевистская партия в февральские дни в Москве.

Большевистская партия довольно быстро вылезает из подполья: 1 марта Московский Комитет устроил собрание агитаторов, на котором были распределены для обхода предприятия в районах и намечено провести выборы в Совет, нащупать почву для создания ячеек партии и организовать заводские комитеты [3]. Но организационная нечеткость еще очень велика: первый листок (в нем задачей революции объявляется создание временного революционного правительства) выпущен был областным отделом Бюро ЦК совместно с организационной группой социалистов-революционеров и под эс-эровским лозунгом: „В борьбе обретешь ты право свое“. При решении вопроса о прекращении забастовки (5 марта) получилась такая разноголосица, что ни представителю Московского Комитета, ни организовавшемуся в Москве 1 марта Центральному Бюро Профессиональных Союзов („Союз союзов“ — его организовали большевики, и председателем был выбран Сапронов, а потом также большевик

---

[1] Игнатов, „Московский Совет“, стр. 15; Смидович, „Выход из подполья“, „Пр. Рев.“, № 13, стр. 174—176.

[2] Л. Хинчук, „Из воспоминаний Февральской революции“— „Пр. Рев.“, № 13, стр. 184—185.

[3] Н. Зимин, „Воспоминания“—сб. „От Февраля к Октябрю“, стр. 121.

Денисов) не было известно решение областного отдела Бюро ЦК прекратить забастовку [1]. На самом заседании Совета большевики выступили против прекращения забастовки, выполняя решение МК, но оказалось, что это решение уже отменено Московским Бюро ЦК [2].

„Наказ“ Московского Комитета большевиков депутату в Совете, вышедший 2 марта № 1 „Рабочего Листка“, выступления большевиков в Совете (Смидович, Ногин и др.)—в общем проводили следующие взгляды: а) пролетариат от демократической революции должен идти к социалистической;—революция в России—один из начальных моментов в мировом перевороте; мы стоим накануне социальной революции всего мира [3]; б) революцию нельзя считать оконченной, пока требования пролетариата не будут удовлетворены; Временное же Правительство считает, что все сделано и дальше идти некуда [4]; в) в Совете Рабочих Депутатов воплощена социальная власть пролетариата; рабочие, столкнув в бездну царское правительство, объединив около себя все подлинно демократические силы, должны до последнего предела развязывать и раскрывать содержание революции; Совет Рабочих Депутатов — верный путь... для решительной борьбы за демократическую республику [5]; г) на заседании Совета от 2 марта большевики не голосовали против принятой резолюции о поддержке Временного Правительства „постольку, поскольку оно честно и неуклонно доведет страну до Учредительного Собрания“.

При целом ряде правильных положений (от демократической республики к социализму, сосредоточение внимания на Совете, оценка деятельности Временного Правительства) Московская организация также еще

---

[1] Сапронов, „Московское Центральное Бюро“—„Материалы по ист. проф. движ.“, сб. IV, стр. 105—107.

[2] Игнатов, „Московский Совет“, стр. 27—28. За продолжение забастовки на заседании Совета высказалось 59 чел.

[3] „Рабочий Листок“, № 1, речь Ногина на заседании Совета от 2 марта.

[4] Речь Смидовича на заседании 2 марта (см. Игнатов, „Московский Совет“, стр. 12 и 14).

[5] „Рабочий Листок“, № 1 (у Игнатова, стр. 9).

вырабатывает линию партии на необычайно крутом „переломе истории“, создавшемся после Февральской революции.

3. Февральско-мартовские дни в центр. России и Поволжьи.

В Иваново-Кинешемском районе, в Родниках, рабочие собрались на митинг, выбрали особую комиссию, которой поручили разоружать полицию, поставить караулы и т. д. 6 марта десятитысячный рабочий митинг утвердил положение о „комитете общественной безопасности“ Совета, а в председатели Ревкома и Совета были избраны большевики [1]. В самом Иваново-Вознесенске уже 9 марта произошло организационное собрание большевистской партии, хотя в Революционном Комитете захватила руководство в первое время революции буржуазно-либеральная интеллигенция, а официальный орган Ревкома носил кадетско-эсэровский характер [2].

„Организующее начало провинциальных переворотов, т.-е. смещение старой власти и замена ее другой, находилось в руках буржуазного большинства“ [3] — так было почти повсеместно.

В Саратове комитет большевиков, созвав почти всю организацию (после получения сведений о событиях в Питере), постановил создать Совет Рабочих Депутатов. В тот же день (1 марта) городская дума созвала представителей общественных учреждений и организаций, была оглашена телеграмма Родзянки о перевороте, большевики внесли предложение приветствовать геройский питерский пролетариат, а меньшевики—„демократию“. 2 марта буржуазия организовала „общественный исполнительный комитет“ и состоялось первое собрание Совета Рабочих Депутатов; в председатели был избран большевик (В. Милютин). Одновременно организовавшийся Военный Комитет произвел операцию арестов и разоружения, а 3 марта преобразовался в Совет Солдатских Депутатов. Большевистская организация первое время вела полулегальное суще-

---

[1] „Иваново-Вознесенский Ежегодник“ на 1921 г., стр. 46.

[2] „Иваново-Вознесенский губернский календарь“ на 1919 г., стр. 93.

[3] Шляпников, „1917 г.“, кн. 2, стр. 30.

ствование, медлила с выходом из подполья, легализовалась лишь 4 марта и от этого, конечно, много потеряла. 10 марта организация устроила первый открытый митинг [1].

Примерно так же развивались события в других центральных городах России и в Поволжьи (Н.-Новгород, Тверь, Самара — 1 марта; Псков, Орел, Рыбинск, Пенза, Казань и др. — 2 марта). Настоящие революционные события разыгрались в Туле, где власть до 3 марта скрывала самый факт переворота, а рабочие подняли 3 марта восстание. Рабочие оружейного и патронного заводов двинулись к Кремлю, оттуда к казармам, подняли солдат; затем началась ликвидация старой власти, организация милиции и выборы Совета Рабочих Депутатов [2]. Совет этот долгое время был в меньшевистских руках.

В Царицыне с момента переворота правил буржуазный Исполнительный Комитет, избранный городской думой вместе с собранием „виднейших граждан"; в нем даже меньшевики и эс-эры играли незаметную роль, а большевиков не было вовсе. Большевики работали с меньшевиками в объединенной организации, и сама группа рабочих-большевиков была немногочисленна, слаба и неуверена в себе [3].

4. Февр.-мартовские дни на Украине.

В Киеве первые сведения о революции были получены через меньшевиков, работавших в военно-промышленном комитете; группа большевиков Арсенала созвала общее собрание, начала выборы в Совет, а 28 февраля он собрался; большевики имели небольшую группку, человек в 40—50. В Совет Солдатских Депутатов, избранный самостоятельно, вошло много офицерства [4]. Организованный буржуазией Исполнительный Комитет избрал военным комиссаром отставного полковника эс-эра Оберучева, а тот, уже в чине военного комиссара, испрашивал разрешение

[1] Антонов-Саратовский, „Под стягом пролетарской борьбы", стр. 99—106.

[2] Шляпников, „1917 год", кн. 2, стр. 33.

[3] Минин, „Город-борец", изд. „Прибой", стр. 10—12.

[4] „Лет. Рев." № 1, стр. 9.

у командующего войсками на посещение казарм и ознакомление солдат и офицеров с текущим моментом [1]. Прежде единая Киевская организация 6 марта раскололась (меньшевики заседали отдельно), а в принятой 8 марта резолюции Февральская революция определялась как буржуазно-демократический переворот, причем задачей социал-демократии является повести дело так, чтобы демократическая революция в России послужила сигналом к пролетарской революции на Западе (обращение к интернационалистам всех стран, создание III Интернационала, полное размежевание с социал-шовинистами — таковы практические задачи, намеченные в резолюции). 1 марта начал выходить орган Киевского комитета „Голос Социал-Демократа“ [2].

В Харькове власть всячески скрывала правду о революции. Но 1 марта начались волнения, частичные забастовки и выход рабочих с красными флагами на улицу; затем вспыхнула всеобщая забастовка, был выбран Совет; губернатор, жандармское управление и полиция признали власть Временного Правительства, и в управление городом вступил городской комитет. В самом Совете оказалась лишь небольшая группа большевиков; крупнейшие заводы были под меньшевистским влиянием [3].

5. Февр.-мартовские дни в Донбассе и на юге.

По Донбассу дело обстояло так: в Луганске наспех создали „общественный комитет“, где большевистская группа была представлена слабовато. В Совете Депутатов рабочие крупнейшего Гартманского завода почти все поддержали большевиков, но были подавлены в Совете попавшими туда представителями „от разного рода трудящихся“ [4].

---

[1] К. Оберучев, „В дни революции“, изд. „Народоправство“, Нью-Иорк, 1919, стр. 36—37.

[2] „Лет. Рев.“, № 6, стр. 189—191.

[3] „Лет. Рев.“, № 5, стр. 159, 227, 232. В Полтаве — меньшевики и большевики вместе создали после Февральской революции „Полтавский губкомитет РСДРП“ („Лет. Рев.“, № 1, стр, 126). Объединенной была организация в Елизаветграде („Лет. Рев.“, № 1, стр. 185). В Житомире — большевиков, членов партии, не было („Лет. Рев.“, № 8, стр. 50).

[4] „Лет. Рев.“, № 9, стр. 53.

В Горловском районе большевики 28 февраля, узнав о революции в Петрограде, подняли рабочих и проводили агитацию „за организацию рабочей власти с захватом административной стороны в свои руки". Однако, администрация в союзе с эс-эрами и меньшевиками выступила с приветствием „от лица нового правительства", а затем начались либеральные митинги с призывом усилить работу на оборону; вопреки меньшевикам и эс-эрам, рабочие решили обезоружить полицию и заменить ее народной милицией; в ответ меньшевики создали „комитет общественной безопасности", во главе с инженером завода. Уже 2 марта большевики во время демонстрации выступили с лозунгами; против войны и за упразднение сверхурочных работ, но были побиты и арестованы; 5-го, вместе с представителем ЦК (приехавшим из Ленинграда), было созвано первое собрание большевиков [1].

Из городов юга стоит отметить Одессу: здесь буржуазия создала „общественный комитет", но у власти еще долго стояла вся прежняя полиция во главе с градоначальником и вся черносотенная городская управа; все это—при попустительстве меньшевиков. С невероятным трудом большевикам удалось образовать небольшой отряд рабочих для подавления контр-революционных выступлений (шла еще агитация „Союза русского народа") и выделить из Совета (он был избран 6 марта, а в исполкоме было оборонческое засилье — всего 2 большевика) „секцию общественной безопасности". Лишь 12 марта под напором рабочих масс исполком выдвинул вопрос о разгоне полиции и получил отказ от буржуазного „общественного комитета". Рабочую милицию в конце концов организовала созданная большевиками „секция общественной безопастности", которая, набрав тысячи полторы рабочих-дружинников, разогнала наконец полицию [2].

В Николаеве создались три организации: „общественный комитет", Совет Рабочих Депутатов и Совет Военных Депутатов (движение начал 45-ый запасный

[1] „Лет. Рев.", № 3, стр. 42—44.
[2] „Лет. Рев.", № 8, стр. 1—4.

батальон); Совет Рабочих Депутатов, так же как и объединенная социал-демократическая организация, держались „левее О. К. меньшевиков“ [1].

6. Февр.-мартовские дни на Кавказе.

На Кавказе — в Баку, в ночь на 5 марта, сформировался бакинский „исполнительный комитет общественных организаций“; создаются Советы Рабочих и Военных Депутатов. Несмотря на общее соглашательское направление Совета, председателем был избран популярнейший вождь бакинского рабочего движения, большевик Степан Шаумян. Сама ликвидация старого режима проходила довольно мягко, а деятели старого режима, в связи с нерешительностью и половинчатостью действий исполнительного комитета, „проникаются симпатиями к новой власти“ [2]. На Кавказе эти симпатии зашли так далеко, что наместник Кавказа и командующий кавказским фронтом Николай Николаевич заявил, что сместит всех чиновников, не признавших новой власти, упразднил жандармское управление, а меньшевикам Жордании и Рамишвили обещал на приеме „полную лойяльность“. При таком ходе дела, буржуазия признала даже излишним организовывать „общественный комитет“.

7. Февр.-мартовские дни в Сибири.

В Сибири — в Томске о перевороте узнали 2 марта, и, по инициативе местных ссыльных, был образован городской думой „комитет общественной безопасности“, в который от социал-демократов вошел большевик. 3 марта состоялось организационное собрание с.-д. — и большевиков и меньшевиков, а затем был даже образован коалиционный комитет из с.-д., эс-эров, п-п-эсовцев, Бунда и украинских соц.-федералистов [3].

В Иркутске, по получении сведений из Ленинграда, собралась объединенная с.-д. организация, причем большевики предложили организовать Совет и

---

[1] „Лет. Рев.“, № 1, стр. 82—104.

[2] А. Попов, „Революция в Баку“ — „Былое“, 1923 г., № 22, стр. 278—281, 286—287.

[3] Петренко, „Февральские дни в Томске“ — „Пр. Рев.“, № 49, стр. 90—94.

захватить власть, меньшевики же высказались за созыв „представителей всех общественных организаций". 2 марта эс-эры и меньшевики сколотили „комитет общественных организаций". Большевики 3 марта организовали Совет, в котором первоначально составляли половину (блок меньшевиков и эс-эров все же провел в И. К. 3/5 своих представителей); с разъездом ссыльных большевистские ряды стали все более слабеть [1]

* * *

Февральская революция шествовала „бескровно" вместе с телеграммами Бубликова (комиссар Временного Комитета Гос. Думы) и Родзянки по всему пространству России. Власть принималась либеральной буржуазией, а с революцией примирялись губернаторы и командующие округами — до брата низвергнутого царя включительно.

Рядом возникали первые зачатки другой власти — Советы, но почти всегда в руках партий, изменявших делу рабочего класса.

Партия, которая должна была начать организацию его сил против „революционной" власти и поддерживавших ее соглашателей, была еще — по всей необъятной России — чрезвычайно слаба.

Были созданы только элементы партии. Стояла задача — создания Пролетарской Коммунистической Партии [2].

VII. Рабочий класс в первые месяцы после февральско-мартовской революции.

1. Окончание февр.-март. забастовки и борьба за 8-час. день.

По решению Совета ленинградские пролетарии должны были стать на работу 6 марта 1917 г. Пленум Совета постановил одновременно с возобновлением работ приступить „к разработке программы

[1] Вельман, „Февральская революция в Сибири" — „Пр. Рев.", № 38, стр. 182—186.

[2] Ленин, „О двоевластии" — „Правда", № 28, от 9 апр. 1917 г., собр. соч. т. XIV, ч. I, стр. 26.

экономических требований рабочего класса". Эти требования были изложены в „Известиях" и сводились к коллективному договору, выдаче заработной платы за дни февральской забастовки, урегулированию женского и детского труда, восстановлению и развитию заводских комитетов, правильной организации работ, установлению нормального распорядка и т. п. [1]. О 8-часовом рабочем дне в весьма длинной „программной" статье не было ни одного слова.

Заседание рабочей секции Совета от 7 марта выяснило, что часть заводов к работе еще не приступила; Московский район, в виду того, что Романовы гуляют на свободе и не введены новые условия труда, не подчинился постановлению Совета и отложил решение вопроса на 2 дня; огромное большинство заводов приступило к работе, проведя 8-часовой день явочным порядком или вынося постановления о необходимости немедленного введения 8-часового рабочего дня, выборного самоуправления, смены администрации и т. д. Редкостью являлись такие заводы, как „Промет", вынесший резолюцию, что 8-часовой день не может быть сразу осуществлен, ибо это преобразование „связано с коренной ломкой хозяйственно-экономической жизни страны" [2].

9 марта Исп. Комитет Совета заслушал заявление о-ва фабрикантов и заводчиков о том, что рабочие отказываются приступить к работам и на заводах разгораются конфликты (смена начальства, требование введения 8-часового рабочего дня).

Хотя Исп. Ком. подтвердил в категорической форме необходимость приступить к работам, а меньшевистская „Рабочая Газета" 10 марта писала о „несвоевременности" требования 8-час. раб. дня [3], напор рабочих масс был так силен, что соглашателям из Совета пришлось попятиться и 11 марта „Известия" торжественно

---

[1] „Известия", № 8, от 7 марта 1917 г., ст. „К вопросу возобновления работ".

[2] „Известия", № 11, от 10 марта 1917 г., „Из жизни Совета Раб. и Солд. Деп.".

[3] Статья носила знаменательное название: „Не разбивайте сил".

заявили о „великой победе рабочего класса“ [1]. Между Советом и о-вом фабрикантов и заводчиков состоялось соглашение: а) о введении 8-час. раб. дня; б) о допущении сверхурочных работ лишь с согласия фабр.-зав. комит.; в) об учреждении фабрично-зав. комитетов на основе всеобщего и т. д. избирательного права и с задачами— представительства рабочих, формулировки их мнений и разрешения вопросов внутренних взаимоотношений [2]; г) об учреждении примирительных камер на местах и центральной примирительной камеры на основах „паритета“ [3]; д) об удалении мастеров или представителей администрации только по постановлению примирительных камер [4].

Ощутив напор рабочих масс, соглашатели немедленно посоветовали Временному Правительству „распространить победу петроградских рабочих на всю Россию, предупредив таким образом неизбежную борьбу“ [5]. И, действительно, волна движения за 8-час. раб. день разлилась по всей России.

В Москве этот вопрос стал на заседании Московского Совета Раб. Деп. 16 марта, при чем меньшевики и эс-эры всячески оттягивали дело, а с.-д. интернационалисты вынесли необычайно путанную резолюцию [6]. Решение по „малочисленности собрания“ было отложено до 18 марта. Представители районов 18 марта доложили, что часть фабрик и заводов уже ввели 8-час.

---

[1] Только накануне, в статье „О наших ближайших задачах“, „Известия“ (№ 11 от 11 марта 1917 г.) ни словом не обмолвились о 8-час. раб. дне.

[2] Как видно, здесь нет еще и намека на контрольные права фабзавкомов.

[3] Излюбленное социал-соглашателями „равенство“ представителей от рабочих и капиталистов.

[4] Пункт, главным образом направленный против рабочих „самосудов“.

[5] „Известия“, № от 12/III 1917 г., „Первая великая экономическая победа“.

[6] Суть ее была такова: а) потребовать от правительства издания декрета; б) подтвердить это требование агитационной кампанией по фабрикам и заводам; в) в случае замедления правительством с ответом — устройство демонстрации; г) в случае правительственного отказа—созыв экстренного съезда представителей всех Советов Раб. Депутатов.

день; везде же рабочие говорят, что, если Совет не введет 8-час. раб. дня, то введут его революционным порядком сами рабочие. Даже после этого московские социал-соглашатели не считали возможным введение 8-час. дня без издания правительственного декрета. Но так велик был натиск в Совете беспартийных рабочих представителей, что в конце концов приняли резолюцию, которая признавала необходимым установление 8-час. раб. дня по всей стране, обращение к правительству с требованием издания декрета, — а в Москве ввести 8-час. день, не дожидаясь декрета, — с 21 марта [1].

Борьба за 8-час. раб. день развертывается по России в течение всего марта и захватывает апрель. В ряде городов в те или другие сроки, но рабочие добиваются удовлетворения этого основного требования [2]. Однако были случаи, когда рабочие шли за меньшевиками и эс-эрами. Так, в Донбассе в Горловском районе 4-тысячный митинг рабочих поддался шовинистической агитации социал-патриотов о необходимости усиленной работы на оборону [3]. На совещании 29 марта в Харькове представителей Совета Раб. Деп. и горнопромышленников Донецкого бассейна оказалось, что промышленники „разделили взгляд рабочих"; рабочие же высказали следующий замечательный взгляд: введение 8-час. раб. дня они понимают, как „тактическое требование"; ради укрепления добытой свободы будут работать без сокращения, исходя из расчета 8 часов и с оплатой сверх того по полуторной расценке [4].

2. Борьба рабочих после завоевания 8-час. раб. дня. Отпор клевете буржуазии.

Сведения о стачечном движении первых двух месяцев революции крайне скудны. Главное управление по делам милиции Временного Правительства стало их собирать со средины марта. Всего случаев рабочих волнений оно исчислило за март

---

[1] К. Новицкий, „От самодержавия к диктатуре пролетариата", ГИЗ, 1920, стр. 25—28.

[2] См. „Рабочее движение в 1917 г." (Центрархив), ГИЗ, 1926, стр. 48—55.

[3] Казимирчук, „Револ. движ. в Донбассе" — „Лет. Рев.", № 3, стр. 44—45.

[4] „Известия", № 29, от 31 марта 1917 г., „Харьков".

и апрель — 77, при чем на забастовки приходилось 4%, на захват предприятий—3%, на удаление администрации—83% и вообще на волнения — 10%. По районам 64% всех случаев рабочего движения падало на Ленинград и Центральный Промышленный район во главе с Москвою [1].

В Ленинграде о-во заводчиков и фабрикантов постановило 17 марта, в виду ненормального хода работ и наличия конфликтов на заводах, обратиться к Совету с просьбой восстановить нормальную жизнь. 18 марта рабочая секция Совета заслушала доклад о том, что на заводах идут непрерывные недоразумения и не прекращаются частичные выступления—в особенности в связи с требованием повышения заработной платы. Отсюда докладчик — член И. К. меньшевик Богданов—сделал вывод, что по всей вероятности понизилась производительность заводов, а это целиком идет на руку германцам (поражение на фронте) и агентам самодержавного режима (провал революции). Представители с мест отмечали, что рабочие стали на работу без предварительного улучшения условий труда; еле удается удерживать естественное недовольство масс, и нужно разработать Отделу Труда такие вопросы, как — минимум заработной платы, обеспечение заводов топливом, предупреждение тайного локаута со стороны заводчиков [2].

20 марта на заседании Совета в Ленинграде обсуждался вопрос об увеличении заработной платы и предлагалось определить минимум заработной платы для низших категорий труда [3]. 22 марта „Известия“ после этого заседания Совета призывали рабочих к выдержке, к тому, что лучше немного подождать и „вести работу в полном объеме“, ибо этого требуют интересы всей страны [4].

---

[1] Флеер, „К истории рабоч. движения 1917 г.“, „Кр. Лет.“, № 13, стр. 241—242.

[2] „Известия“, № 22, от 23 марта 1917 г., „Заседание рабочей части Сов. Раб. и С. Д.“.

[3] Указывалось, что женщины в некоторых предприятиях до войны получали 1 р. 35 к. в день, мужчины—2 р. 40 к., а теперь работница получает 2 р. 35 к., а рабочий—3 р. 35 к.

[4] „Известия“, № 21, от 22 марта 1917 г., ст. „Побольше выдержки“.

Социал-соглашатели предупреждали действия буржуазного Временного Правительства, которое 3 апреля обратилось к рабочим металлургических заводов с воззванием о необходимости увеличить производство боевых снарядов для армии, а 8 апреля—уже ко всем „гражданам рабочим“ с призывом к усилению производительности труда.

В середине марта буржуазия предприняла попытку наступления и попыталась натравить солдат на рабочих.

Рядом с лозунгом: „рабочие—к станкам, солдаты—в окопы“, буржуазные газеты от „солидной“ кадетской „Речи“ до бульварных листков расписывали о том, что рабочие требуют прибавки в 300% и более [1], что рабочие „поняли завоеванную свободу, как свободу генеральствовать“, а на деле „занимают одно из последних мест в мировом рынке труда“ [2].

„Революционная демократия“ вмешалась в дело, когда клевета была пущена во всю широту и обрабатывались самые отсталые солдатские массы. При этом „Известия“ вопрос поставили так, что будто „за последние дни начинают проявляться мелкие трения между рабочими и солдатами“ и „солдаты выражают неудовольствие к рабочим за то, что те будто бы недостаточно энергично работают на оборону“ [3].

В Ленинграде рабочие изумительно дружно выступили против буржуазной клеветы. Ряд заводов—„Новый Парвиайнен“, „Айваз“, „Феникс“, „Однер“, Пороховской, конференция 12 заводов артиллерийского ведомства и др.—вынесли резолюции, в которых заявили, что: а) работы на заводах идут, если есть материал и топливо; б) отсутствие нефти, угля, металлов—вот что является главной остановкой в заводской работе; в) заводчики, испугавшиеся за свою прибыль, хотят вместе с помещиками, испугавшимися за землю, разбить союз рабочих и солдат; г) солдаты через своих депутатов всегда могут проверить положение дел на заводах; д) большинство заводов заработок 31 марта отчисляли для

---

[1] „Веч. Бирж. Вед.“ от 20/III 1917 г., „Положение дел на фабриках и заводах“.

[2] „Петроградский Листок“, № 71, от 23/III, „О чем кричат мертвые“.

[3] „Известия“, № 25, от 26/III 1917 г., „Солдат и рабочий“.

тт. солдат на передовых позициях. Завод „Новый Парвиайнен“ в своей резолюции упомянул даже, что „всякое манкирование и требование чрезмерного увеличения заработной платы «рабочие считают» позорным и крайне вредным в смысле закрепления завоеванных свобод“ [1].

Под напором рабочего возмущения должны были переменить курс и начать говорить „другие слова“ и социал-соглашатели. Не кто другой как „Известия“ удостоверили, что заработок большинства рабочих далеко отстал от цен, рабочим приходится жить впроголодь, а одеться вовсе нехватает средств; господа хозяева, несмотря на сумасшедшие военные прибыли, довольно туго идут на уступки, а правильный ход работ задерживается в гораздо большей мере недостатком сырых материалов, специальных сортов металла, топлива, необходимых приспособлений и расстройством транспорта. Вывод, однако, для рабочих делался такой: надо помнить, что мы ведем тяжелую войну, проявлять крайнюю осмотрительность в требованиях и ни на минуту не забывать об интересах армии [2].

Среди воинских частей, которые во множестве посылали свои делегации на заводы и в конце концов единогласно установили „всю ложь и клевету буржуазии на тт. рабочих [3], нашлись уже тогда и полки вроде 1-го Пулеметного. Его резолюция гласила: „Не введение 8-час. раб. дня, не лень и чрезмерные требования рабочих—виною продовольственного кризиса и сокращения производства. К о р е н ь з л а л е ж и т в в о й н е“ [4].

Борьба рабочих за армию в Ленинграде, в Москве и в разных концах России захватила собой конец марта и весь апрель и кончилась полным поражением буржуазии [5].

---

[1] Резолюции указанных заводов—см. „Правда“, № 18, от 26/III, № 20 от 29/III 1917 г.

[2] „Известия“, № 27, от 29/III 1917 г., „О сеятелях раздора“.

[3] „Правда“, № 21, от 30/III, № 22 от 31/III 1917 г.

[4] „Правда“, № 22, от 31/III 1917 г.

[5] Из провинциальных характерна резолюция Совета Солдатских Депутатов 21 пех. полка, сообщившего правлению фабрик Морозовых в Орехове, „что, если Морозов не удовлетворит справедливых требований рабочих, то, выяснив, что положение рабочих слишком

3. Продовольственный вопрос: рабочие, соглашатели, правительство.

Рабочие работали „на оборону“ при все более обострявшемся продовольственном кризисе. С 24 марта 1917 г. были центральным продовольственным комитетом введены в Ленинграде карточки на хлеб с выдачей $1^1/_2$ фунтов хлеба для лиц физического труда и для прочих 1 ф. в сутки. В столице отсутствовали запасы муки. 24 марта предприниматели на заседании центр. прод. комитета заявили, что упадок выпечки происходит от введения 8-часового рабочего дня. И таково было подчинение „социалистов“ буржуазному влиянию, что Исполнительный Комитет Совета не замедлил просить „товарищей пекарей“ не прерывать работы и, при сохранении 8-часового дня, согласиться на сверхурочные работы [1].

На самом деле, число безработных у пекарей уже к февралю 1917 года доходило до 70% [2]. Обследование организовавшегося союза булочников показало, что в союзе поголовная безработица, а многие пекарни совершенно не производят выпечки хлеба, либо выпекают меньше, чем могли бы [3]. Причиной последнего явления, как и очередей у булочных, являлось то, что владельцы пекарен, выпекавших хлеб круглые сутки и потому заинтересованных в сверхурочных работах, являлись одновременно членами продовольственных комиссий—заведывающими распределением муки. Поэтому ряд пекарен сидел без муки, „заведующие“ щедро снабжали себя и своих друзей [4].

Рабочие пекаря сразу написали в „Известия“, что хозяева говорят неправду, будто не могут найти рабочих, ибо в рабочих руках нет никакого недостатка [5].

угнетенное, мы требуем немедленно пойти на уступки и виновными будем считать не рабочих, а вас, и окажем первым поддержку“. Рабочие требовали минимум заработной платы, зарабатывающим до 1 р.— в 2 р. 50 к., а от 1 р. и выше—надбавку в 200%. „Сотенные“ проценты не испугали, как видно, солдат.

[1] „Известия“, № 24, от 25/III 1917 г.

[2] Б. Иванов, „Проф. движ. раб. хлеб. пек.“, стр. 127.

[3] „Правда“, № 20, от 29/III 1917 г., ст. „К прод. вопросу“.

[4] „Правда“, № 25, от 6/IV 1917 г.

[5] „Известия“, № 25, от 26/III 1917 г., „Письмо безработных булочников и пекарей“.

Орган же „революционной демократии", рассуждая через несколько дней после этого о борьбе с экономической и в том числе продовольственной разрухой, не мог не указать, что причинами их являлись внутренняя и внешняя политика царизма. Но вывод делался следующий: „одна из причин — внутренняя политика царизма—уже устранена" [1].

Между тем политика министра земледелия Временного Правительства кадета Шингарева с его законом 25 марта 1917 г. о твердых хлебных ценах оказалась не лучше политики царского министра Риттиха. Она была по сути налогом на неорганизованное среднее крестьянство во имя империалистической войны и встретила со стороны крестьянства (и помещиков) самое яростное сопротивление [2].

Здесь надо было искать причины отсутствия в Ленинграде запасов муки, как и в организации продовольственного дела. Когда с заготовкой хлеба на местах ничего не могли поделать даже такие продовольственные комитеты, „куда проникали представители демократии" [3], в самом Ленинграде кадетский министр земледелия всячески тормозил реорганизацию продовольственного дела „на демократических началах" [4]. Естественно, что продовольственное положение должно было ухудшаться и вызывать ответную волну недовольства среди широких рабочих масс.

4. Отношение рабочих масс к Временному Правит.

К обострению продовольственно-экономического кризиса начинал прибавляться скрытый локаут фабрикантов и заводчиков. Московский Совет Рабочих Депутатов 11 апреля обратил внимание на сокращение и закрытие некоторых фабрично-заводских предприятий и вынес постановление организовать свою комиссию для расследования причин указанного явления [5].

---

[1] „Известия", № 30, от 1/IV 1917 г., „О борьбе с экономич. разрухой".
[2] Н. Орлов, „Девять месяцев продовольственной работы советской власти", стр. 6.
[3] Там же, стр. 14 и 15.
[4] См. „Известия", № 38, от 12/IV 1917 г., „В центр. прод. комитете".
[5] Авдеев, „Революция 1917 г.", т. 2, стр. 30.

Еще в наброске тезисов от 17 марта 1917 г. т. Ленин писал, что новое (т.-е. Временное, гучковско-милюковское) правительство не может дать народу ни мира, ни хлеба, ни полной свободы [1]. Каково же было отношение рабочего класса к Временному Правительству?

Рабочие массы с самого начала относились к Временному Правительству с недоверием. В Москве, где за годы войны рабочие политически отставали от Ленинграда, уже к 10—12 марта „в широкие круги трудящейся Москвы“ проникло сознание, „что Временное Правительство—не народное, буржуазное, за которым надо следить“ [2]. В Ленинграде рабочий митинг на Выборгской стороне вынес 3 марта резолюцию о том, что недопустимо давать власть Временному Правительству, и Совет Рабочих Депутатов должен немедленно его устранить [3].

На протяжении нескольких недель вслед за тем заводские резолюции (между прочим *и* под влиянием большевиков, о чем речь будет ниже) приобрели смягченный характер. Однако, можно говорить о чем угодно, только не о доверии к гучковско-милюковскому правительству. Так, Невский судостроительный завод в своей резолюции от 12 марта 1917 г. требует от Совета целый ряд мер по отношению к Временному Правительству: открытого заявления последним, что русский народ хочет закончить войну без аннексий и контрибуций и т. д. [4]. Собрание рабочих в Лигове постановило поддерживать лишь такие меры правительства, которые расширяют завоевания солдат и рабочих; Совету же требовать от Временного Правительства немедленного отказа от завоевательной программы [5]. Чем дальше, тем резолюции становятся более резкими: 4 апреля василеостровский митинг рабочих и солдат в количестве 4 000 человек признает только единую власть в лице Совета; ни один декрет Временного

[1] „Ленинский сборник“, II, стр. 320—321.
[2] Игнатов, „Московский Совет“, стр. 44.
[3] „Правда“, № 4, от 9/III 1917 г.
[4] „Рабочее движ. в 1917 г.“ (Центр. Архив), стр. 132.
[5] „Правда“, № 20, от 29/III 1917 г.

Правительства не должен издаваться без санкции Совета [1]. Того же 4 апреля общее собрание завода Нобеля заявило, что Временное Правительство, составленное сплошь из буржуазии, не может быть народным правительством, которому рабочие доверили бы свою судьбу [2]. 13 апреля общезаводское собрание „Старого Парвиайнена" потребовало смещения Временного Правительства, служащего только тормозом революционного дела, и передачи власти в руки Совета Рабочих и Солдатских Депутатов [3].

5. Отношение рабочего класса к продолжению войны.

По вопросу о войне Временное Правительство от первого официального своего документа от 3 марта (извещение заграницы о перевороте) до столь одобренного „революционной демократией" „заявления от 28 марта" о целях войны в сущности сказало, что будет полностью соблюдать обязательства, принятые по отношению к союзникам. Это не могло означать ничего другого, как продолжения войны „до победного конца".

Сколько бы социал-соглашатели ни расписывали о том, что правительство „сделало шаг к миру" и отказалось от завоевательных целей [4], — рабочие и солдаты никак не могли связать „шага" с такими правительственными действиями: задержка политических эмигрантов-интернационалистов за границей, усиленная работа на оборону, отправка на фронт маршевых рот, „заем свободы", объявленный Временным Правительством вместе с „революционной демократией", заем, который рабочие и солдаты совершенно правильно расценили, как попытку „воевать без конца".

Уже в первую неделю марта в таком передовом районе Ленинграда, как Выборгская сторона, было „поразительно единодушное отрицательное отношение к войне и солдат и рабочих" [5]. Затем ряд заводских

---

[1] „Правда", № 25, от 6/IV 1917 г.
[2] „Правда", № 26, от 7/IV 1917 г.
[3] „Правда", № 35, от 18/IV 1917 г.
[4] „Известия", № 29, от 31/III 1917 г., ст. „Сторонники мира и сторонник. войны".
[5] „Правда", № 9, от 15/III 1917 г. „Работа агитколлегий Выборгск. р-на"

собраний и рабочих митингов принимает резолюции, в которых говорят: а) о восстановлении связи с пролетариатом воюющих стран, б) о широком оповещении фронта об истинном положении дел [1].

Чем дальше, тем сильнее выступают требования: а) опубликования тайных договоров, б) мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов, в) давления на Временное Правительство в смысле прямого отказа его от всякой завоевательной политики и предложения им мира, г) наконец, начинаются выражения прямого недоверия Временному Правительству и его внешней политике [2]. Упоминавшийся уже завод „Старый Парвиайнен" 13 апреля говорил, что „Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, опирающийся на революционный пролетариат, должен положить конец этой войне, принесшей выгоды только капиталистам и помещикам и ослабляющей силы революционного народа" [3].

По России также усиливалось недовольство рабочих затягиванием империалистической войны. В Харькове митинг 25 марта в „Доме рабочих" потребовал от правительства немедленного открытого выступления о прекращении войны [4]. В Твери 26 марта рабоче-солдатский митинг заявил, что Временное Правительство сообщает народам Западной Европы неверные сведения о желании России продолжать войну до окончательной победы [5].

6. Рабочий класс, солдаты и стихийное возбуждение масс.

Рабочий класс в первые недели после февральско-мартовских дней и чем дальше, тем сильнее повел борьбу против продолжения грабительской войны и начал увлекать за собою и ближайшего союзника—крестьянско-солдатскую массу.

---

[1] См. „Правда", № 13, от 26/III, № 25, от 6/IV, № 31 от 13/IV.

[2] „Правда", № 33, от 15/IV — резолюция зав. Сименс-Шуккерта и Гвоздильного; резолюция „Вулкана", фабрик Леонтьева и Керстена. Резолюция 7 заводов Петроградской стороны в „Деле Народа", № 28, от 20/IV 1917 г.

[3] „Правда", № 35, от 18/IV 1917 г.

[4] „Правда", № 30, от 12/IV 1917 г.

[5] „Правда", № 32, от 14/IV 1917 г.

Земельная политика гучковско-милюковского правительства выразилась в том, что оно 17 марта обратилось к народу с воззванием о недопустимости насилий в разрешении земельного вопроса, а 8 апреля министр внутренних дел приказал устранять аграрные беспорядки всеми „законными средствами“, в том числе и вызовом воинских команд.

Солдаты, как крестьяне, не могли проникнуться особым доверием к правительству вследствие указанного выше „решения“ земельного вопроса. Во внешней политике правительства солдаты, жаждавшие мира, все яснее видели войну без конца.

Программа Советов Солдатских Депутатов от 109 дивизии действующей армии в число основных своих пунктов внесла требование немедленного начала мирных переговоров между всеми воюющими державами и контроля над оперативной частью со стороны солдатских комитетов [1].

В апреле количество солдатских резолюций за мир все более увеличивается и появляются резолюции, вроде принятой в Ленинграде 1-ым Пулеметным полком: пулеметчики, возмущаясь „лживой политикой Временного Правительства“, заявляют, что „должно быть единовластие в лице Всероссийского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов“ [2].

Политика Временного Правительства обостряла *стихийное возбуждение* масс. Но, если вглядеться в рабочие и солдатские резолюции, то самые крайние требования не заходят дальше признания необходимости единовластия Советов. А Советы в большинстве были еще социал-оборонческие, с преобладающим эсэро-меньшевистским большинством. Далее, ни одна резолюция не ставит вопроса о том, как собственно можно „заменить“ Временное Правительство. Очевидно считалось, что совершенно достаточно решения Совета, чтобы буржуазия „ушла“. О восстании, о кровавой борьбе за власть не говорит ни одна резолюция. „У большинства сознательных рабочих вопроса о по-

---

[1] „Известия“, № 22, от 23/III 1917 г.
[2] „Правда“, № 33, от 15/IV 1917 г.

следнем решительном бое не возникало вовсе... а у малосознательной и очень широкой массы... было именно стихийное **возбуждение** с наивной надеждой просто «выступлением», просто демонстрацией «повлиять» на Керенского и буржуазию“ [1].

7. Организованность рабочего класса: организации мирного времени.

Своеобразие переходного момента, когда в России после февральско-мартовских дней создалось „**переплетение вместе, воедино двух диктатур**“ (диктатура буржуазии—Временное Правительство и диктатура пролетариата и крестьянства—Совет), а отсюда **неустойчивое положение**—вытекало из двух обстоятельств: а) революция втянула в движение миллионные мелкобуржуазные массы, которые не только захлестнули сознательный пролетариат своею численностью, но и захватили очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику; б) вторая причина сводилась к недостаточной численности пролетариата в России, недостаточной сознательности и организованности его [2].

Как росла пролетарская организованность в первые месяцы после февральско-мартовских дней, если начать с **обычных**, соответствующих условиям **мирного времени**, организаций рабочего класса?

Профессиональные союзы за март и апрель 1917 г. переживали пору стихийного строения, а по всей России их образовалось свыше 2 000. В Ленинграде на 1-ое мая 1917 г. в 21 союзе числилось 180 000 членов: металлистов — 80 000, печатников — 18 000, текстильщиков — 15 000, табачников — 14 000, торгово-промышленных служащих — 16 000 и т. д. [3]. Нужно однако отметить, что рабочие металлисты позднее других приступили к созданию профессионального союза: союз металлистов оформился лишь во второй половине апреля 1917 г., а передовые рабочие металлисты в пер-

---

[1] Ленин, „Письмо к товарищам“, т. XIV, ч. II, стр. 284.

[2] Ленин, „Задачи пролетариата в нашей революции“, т. XIV, ч. I, стр. 40.

[3] Н. Глебов, „Проф. движение и революция“ — „Просвещение“ 1917, №№ 1—2, стр. 120—121.

вое время были поглощены общеполитической борьбой и все силы направляли на создание Советов, партийных организаций, заводских комитетов, на работу в войсках и т. д. [1]. При внушительности цифр роста союзов налицо была и слабость, т.-е. рыхлость и неоформленность организаций [2]; с другой стороны, в особенности в провинции было еще сильно влияние меньшевиков и эс-эров, что дало себя знать на созванной 20 июня 1917 г. всероссийской конференции профессиональных союзов, когда социал-оборонцы оказались в незначительном большинстве.

Страховое движение: уже 25 марта в Ленинграде состоялась общегородская страховая конференция, на которую явилось около 150 делегатов, представлявших не менее 250 000 рабочих. Был избран комитет из советской рабочей страховой группы и делегатов от партийных организаций, Центрального Бюро профсоюзов и т. д.; все решения конференции проходили под большевистскими лозунгами, и громадное большинство конференции стояло на платформе большевизма [3].

Росли и другие организации рабочего класса — рабочие клубы, рабочие кооперативы, причем как раз в кооперации особенно сказалось уже в первые месяцы революции подавление передового рабочего слоя широкими мелкобуржуазными массами, начиналось затопление рабочей кооперации сельской и сама кооперация на долгие месяцы стала оплотом не только социал-оборонческих, но и буржуазных партий.

8. Организованность рабочего класса: организации революционного времени.

Еще 23 марта 1917 г. т. Ленин писал о том, что рабочие не могут прочно победить в следующей „настоящей“ революции, если не проявят чудес пролетарской организованности. При этом т. Ленин прибавлял, что речь здесь идет не только об обыч-

---

[1] Шляпников, „1917 год“, кн. 2, стр. 133.

[2] Томский, „Очерки профессион. движения“, стр. 11.

[3] „Правда“, № 19, от 28/III 1917 г., „Петроградская общегородская страховая конференция“.

ной организации рабочего класса (профессиональные союзы, кооперативы и т. д.), а об организациях революционного времени [1]. Рабочий класс в России классовым инстинктом понял это и вступил сразу на путь создания особых организаций революционного времени — Советов, вооруженных отрядов рабочих — Красной Гвардии, фабрично-заводских комитетов.

Фабрично-заводские комитеты были „детищем Февральской революции". Администрация — прежде всего на государственных заводах — разбежалась, и рабочим, чтобы поддержать производство, пришлось забрать заводы в руки заводских комитетов, а следовательно создать определенную организацию контроля [2]. Чем дальше, тем сильнее перед рабочими вставал вопрос о контроле над производством, и, если совещание представителей рабочих артиллерийского ведомства в марте еще отказывается от участия в организации производства „до момента полной социализации всего общественного хозяйства" и говорит лишь о контроле над деятельностью администрации [3], то в апреле конференция рабочих того же ведомства вынесла постановление о том, что на Охтенском заводе надо учредить постоянный технический надзор из рабочих [4]. Закон Вр. Правительства от 23 апреля 1917 г. всячески ограничивал деятельность комитетов и тормозил их образование [5], но, в условиях начинавшегося капиталистического саботажа и экономической разрухи, фабрично-заводским комитетам — особенно в провинции — приходилось рабочий контроль осуществлять. В Иваново-Кинешемском районе вплотную подошли к вопросу о захвате контроля над производством; в Самаре был осуществлен контроль на Тру-

---

[1] „Ленинский сборник", II, стр. 347—348.

[2] „1-я раб. конференция фабр.-зав. комитетов", изд. ЦК ФЗК, стр. 29.

[3] „Правда", № 11, от 17/III 1917 г., „Рабочие и заводоуправление".

[4] „Правда", № 32, от 14/IV 1917 г., „Рабочая жизнь".

[5] Задачи фабзавкомов закон определял, как представительство от рабочих, относя к их компетенции вопросы внутр. распорядка и вопросы „улучшения быта"; для организации комитета требовалось постановление не менее $1/_{10}$ рабочих предприятия, члены комитетов освобождались от заводской работы только с согласия администрации и т. д.

бочном заводе (22 000 рабочих), и рабочие являлись фактически хозяевами завода. Такое же положение было в Макеевке, Екатеринославе, на Урале, в Геленджике [1].

Организация вооружения рабочих. Постановление первого пленума Совета в Ленинграде от 27 февраля (о рабочей милиции) осталось бы на бумаге (социал-соглашатели немедленно забили отбой), если бы рабочие, несмотря на все препятствия в выдаче оружия, не выказали изумительной настойчивости и энергии, сохранив оружие, добытое в феврале, и раздобывая всяческими путями новое. К организации вооруженных рабочих отрядов было приступлено сейчас же в пылу февральских дней, а 28 апреля в Ленинграде состоялось первое общегородское собрание об организации Красной Гвардии, что не замедлило вызвать самые решительные возражения со стороны „революционной демократии“. „Известия“ писали, что Красная Гвардия является „прямой угрозой единству революционных сил“ [2]. Уже во встрече т. Ленина и в демонстрации 20—21 апреля принимали участие вооруженные рабочие, но подлинное формирование и обучение Красной Гвардии в Ленинграде и по России начинается в июне и в следующие месяцы [3].

Советы. Советы Рабочих Депутатов были повсеместно под влиянием социал-соглашателей. Во вторую половину апреля большевики овладели несколькими районными Советами в Москве и Ленинграде; начинались отзывы депутатов социал-соглашателей рабочими и выборы на их место большевиков. Однако, несмотря на общее социал-соглашательское засилье, на всероссийской апрельской конференции большевиков был подытожен следующий факт: Советы на местах оказались гораздо крепче, чем в центрах; одновременно значительно шире и область их деятельности. Во многих местах в ведении Советов находилось продовольственное дело. Советы действительно являлись властью

---

[1] „Проток. всерос. апрельской конфер.“, доклады с мест.
[2] „Известия“, № 52, от 28/IV 1917 г., „О Красной Гвардии“.
[3] Каюров, „Красная Гвардия“ — „Прол. Рев.“, № 42, стр. 141.

на местах; частью им же принадлежал контроль над производством и распределением [1].

Рабочий класс, создав свои Советы, одновременно притянул к себе передовые крестьянские массы, толкнув солдат на создание Советов Солдатских Депутатов. В большинстве случаев здесь дело в смысле социал-патриотического засилия было еще хуже, чем в рабочих Советах. Очень часто солдатские Советы существовали отдельно от рабочих и включали в себя представителей офицерства. Военные секции или отдельные Советы Солдатских Депутатов значительно позже, чем рабочие, освободились от социал-соглашательского влияния.

Советы Крестьянских Депутатов в подавляющем большинстве были под эс-эровским влиянием, и в лучшем случае в них играли значение левые эс-эры; только еще начинались первые приговоры, как и действия, по организованному захвату помещичьей земли. Еще в мае 1917 г. открывший свои заседания в Ленинграде съезд Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов (4 мая) проходил целиком под эс-эровским влиянием.

* * *

Если первые два месяца революции сравнить с годами войны, то ясно видно, как рабочий класс начал проявлять те чудеса организованности, которые требовал от него для прочной победы т. Ленин.

В годы войны профессиональные союзы в лучшем случае насчитывали по всей России пару десятков тысяч членов; к маю в одном Ленинграде было около 180 000. На-лицо был колоссальный рост даже обычных, свойственных мирному времени организаций рабочего класса. Но тут же не могло не сказаться затопление передового слоя нахлынувшей широкой массой, которую революция толкнула к политике. На всероссийской конференции профессиональных союзов в июне 1917 г. провинциальные делегаты еще не понимали того, что было уже ясно ленинградским металлистам [2].

---

[1] „Правда“, № 42, от 27/IV 1917 г., „Всероссийская конференция“.
[2] Томский, „Очерки профессионального движения“, стр. 40.

В необычных для мирного времени организациях революционного времени — Советах, охватывавших огромные массы рабочих, солдат и крестьян, затопление мелкобуржуазной стихией сказывалось еще сильнее. Здесь только разгоралась борьба за высвобождение масс от социал-соглашательского влияния.

Количество приводов от партии к классу несравнимо выросло за два месяца революции (фракции Советов, фракции союзов, работа в фабзавкомах, в Красной Гвардии и т. д.); но ни организованность рабочего класса, ни сознательность его, ни положение в самой партии пролетариата не были еще далеко достаточными для победы рабочего класса.

VIII. Большевистская партия в первый период после февральско-мартовских дней — до приезда Ленина.

1. Борьба большевиков за руководство рабочими массами.

27 февраля 1917 года социал-соглашатели забрали инициативу в свои руки. Уже в кампании против восстановления монархии большевики начали захватывать руководство над массами. Закрепление этого руководства идет затем последовательно изо дня в день, от события к событию.

а) Большевики руководили массовой кампанией за 8-часовой рабочий день, за улучшение экономического положения рабочих, за новые условия труда и оказались здесь с массами и во главе их. В Ленинграде ПК, вместе с агитацией в районах за 8-часовой день, предложил 9 марта Совету ввести 8-часовой день во всех отраслях [1]. В Москве большевики единственно заняли в Совете последовательную линию в отстаивании 8-часового рабочего дня. Центральное Бюро профессиональных союзов, руководимое большевиками, призывало в своем воззвании рабочих Москвы к организо-

---

[1] „Рабочее движ. 1917 г.“ (Центрархив), стр. 39.

ванной борьбе за новые условия труда, повышению заработной платы и т. д. [1]. В Киеве большевики, работая в конфликтной комиссии Совета, связались с рабочей массой, нажимали на фабрикантов, „проводили революционную линию в будничной работе“ [2].

б) Попытка буржуазии натравить солдат на рабочих. Большевики первые принялись за организацию солдатского представительства в Совете [3], и уже 7 марта 1917 г. ПК организовал военную комиссию для работы в войсках. Во главе отпора рабочих и солдатских масс буржуазной клевете—стали большевики. „Правда“ указывала, что лозунг „рабочие—к станкам“ лжив уже потому, что у станков из-за отсутствия топлива, сырья и т. д. нечего делать [4]. Кампания в рабочих районах подкрепилась работой военной организации большевиков, которая не оставила без внимания ни одной прибывавшей с фронта делегации и тем еще более укрепила спайку солдатской массы с рабочими [5].

в) Продовольственный кризис. В связи с ухудшением продовольственного положения снова началась травля рабочих. „Правда“ в ряде статей разоблачила клевету о 8-часовом рабочем дне, будто бы явившемся причиною малой выпечки хлеба; указала, что необходима полная реорганизация продовольственного дела, где главная роль должна быть предоставлена рабочим союзам, кооперативам и т. д., и связала продовольственный вопрос с внутренней и внешней политикой Вр. Правительства [6].

г) Травля партии, рабочие и солдатские массы. Политическая линия, занятая партией, резолюции Бюро ЦК начала марта об отношении к войне и Вр. Правительству, вся деятельность партии—не могли не вызывать самого бешеного отпора со стороны бур-

---

[1] Е. Игнатов, „Из истории МЦБ“—„Матер. по ист. проф. движ.“, т. IV, стр. 118.

[2] Майоров, „Из истории рев. борьбы“, стр. 38.

[3] Шляпников, „1917 год“, кн. 1, стр. 193—194.

[4] „Правда“, № 21, от 30/III 1917 г., ст. „Производственн. кризис“.

[5] Н. Н. Подвойский, „Военная организация РСДРП“ — „Кр. Лет.“, № 6, стр. 67—68.

[6] „Правда“, № 21 от 30/III и № 25 от 6/IV 1917 г.

жуазии. Министр Гучков в воззвании от 10 марта, явно намекая на большевиков, говорил о том, что в Ленинграде имеются немецкие шпионы. Использовались публикуемые списки провокаторов и распространялась клевета, что охранник Черномазов, будучи редактором „Правды“, именно и писал о братании с германскими солдатами [1]. На улицах обыватели кричали, что „Правда“ — провокаторская газета, и летучие митинги заканчивались арестом большевиков или им сочувствовавших [2]. Плеханов присоединился к хору клеветников и в бесплатно раздававшемся № 2 „Освобожденной России“ советовал рабочим „остерегаться лженепримиримой агитации агентов-провокаторов“ [3]. Партия встретила с величайшей твердостью этот натиск буржуазии, производившийся притом при полном попустительстве социал-соглашателей. В „Правде“ появились резолюции заводов и воинских частей, а „железный фонд“ „Правды“ уже на 14 марта составлял около 5 000 руб. и на 6 апреля превышал 17 000 р. [4]; эти деньги собрали рабочие и солдаты.

Партия увеличивалась численно, хотя в первое время, напр., в Ленинграде увеличение шло еще довольно туго [5]. Большевики взяли на себя инициативу создания профессиональных союзов и их объединений; взяли на себя инициативу созыва страховой конференции; большевики все время были с массами и забирали в свои руки руководство их борьбою. Но большевики не избегли также и ошибок на том необычайно крутом повороте истории, который создался после февральско-мартовских дней.

2. Основы большев. тактики, выработ. Лениным в марте за границей.

Основные положения тактики большевизма в новых, необычайно трудных условиях были сразу определены т. Лениным.

---

[1] Раскольников, „Литературный шантаж“ — „Правда“, № 9, от 15/III 1917 г.

[2] „Правда“, № 11, от 17/III 1917 г., „За Правду“.

[3] Л. Сталь, „К моменту“ — „Правда“, № 22, от 31/III 1917 г.

[4] „Правда“, № 9, от 15/III, и № 26, от 7/IV 1917 г.

[5] „Протоколы всеросс. апрельской конференции“, стр. 124.

а) 3 марта: задачей большевиков остается попрежнему революционная пропаганда, агитация и борьба за международную пролетарскую революцию, с завоеванием власти Советами Рабочих Депутатов (а не кадетскими жуликами)[1].

б) 4 марта: новое правительство не может дать ни мира, ни хлеба, ни полной свободы. Дать это в состоянии рабочее правительство, опирающееся на громадное большинство крестьянского населения сельских рабочих и беднейших крестьян и на союз с революционными рабочими всех воюющих стран. Разъяснение всему народу „правды“ о теперешнем правительстве. Организация Советов Рабочих Депутатов; перенесение пролетарских организаций на войско и на деревню; непременно отдельная классовая организация сельскохозяйственных наемных рабочих. Условие полной победы следующего этапа революции — осведомление самых широких масс и организация их. Это возможно только при идейной и организационной самостоятельности партии революционного пролетариата[2].

в) Того же 4 марта: расширение работы организации масс для систематического обстоятельного разоблачения нового правительства и подготовки завоевания власти Советами Рабочих Депутатов. Добивать реакцию, ни тени доверия и поддержки новому правительству и социал-соглашателям. Вооруженное выжидание, вооруженная подготовка более широкой базы для более высокого этапа[3].

г) С 7 по 12 марта написаны четыре „Письма издалека“, в которых разработаны все основные вопросы новой тактики, а сводка дана в пятом письме от 26 марта. Задача революционного пролетариата — суметь подойти наиболее верным путем к следующему этапу революции, когда государственная власть должна перейти из рук помещиков и капиталистов в руки правительства рабочих и беднейших крестьян. Послед-

---

[1] Письмо к А. М. Коллонтай от 16/3 марта—„Лен. сб.“ II, стр. 289—290.

[2] Набросок тезисов 17 марта—„Лен. сб.“ II, стр. 319—323.

[3] Письмо к А. М. Коллонтай от 17/4 марта 1917 г.—„Лен. сб.“ II, стр. 291—292.

нее должно организоваться по типу советов (разбить старую государственную машину, заменив ее массовой и поголовной организацией вооруженного народа). Только такое правительство по своему классовому составу (революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства) и по органам управления (пролетарская милиция) в состоянии решить главнейшую задачу момента: добиться мира. Победа пролетариата осуществима в самом близком будущем в России лишь при условии, что первым шагом ее будет поддержка рабочих громадным большинством крестьянства в борьбе его за конфискацию и национализацию всей помещичьей земли. Дальнейшие шаги пролетариата в союзе с беднейшей частью крестьянства должны быть направлены к контролю производства и распределения важнейших продуктов, введению всеобщей трудовой повинности и т. д., т.-е. к мерам, которые диктуются войной и послевоенной разрухой, а в своей сумме и развитии были бы переходом к социализму, который непосредственно сразу в России неосуществим, но вполне осуществим и насущно необходим в результате такого рода переходных мер [1].

д) В четвертом „Письме издалека" от 12 марта и в письме к т. Ганецкому от 17 марта: 1) обращаться к правительству Гучковых и Милюковых с предложением заключить демократический мир — все равно, что обращаться к содержателям публичных домов с проповедью о добродетели; 2) война не перестала быть империалистической со стороны России, пока у власти помещики, капиталисты, прямые агенты и слуги буржуазии и т. д.; 3) беспощадная борьба с социал-патриотами (лучше немедленный раскол в партии, чем уступки Керенскому или Чхеидзе), которые обманывают рабочих, выдавая империалистическую войну за „оборонительную", обращаясь к германским рабочим с призывом свергнуть Вильгельма, в то время когда надо свергать не только Вильгельма, а и буржуазные правительства и начать с России; 4) если может-быть правительство Гучкова-Милюкова и нельзя еще свергнуть сейчас, то

[1] „Ленинский сб." II, стр. 324—361 и 395—397.

это не есть довод говорить рабочим неправду; 5) условия работы партии особенно в Ленинграде — „архитрудные“; доверять нельзя никому: ни социал-патриотам, ни Сухановым, Стекловым и т. д. [1].

3. Подход большевиков в России к ленинской линии.

Из писем т. Ленина до Ленинграда дошло только первое, которое и было напечатано в „Правде“ 21—22 марта 1917 г.

Партия, таким образом, вплоть до приезда т. Ленина 3 апреля 1917 г., не имела почти никакой связи с заграничным центром. Одновременно чрезвычайно плоха была связь между партийными организациями и их русским руководящим центром — Бюро ЦК, так что, например, в Киеве из-за отсутствия связей к концу марта не была еще оформлена принципиальная линия Комитета. Организация не могла выступать в массах с точно формулированными требованиями, а это значительно суживало ее работу в рядах киевского пролетариата [2].

В руководящем центре движения — в Ленинграде — в вопросе об отношении к Временному Правительству сложились три точки зрения [3], но, как видно, проводилась точка зрения большинства ПК, ибо еще в конце марта собрание рабочих в Лигове, заслушав доклад представителя ПК о текущем моменте, постановило, что „все меры Временного Правительства, уничтожающие остатки старого строя, укрепляющие и расширяющие завоевания революционных солдат и рабочих, должны встречать поддержку рабочего класса“ [4].

По вопросу о войне Бюро ЦК и ПК уже в начале марта были единодушны и в своих резолюциях выставляли требования: братания на фронте, демократизации армии на фронте и в тылу, поддержки революционного движения во всех странах, обращения к международному пролетариату с призывом бороться против

---

1. „Ленинский сб.“ II, стр. 356—361 и 368—372.
2. Е. Бош, „Год борьбы“, стр. 10—12.
3. См. у нас гл. V, п. 8, стр. 66.
4. „Правда“, № 20, от 29/III 1917 г.

своих угнетателей. Война, которая велась Россией после революции, определялась как империалистическая [1].

В Исполнительном Комитете Совета большевики добивались постановки вопроса об отношении к войне, в то время как соглашательское большинство сознательно тянуло дело; только 11 марта „Известия“ пришли к выводу, что, раз революционный народ сверг старую власть и получил влияние на ход дел в государстве, то можно открыто поставить вопрос о прекращении войны [2]. 11 марта в заседании ИК был принят 18-ью голосами при 2 воздержавшихся текст обращения к международному пролетариату [3]. 14 марта пленум Совета принял воззвание: „К народам всего мира“. Три главные мысли его были таковы: а) русская революционная демократия обещала противодействовать захватной политике своих господствующих классов; б) от германского пролетариата требовалось — сбросить „иго полусамодержавного порядка“; в) „русская революция не отступит перед штыками завоевателей“ [4]. Председатель Совета меньшевик Чхеидзе развил воззвание в том смысле, что с германским и австрийским народом „общего языка у нас не найдется“, пока не будет убран Вильгельм, а до того „мы не будем плевать в потолок... будем бороться за нашу мать-Россию“ [5].

4. Ошибки большевиков в связи с воззванием Совета от 14/III.

Кроме вернувшегося из ссылки члена думской „пятерки“ — Муранова, большевики на пленуме не выступили; Муранов же, хотя и оговорился, что не надо пугаться „тех громких фраз, которые говорят, что немец придет и задавит нас“, но кончил тем, что предложил „голосовать и поддерживать“ оборонческий манифест Совета [6].

[1] Резолюции Бюро ЦК и ПК приведены у Шляпникова „1917 г.“, кн. II, стр. 144—145.

[2] „Известия“, № 18, от 11/III 1917 г., „О современной войне“.

[3] „Петроградский Совет Раб. и Солд. Деп.“ — „Протоколы“, стр. 40.

[4] Опубл. в № 15 „Известий“ от 15/III 1917 г.

[5] и [6] „Известия“, № 18, от 1 (14)/III 1917 г. Из стенограммы заседания от 14 марта.

Объяснение такому поведению большевиков надо искать в разногласиях, вспыхнувших в руководящих большевистских центрах вслед за приездом из ссылки в Ленинград товарищей, которые, в силу своего партийного авторитета, стали руководить „Правдой“ [1].

В „Правде“ оборонческое воззвание „К народам“— „горячо приветствовалось“. Руководящая статья от 15 марта заявляла, что наш лозунг — не дезорганизация революционной армии и не бессодержательное „долой войну“, а давление на Вр. Правительство с целью заставить его открыто выступить с попыткой склонить все воюющие страны к немедленному открытию переговоров о способах прекращения мировой войны [2]. 16 марта новая статья, хотя и с оговоркой, но приветствует советское воззвание и снова выдвигает „путь давления на Вр. Правительство“; правда, массы призываются в целях давления к устройству митингов и демонстраций [3], что уже само собой ни в какой степени не входило в соглашательские расчеты.

В Москве большевики в Исполнительном Комитете Совета предложили первоначально (к народной демонстрации 12 марта) лозунг „долой войну“, но 16 марта, когда Совет присоединился к ленинградскому воззванию „К народам“, большевики не выступили с каким-либо отдельным заявлением, разъясняющим оборонческий характер воззвания [4]. Московский „Социал-Демократ“ в № 2, выдвигая лозунг „долой войну“, в то же время писал, что Вр. Правительство должно решительно заявить о своем отказе от всяких завоевательных планов, аннексий, контрибуций и т. д. [5].

5. Резолюции Бюро ЦК конца марта: их достоинства и ошибки.

26 марта 1917 г. были опубликованы резолюции Бюро ЦК об отношении к Вр. Правительству и о войне. Первая резолюция говорит, что Вр. Правительство неспособно разрешить задач, выдвинутых

---

1 Каменев, Сталин, Муранов.

2 „Правда“, № 9, от 15/III 1917 г., ст. т. Каменева „Без тайной дипломатии“.

3 „Правда“, № 10, от 16/III 1917 г., ст. т. Сталина „О войне“.

4 Е. Игнатов, „Московский Совет“, стр. 42, 56.

5 „Правда“, № 22, от 31/III 1917 г., „Провинц. раб. печать о войне“.

революцией; Советы суть зачатки революционной власти, и ближайшие их задачи — всеобщее вооружение народа, контроль за действиями Вр. Правительства, взятие на себя ряда функций государственно-экономического характера. Таким образом, дана правильная оценка Вр. Правительства; резолюция подходит к ленинскому пониманию роли и задач Советов на данном переходном этапе русской революции; неправилен лишь (как это будет видно дальше) пункт о контроле.

Резолюция Бюро ЦК о войне правильна в том отношении, что нет ни слова „приветствия" воззванию „К народам" или „неприемлемости" для революционной демократии „дезорганизовать революционную армию"; наоборот, говорится, что всякое подчинение мелкобуржуазной „социалистической", националистической струе было бы изменой международной и русской революции. Ухудшением по сравнению с резолюцией Бюро ЦК от 4 марта надо считать следующее: а) исчезли лозунги демократизации армии на фронте и братания; б) ясный пункт о том, что война и сейчас является в России империалистической, заменился пунктом об общем характере войны, как войны империалистической. Между тем необходимо было с особой настойчивостью разъяснять грабительский характер войны в России после революции, при Вр. Правительстве, ибо как раз этот вопрос извращали буржуазия и социал-соглашатели и обманывали массы, рассказывая только об „оборонительной" войне. Неправильным был также пункт резолюции о том, что надо Временное Правительство России заставить отказаться от всяких завоевательных планов, о чем уже говорил Ленин в своих мартовских письмах и указал точно через несколько дней в тезисах от 3 апреля [1].

6. Ошибка большевиков в оценке заявления правительства от 28 марта.

За несколько дней до появления этих тезисов, большевики допустили крупные ошибки, которые сводились: а) к неправильной оценке правительственного воззвания о целях войны от 28 марта и б) к неправильным действиям больше-

[1] Резюлюции Бюро ЦК, опубликованные в „Правде", № 18, от 26/III—1917 г.

вистской фракции на Всероссийском Совещании Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, которое открылось в Ленинграде 29 марта.

Правительственное заявление говорило, что цель свободной России — не господство над другими народами, но, ставя задачу утверждения прочного мира на основе отказа от насильственного захвата чужих территорий, правительство будет руководствоваться „соблюдением обязательств, принятых в отношении наших союзников". История воззвания такова: под давлением ИК Совета (а на него давили массы, требовавшие мира без аннексий и контрибуций) Милюков согласился опубликовать заявление, но, во-первых, отнюдь не в виде дипломатической ноты, а во-вторых — в таких выражениях, которые не потребуют никаких перемен в курсе внешней политики. „Социалистической демократии" было указано, что для нее же выгоднее истолковать уклончивые выражения заявления в своем смысле и как уступку правительства [1]. „Известия" немедленно принялись за дело и объявили, что правительство развило мысль советского воззвания от 14 марта и сделало „второй шаг к миру" [2]. „Правда", совершенно правильно указав, что второй шаг еще нужен, неправильно расценила мошеннический ход Вр. Правительства как „уступку революционному народу", а самый второй шаг снова представляла себе так, что рабочий класс и революционная армия должны потребовать от Вр. Правительства открытого заявления о своем согласии немедля вступить в переговоры на условиях заявления от 28 марта [3]. Милюков, между прочим, через пару недель показал, как он понимает „условия" 28 марта.

7. Всеросс. Совещ. Советов — резолюция о войне.

На Всероссийском Совещании Советов царило социал-соглашательское засилие: примерно $^5/_6$ делегатов сове-

---

[1] Милюков, „История второй русск. револ." т. I, вып. 1, София, 1921 г., стр. 84—87.

[2] „Известия", № 29, от 31/III 1917 г., „Сторонн. мира и стор. войны".

[3] „Правда", № 22, от 31/III 1917 г., „Нужен второй шаг".

щания шли за социал-соглашателями [1]. Внесенная т. Каменевым от имени ЦК РСДРП и меньшинства интернационалистов партии социалистов-революционеров, резолюция была правильна там, где определяла, что война в России и сейчас является империалистической, продолжение ее угрожает непосредственно революции в России, что необходимо обращение к народам с призывом восстать против своих угнетателей. Такие положения были неприемлемы не только для меньшевиков (Церетелли — докладчик от ИК — заявил, что у Каменева „отрицательные формулы в вопросе о защите страны“, а надо прямо призвать к защите страны), но и для объявившихся на Совещании „старых большевиков“. Последние, составив сплоченную группу на предшествовавших Совещанию Советов партийных совещаниях, высказались за то, что в связи с революцией положение изменилось и партия должна принять меры к защите революционных завоеваний и обороноспособности страны [2], а на самом Совещании голосовали против резолюции т. Каменева и выступили с особым заявлением.

Неправильными пунктами в резолюции, предложенной т. Каменевым, были: а) известное суждение о том, что „мы отвергаем дезорганизацию армии“, все „должны остаться на своих постах“ и т. д.; б) требование созыва социалистического международного съезда, где по сути дела в лице западных социал-патриотов оказались бы, по выражению Ленина, „явные и тайные агенты империалистических правительств“; в) „требование“ к Временному Правительству предложить всем воюющим мир на условиях отказа от аннексий и контрибуций и т. д.; г) умолчание о братании, необходимости демократизации фронта [3].

---

[1] За резолюцию Церетелли—325, за резол. Каменева—57; 20 воздержалось.

[2] На парт. совещании новоявленные „оборонцы“ во главе с моск. прис. повер. Яхонтовым, отошедшим во вторую половину годов войны от нелег. партработы, собрали 19 голосов из 70 — см Игнатов „Москов. Совет“, стр. 85.

[3] „Известия“, № 29 от 31/III, и № 33, от 6/IV 1917 г.

Ответы Церетелли на поправки, которые большевики начали вносить в меньшевистскую резолюцию, показали, что обозначает на деле требование к Вр. Правительству опубликовать тайные договоры, приступить к переговорам о мире и пр. Церетелли разъяснил, что нельзя вступать в мирные переговоры с Германией, минуя союзников, а опубликование договоров без согласия союзных стран восстановит против России „не только империалистические правительства, но и народные массы“ [1].

8. Всеросс. Совещ. Советов об отнош. к Вр. Пр-ву.

С вопросом об отношении к Вр. Правительству дело обернулось так, что большевики сняли свою резолюцию и голосовали за резолюцию, предложенную социал-соглашательским большинством, правда — переделанную и измененную по сравнению с первоначальной ее редакцией.

Но и в своем окончательном виде резолюция прежде всего устанавливала, что Вр. Правительство в общем и целом идет по пути выполнения принятых на себя обязательств.

Далее шли пункты о сплочении вокруг Советов революционной демократии, постепенном осуществлении последней контроля и воздействия на Вр. Правительство, однако без принятия ответственности за всю его деятельность; о поддержке правительства, поскольку оно будет неуклонно идти в расширении революционных завоеваний и по пути отказа от захватных стремлений; наконец, о постоянной готовности революционной демократии дать решительный отпор всякой попытке правительства уйти из-под контроля или от выполнения обязательств [2]. В своих выступлениях большевики (Каменев, Ногин и др.) правильно указывали, что по отношению к правительству возможно только абсолютное недоверие и что правительство является „легальным защитником нелегальной подпоры контр-рево-

---

[1] „Известия“, № 34, от 7/IV 1917 г., „Всероссийское совещ., засед. 30 марта“.

[2] „Известия“, № 33, от 6/IV 1917 г.

люции". Снятие же своей резолюции Каменев от имени большевистской фракции обосновал тем, что „в основном пункте резолюции ИК есть указание, что организующим центром движения является Совет Рабочих Депутатов, как и указание, куда должны быть направлены стремления революционной России" [1].

В итоге вышло, что большевики, вместо призыва масс к прямому недоверию гучковско-милюковскому правительству, подписались под резолюцией, говорившей прямую неправду, будто правительство „в общем и целом идет по пути принятых на себя обязательств".

В массы все глубже и глубже проникало недоверие к Временному Правительству, и являлась опасность такого положения, когда бы партия могла оказаться позади масс.

IX. Конец периода новой ориентировки партии — перед апрельскими днями 1917 года.

1. Приезд товарища Ленина.

Для встречи т. Ленина 3 апреля 1917 года Ленинградская организация большевиков могла организовать внушительную демонстрацию из рабочих, отрядов Красной Гвардии и солдат: одна военная организация большевиков выставила 7 000 солдат с боевыми машинами броневого дивизиона [2]. В ночь на 4 апреля т. Ленин сделал доклад ответственным работникам организации, а 4 апреля выступал на собрании большевиков—членов Всероссийского Совещания Советов и на „объединенческом" [3] собрании социал-демократов, где тезисы т. Ленина встретили бурю негодования и заявление, что „Ленин выставляет кандидатуру на трон Баку-

---

[1] „Известия", № 35, от 8/IV 1917 г.

[2] „Протоколы VI съезда". Доклад Н. Подвойского (военной организации), стр. 55.

[3] Было созвано группой „объединителей" в целях выработки мер для созыва объединительного съезда соц.-дем. партии.

нина"[1]. 7 апреля тезисы „О задачах пролетариата в данной революции" появились в „Правде".

Тезисы тов. Ленина от 4 апреля 1917 года включили в себя все основные мысли его мартовских „Писем издалека".

В печати было высказано мнение, что статьи тов. Троцкого в марте 1917 года, в нью-иоркском эмигрантском журнале „Новый Мир" [2], почти целиком предвосхитили политическую тактику революционной социал-демократии и что „основные выводы этих статей почти до деталей совпадают с теми политическими перспективами, которые были развиты тов. Лениным в знаменитых «Письмах издалека»" [3]. Между тем, за два месяца до марта 1917 года, т. Ленин называл Троцкого каутскианцем [4], т.-е. представителем центра, беспощадную борьбу которому объявляли ленинские „Письма" и тезисы от 4 апреля.

Вышло так, что т. Троцкий „предвосхитил" выводы т. Ленина, а большевики в России оказались, по изображению т. Троцкого, в следующем положении: а) „Правда" в дни марта была гораздо ближе к позиции революционного оборончества, чем к позиции Ленина; б) сама точка зрения „Правды" была не пролетарско-революционная, а демократическо-оборонческая, хотя и половинчатая в своем оборончестве [5].

2. Ленинизм и троцкизм в марте и апреле 1917 г.

Чтобы выяснить, насколько прав т. Троцкий и редакторы его сочинений, нужно сравнить „Американские письма" т. Троцкого с „Письмами" и тезисами т. Ленина.

---

[1] Суханов, „Записки о революции", кн. 3, стр. 41.

[2] В „Новом Мире" работали товарищи Володарский, Бухарин, Мельничанский, Чудновский, Минкин, Зорин и др.; т. Троцкий вошел в редакцию по приезде своем в Америку в начале 1917 года.

[3] Л. Троцкий, „Сочинения", т. III, ч. I, прим. 28, стр. 370.

[4] „Империализм и раскол социализма"—„Сборник Социал-Демократа" № 2, декабрь 1916 года — т. XIII, стр. 473. Примечание относительно „предвосхищения" было составлено редакцией сочинений т. Троцкого, но „т. Троцкий не возражает против такой аналогии, принимая ее, видимо, с благодарностью". См. И. Сталин, „Троцкизм и ленинизм" — сб. „Об уроках Октября", изд. „Прибой", стр. 79.

[5] Л. Троцкий, „Уроки Октября",—Соч., т. III, ч. I, стр. XXIII и XXVI.

A. Империалистическая война в России.

ЛЕНИН.

а) Война при Временном Правительстве осталась грабительской империалистической войною.

б) Недопустимы ни малейшие уступки „революционному оборончеству".

в) На революционную войну пролетариат пойдет при условии перехода власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства и полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.

г) Широким слоям массовых представителей революционного оборончества, признающим войну по необходимости, а не ради завоеваний, и обманутым буржуазией, надо особенно терпеливо разъяснять их ошибку и доказывать, что кончить империалистическую войну истинно демократическим миром нельзя без свержения капитала.

ТРОЦКИЙ.

Знамя Временного Правительства есть знамя чистого империализма, — „переход от династическо-дворянского империализма к чисто буржуазному"[1].

Ясного ответа на то, как относиться к оппортунистам („революционное оборончество"), нет. Борьба рабочего класса за мир направляется „против либеральной буржуазии". О полном разрыве с „революционными оборонцами" не говорится ни слова[2].

Предполагать, что русская революция может пройти бесследно для Германии — значит мыслить наперекор законам исторической логики и психологии. Но, если бы случилось невероятное, тогда революционное рабочее правительство в России (ставшее у власти, свергнув буржуазное Временное Правительство) вело бы войну против Гогенцоллерна... война была бы только вооруженной революцией, и дело шло бы не о защите отечества, а о защите революции и перенесении ее на другие страны[3].

Точного разделения „добросовестного оборончества", т.-е. преобладавшего тогда настроения не только мелкобуржуазных масс, но и части рабочего класса, от социал-оборончества эсэро-меньшевистских кадров и их вождей — нет. Говорится лишь, что пролетариат России „никак не может примириться с войной". Практические меры

---

[1] Л. Троцкий, „Война или мир", т. III, ч. I, стр. 15.

[2] Л. Троцкий, „Война или мир", „От кого защищать революцию", „1905—1917", т. III, ч. I, стр. 16, 17, 28.

[3] Л. Троцкий, т. III, ч. I, стр. 20.

Отсюда практические действия: а) в действующей армии организация самой широкой пропаганды этого взгляда, б) братание.

обозначены лишь как „агитация и борьба против войны прежде всего в рабочих, а во вторую линию в крестьянских и в солдатских массах“ [1].

Б. Своеобразие текущего момента в России.

а) Россия сейчас—самая свободная страна в мире из всех воюющих стран. б) Отсутствует насилие над массами. в) Массы относятся бессознательно доверчиво к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма. г) Двоевластие: рядом с правительством буржуазии сложилось еще слабое, зачаточное, но существующее и растущее другое правительство, выражающее сознание и волю большинства рабочих и крестьян: Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. д) Вследствие недостаточной сознательности и организованности пролетариев и крестьян, буржуазное правительство опирается на „поддержку“ вторым правительством—Советом Рабочих Депутатов. е) В большинстве Советов большевистская партия пока в слабом меньшинстве перед блоком всех мелкобуржуазных, оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат, элементов.

Оценки и разбора своеобразия переходного момента совершенно нет. Указывается только, что „в своем пути русская революция сметет буржуазных либералов“ и что „подлинное лицо русской революции—Совет“ [2]. При связи в России земельного вопроса с вопросом о войне и ничтожности влияния мелкой городской буржуазии, державшей под своим влиянием в Великую Французскую революцию крестьянство,—пролетариат в России, привлекая к себе крестьянские массы, противопоставит империалистической войне крестьянскую революцию [3].

О том, почему подлинное лицо русской революции поддерживает правительство буржуазии, находится в руках социал-соглашателей, о двоевластии,—о своеобразии именно текущего момента, когда влияние буржуазии и мелкобуржуазных партий на пролетариат было совсем не ничтожно,—ни слова.

В. Отношение к Временному Правительству.

Никакой поддержки Временному Правительству. Разъяснение полной лживости всех обещаний Вр. Правительства, особенно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопусти-

Сейчас, немедленно революционный пролетариат должен будет противопоставить свои революционные органы—Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов исполнительным

[1] Л. Троцкий, т. III, ч. I, стр. 15, 16.
[2] Там же, стр. 11.
[3] Там же, стр. 18—24.

мого, сеющего иллюзии „требования“, чтобы это правительство капиталистов перестало быть империалистическим. Пока партия в Советах в меньшинстве, вести работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам Рабочих Депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

органам Временного Правительства. В этой борьбе пролетариат, объединяя вокруг себя поднимающиеся народные массы, должен ставить своей прямой целью завоевание власти [1].

Ответа на вопрос, что делать, пока Советы не противопоставляют себя „исполнительным органам Временного Правительства“, а поддерживают буржуазное правительство, — нет.

Г. Второй этап революции.

Власть Советов (диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства) не есть парламентарная республика (возвращение к ней от Советов Рабочих Депутатов было бы шагом назад), а республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов по всей стране снизу до верху. Отличительные черты Советской республики: замена постоянной армии всеобщим вооружением народа; устранение полиции, чиновничества; плата всем чиновникам,—при выборности и сменяемости их в любое время,—не выше средней платы хорошего рабочего; конфискация всех помещичьих земель; национализация **всех** земель в стране; распоряжение землею местными Советами Батрацких и Крестьянских Депутатов; выделение образцовых хозяйств под контролем батрацких депутатов и на общественный счет; немедленное слияние всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны Совета Рабочих Депутатов; переход тотчас же к контролю со стороны Со-

Пролетариат, **завоевавши** власть, создает „революционное рабочее правительство“, опирающееся на пролетариат и примыкающие к нему деревенские низы. Меры рабочего правительства во время подготовки Учредительного Собрания сводятся к: а) уничтожению и изгнанию из всех углов монархического и крепостнического хлама; б) перестроению армии сверху до низу в революционную милицию; в) сплачиванию крестьянских миллионов против либеральных империалистов под знаменем аграрной революции и республики; г) конфискации земли; д) борьбе рабочего класса за мир и распространению этой борьбы на европейскую почву. При таких мерах, возможных **только** при наличии рабочего Правительства, также **только** возможны:

а) сплачивание и просвещение самых отсталых и темных масс города и деревни, доказательство крестьянским низам на деле, что их спасение только в поддержке революционного режима, и б) созыв такого Учредитель-

---

[1] Л. Троцкий, „Нарастающий конфликт“, т. III, ч. I, стр. 13.

ветов Рабочих Депутатов за общественным производством и распределением продуктов.

Перед партией не стоит „введение“ социализма, как непосредственная задача. Но все меры такого рода в сумме и развитии своем являются переходом к социализму.

ного Собрания, которое отразит революционные творческие силы страны и само станет могущественным орудием дальнейшего развития революции [1].

Как видно, т. Троцкий в марте 1917 г. не предвосхитил т. Ленина.

Выдвинув несколько правильных положений (характер продолжавшейся правительством войны, необходимость свержения Временного Правительства), троцкизм запутался: а) в оценке переходного момента от первого этапа революции ко второму; б) в намечении второго этапа революции; в) в оценке движущих сил революции, выставив лозунг „рабочего правительства“ и одновременно утверждая, что большинство народа рабочий класс сможет завоевать на свою сторону только при наличии рабочего правительства. Троцкизм не ответил на вопрос: как смогут рабочие без завоевания большинства народа свергнуть буржуазию и захватить власть?

Троцкизм был прямо противоположен ленинской теории перерастания демократической революции в социалистическую: второй этап революции у Троцкого заключается в том, что пролетариат, не имея за собою большинства народных масс, захватывает власть; пользуясь всем аппаратом власти, завоевывает большинство населения на свою сторону, проводит ряд только демократических мероприятий, переносит дело борьбы за мир в Европе и созывает Учредительное Собрание. Разве это похоже на второй этап Ленина, когда рабочий класс, завоевав большинство трудящихся, организует государство нового типа, проводит ряд мер, в сумме и развитии своем являющихся переходом к социализму? Троцкизм не решился поставить перед рабочим правительством мер переходных к социализму. Рабочее правительство до Учредительного Собрания исчерпывает

[1] Л. Троцкий, т. III, ч. I, стр. 18, 19, 28.

демократическую революцию. А что будет после Учредительного Собрания? К этому вопросу троцкизм и не подошел, ограничившись лишь указанием, что русская революция пробудит Запад, а на Западе „общеевропейское развитие уже давно поставило в порядок дня вопрос о социальной революции“.

3. Ленин о задачах партийной работы.

Не поняв своеобразия переходного момента и задач второго этапа русской революции, троцкизм тем менее мог сказать что-либо о партийных задачах[1]. Ленин и в „Письмах“ и в тезисах от 4 апреля дал на этот вопрос исчерпывающий ответ.

Требуя приспособления партийной работы к особым условиям партийной работы среди неслыханно широких только-что проснувшихся к жизни масс пролетариата, Ленин ни в коей степени не связывал это с приспособлением партийных задач к уровню только-что проснувшихся масс и, как всегда, не подчинял сознательность — стихийности[2].

Тезисы намечали следующие партийные задачи: а) немедленный съезд партии; б) перемена программы партии—главным образом в вопросах: об империализме и империалистской войне, об отношении к государству — требование „государства-коммуны“, т.-е. такого государства, прообраз которого дала Парижская Коммуна; исправление отсталой программы - минимум; в) перемена названия партии; г) инициатива создания революционного Интернационала против социал-шовинистов и против центра, т.-е. течения, колеблющегося между оборонцами-шовинистами и интернационалистами (центр: в Германии—Каутский и др., в России—Чхеидзе и др. и т. д.).

Стихийность масс проявлялась в то время в доверчивости их правительству капиталистов. В лучшем случае речь шла о том, чтобы Совет смотрел за правительством, контролировал его, заставлял капиталистов „укреплять революционные завоевания“, заявлять о мире без аннексий и т. д. Недовольство буржуазным правитель-

[1] В „Американских письмах“ об этом — ни слова.
[2] Этим, как видно будет ниже, грешил т. Каменев.

ством росло, но лишь небольшое меньшинство рабочего класса и солдатской массы ставило уже вопрос о смещении Временного Правительства и переходе власти в руки Советов. Ленин, требуя приспособления партийной работы к особым условиям ведения ее среди широких, только-что проснувшихся масс, поставил перед партией такие задачи, когда она неустанной работой разъяснения поднимала сознание широких масс до уровня передового отряда рабочего класса. Партия рабочего класса не отступала перед захлестнувшей и рабочий класс мелкобуржуазной стихией, а, наоборот, боролась за подчинение этой стихии революционному пролетарскому руководству.

4. „Половинчатость" большевиков в России.

Троцкий, не „предвосхитив" Ленина, обозвал позицию русского большевизма в марте 1917 г. демократическо-оборонческой, хотя и половинчатой в своем оборончестве.

Большевики в России в „периоде новой ориентировки партии" действительно допустили ряд крупных ошибок[1]. Однако, если бы русский большевизм так близко стоял к позиции „революционного оборончества" и так сошел с пролетарско-революционной точки зрения, как это утверждает т. Троцкий (главным образом в отношении „Правды"), то непонятно: почему большевики и „Правда" подвергались такой ожесточенной травле буржуазии?

Вот деятельность „Правды" в изображении правых меньшевиков:

а) „Правда" открыла очень рано кампанию против правительства, избрав мишенью своих нападок военного министра Гучкова[2].

б) „Правда" с первых №№ открыто называла Вр. Правительство выразителем объединившихся представителей крупного капитала и крупных помещиков, идущих в союзе со средней и мелкой буржуазией. Политика правительства противоречит интересам демократии. От Совета требуется, чтобы он обратился

---

[1] См. у нас гл. VIII, п. 4—8, стр. 101—107.

[2] „Хроника Февр. революции", изд. „Былое", т. I, стр. 89.

к пролетариату воюющих стран с призывом к братанию на фронтах с революционными войсками России [1].

в) „Правда" сразу отвела много места рабочей жизни, голосам с фабрик, заводов и мастерских и вопросам профессионального строительства и из всех газет в этом смысле была самой „рабочей" [2].

г) „Правда", перейдя в руки „правого крыла большевиков, возглавляемого Каменевым", учла всеобщее патриотическое настроение и сняла лозунг прямого отрицания войны, но выставила требование, обращенное к правительству, — выяснить цели войны [3].

д) При непризнании Милюковым советской демократии неминуемо было столкновение, и „инициатива и здесь принадлежала большевикам". „С чрезвычайной настойчивостью в статьях, умеренных по тону" — из номера в номер „Правда" требовала, чтобы рабочие во всех странах, и в России в частности, оказывали организованное давление на правительства своей страны и заставили их отказаться от империалистической завоевательной программы [4].

е) После известной беседы 23 марта Милюкова относительно того, что обладание Царьградом всегда считалось исконной национальной задачей России, — „Правда" немедленно открыла кампанию против Милюкова и очень удачно направила удар в самое слабое место позиции правительства; газета с этого дня снова переходит в наступление [5].

ж) После выхода правительственного заявления о целях войны от 28 марта „Правда" первая поставила вопрос: как могло случиться, что Милюков, накануне требовавший Константинополя, подписал заявление? [6].

з) Когда начались первые захваты помещичьих земель и эс-эры в своем „Деле Народа" призывали к спокойствию, „Правда" выставила лозунг организации революционных крестьянских комитетов: волостные коми-

---

[1] „Хроника Февр. революции", изд. „Былое", т. I, стр. 107.
[2] Там же, стр. 108.
[3] Там же, стр. 113—115.
[4] Там же, стр. 119—120.
[5] Там же, стр. 121—122.
[6] Там же, стр. 125—126.

теты должны были создать уездную власть, губернскую, войти в контакт с Советом Рабочих и Солдатских Депутатов с целью более скорого, верного и полного проведения конфискации земель и дальнейшего распределения [1].

и) Выступление Каменева на Всероссийском Совещании Советов и присоединение большевиков к резолюции Исполнительного Комитета об отношении к Временному Правительству было при таких условиях: официальный докладчик ИК Стеклов „увлекся", — „критика Вр. Правительства зашла слишком далеко". Большевики во главе с Каменевым использовали весь материал обвинений, которым изобиловал доклад, и в результате резолюция, внесенная Стекловым, была изменена в сторону заострения критики Вр. Правительства и усиления контроля над ним [2].

Все эти выдержки нисколько не уменьшают ошибочности линии „контроля" или „давления" через Советы на правительство (о чем речь будет ниже), а лишь говорят о том, что „Правда", при всей ее „умеренности", совсем не так близко стояла к позиции „революционного оборончества", а занимала позицию, воспринимавшуюся с величайшим раздражением всеми теми кругами революционной демократии, которые стояли на платформе революционного единства [3].

Ряд постановлений партии [4] показал, как большевики в России ощупью шли к новой ориентировке партии и в ряде вопросов (оценка Вр. Правительства; определение характера продолжавшейся Россией войны; выставление лозунгов демократизации фронта и братания; взятие Советами на себя ряда государственных экономических функций) подходили к ленинским тезисам.

Быстрота и легкость, с которой вся партия присоединилась к тезисам т. Ленина, доказали, что партия была полностью подготовлена к восприятию новой

---

[1] „Хроника Февр. революции", изд. „Былое", т. I, стр. 143; ст. М. Калинина, „О земле" в № 13 „Правды" от 19/III 1917 г.

[2] „Хроника Февр. революции", изд. „Былое", т. I, стр. 160.

[3] Там же, стр. 138.

[4] См. у нас гл. VIII, п. 3, стр. 100.

ориентировки и лишь не могла (хотя ощупью и подходила с разных сторон к правильному решению вопроса) вынести точные, определенные, сведенные в одно целое, решения.

5. Тезисы т. Ленина в Ленинградской организации.

С начала апреля появляются резолюции рабочих и солдат, принимающие все более резкий характер по отношению к Временному Правительству [1]. Растет стихийное недовольство масс его политикой. Завод Нобеля 4 апреля вынес постановление о том, что Временное Правительство, составленное почти сплошь из буржуазных элементов, не может быть тем народным правительством, „которому мы можем доверять свои судьбы“ [2]. Около того же времени рабочие Кабельного завода постановили, разобрав проект правительства о выборах в городскую думу, что лишь „переход власти к Совету Рабочих и Солдатских Депутатов сможет установить истинно демократическое самоуправление“ [3].

Тезисы тов. Ленина были быстро приняты большевистской организацией в Ленинграде.

Общее собрание членов партии Петроградского района от 6 апреля вынесло резолюцию, в которой говорится, что рабочий класс и революционная армия никакого доверия Временному Правительству оказывать не могут; правительство должно быть заменено истинным органом революционного народа — Советом Рабочих, Солдатских, Батрацких и Крестьянских Депутатов [4]. Собрание членов партии Василеостровского района 10 апреля приняло решение, что тезисы Ленина в общем и целом правильны; 9-го апреля Пороховской район согласился с основными положениями тезисов т. Ленина [5]. Петроградская общегородская конференция большевиков в заседании 15 апреля приняла 24 голосами резолюцию ЦК об отношении к Временному Правительству по докладу т. Ленина. За поправку

---

[1] См. у нас гл. VII, пп. 4, 5 и 6, стр. 85—90.
[2] „Правда“, № 26, от 7 апр. 1917 г.
[3] „Правда“, № 28, от 9 апр. 1917 г.
[4] „Правда“, № 29, от 11 апр. 1917 г.
[5] „Правда“, № 34, от 16 апр. 1917 г.

т. Каменева (осуществление революционной демократией самого бдительного контроля над действиями Временного Правительства и, при разъяснении массам истинного классового характера Временного Правительства, „предостережение от дезорганизующего в настоящий момент лозунга свержения правительства“) — голосовало 6, против высказалось 20 и 9 воздержалось [1]. Точка зрения „контроля революционной демократии над правительством“ — собрала на конференции 17% ее состава. В течение 12 дней самая крупная, руководящая организация России усвоила, приняла и стала проводить ленинские тезисы [2].

6. Работа большевиков и кампании, проводившиеся партией перед апрельским выступлением.

К этому времени большевистская организация в Ленинграде насчитывала уже 12 000 членов [3], а по подсчетам противников большевизма за большевиками шло в Ленинграде к 1 мая 1917 г. не менее трети всего ленинградского пролетариата [4]. Партия добилась значительных успехов в ряде крупнейших кампаний, ею проведенных.

а) Вопрос о „займе свободы“ был поставлен на заседании Исполнительного Комитета Совета 7 апреля, при чем социал-соглашательское крыло, еще усилившееся в Совете [5], заявило, что демократия „должна

---

[1] „Протоколы петроградской общегородской конференции“, стр. 28.

[2] Этот изумительно быстрый срок показывает, как неверна точка зрения тов. Троцкого, что „большевизм совершил (не без внутренней борьбы) свое идейное перевооружение“ (Л. Троцкий, „1905 год“, стр. 285). „Идейное перевооружение“ да еще „со внутренней борьбой“ было достигнуто в крупнейшей пролетарской организации России меньше, чем в две недели.

[3] „Протоколы птг. общегор. конференции“, стр. 38.

[4] Н. Суханов, „Записки о революции“, кн. III, стр. 362.

[5] Н. Суханов, „Записки о революции“, кн. III, стр. 128—132. Всероссийское Совещание Советов (29 марта — 3 апреля) должно было выбрать постоянный всероссийский советский орган, вместо действовавшего до той поры от имени всей русской демократии Исполнительного Комитета Петербургского Совета. Совещание дополнило состав Петерб. Исп. Комитета 16 новыми членами путем пропорционального представительства фракций. Так как совещание на $^{5}/_{6}$ было под руководством социал-соглашателей, то Суханов из 16 новых членов ЦК помнит не больше трех-четырех „левых“.

финансировать оборону". За поддержку займа высказалось 21, против 14 и за то, „чтобы не мешать"—5 [1].

Заводы, на которых большевики сейчас же подняли широкую кампанию, поглядели на дело иначе. 10—11 апреля собралась большевистская фракция Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и вынесла единогласно резолюцию против „займа свободы" [2]. Резолюции против займа появились — с Русско-Балт. вагонного завода, Сименса и Шуккерта, Барановского, первого Пулеметного народного полка, мастерских офицерской электротехнической школы [3], „Старого Парвиайнена" [4] и других.

Были и отсталые заводы вроде Петроградского Арсенала, высказывавшиеся за поддержку займа, но в общем — большевики сорганизовали вокруг себя в кампанию против займа значительные слои ленинградского пролетариата и укрепили свое влияние.

б) То же вышло с днем 1 мая: Исполнительная Комиссия ПК большевиков, обсудив решение Исполнительного Комитета Совета Раб. и Солд. Депутатов о том, чтобы заводы отработали вторник 18 апреля (день первого мая по старому стилю), вынесла постановление немедленно развить на заводах агитацию против „отработки" пролетарского праздника [5]. Это решение ПК ударило в самую точку, и заводы немедленно ответили протестующими резолюциями. Ниточная Мануфактура решила, несмотря на постановление Исп. Ком., праздновать без отработки [6]. 11-го апреля то же постановление вынесла фабрика авиационных принадлежностей [7], служащие Петроградского Союза Потребительских

---

[1] „Петр. Совет Раб. и Солд. Депутатов", „Прот. ИК", стр. 90—91 и 315—316.

[2] „Правда", № 31, от 13 апр. 1917 г.

[3] „Правда", № 32, от 14 апр. 1917 г.

[4] „Рабочее движение в 1917 году" (Центрархив), стр. 133 и 137—140.

[5] В „Протоколах Исполнительного Комитета", вышедших ныне в издании Центрархива, такого решения нет; есть лишь постановление Исполнительного Комитета от 6 апреля о решении праздновать 1 мая в день 18 апреля. Решение Исполнительной Комиссии ПК, см. „Правда", № 29, от 11 апр. 1917 г.

[6] „Правда", № 31, от 13 апр. 1917 г.

[7] „Правда", № 32, от 14 апр. 1917 г.

Обществ [1], завод Барановского [2] и другие. Социал-соглашательская затея была сорвана, первое мая пришлось объявить государственным праздником, а командующий войсками округа ген. Корнилов провел его даже приказом по округу за № 170-а [3].

в) Сплочение рабочих масс вокруг партии усилилось и в результате той бешеной травли, которую буржуазия подняла по поводу приезда тов. Ленина, „пломбированных вагонов“, „немецких агентов“ и т. д.

Распространялись слухи, что Волынский полк „постановил“ арестовать тов. Ленина. Обыватели сами арестовывали на улицах людей „за пропаганду большевистских идей по вопросу о войне“. Арестованные передавались в штаб округа [4]. Распространялись слухи, что большевики с черным знаменем ходили громить американское посольство, производят аресты у дворца Кшесинской, а Ленин едет в Стокгольм совещаться с Шейдеманом [5]. 17-го апреля была устроена „демонстрация инвалидов“, которые прошлись со знаменем, с лозунгом: „долой Ленина“ [6].

Кампания о т п о р а буржуазной травле выразилась в многочисленных собраниях и резолюциях, приветствиях „Правде“ и т. Ленину. Эти приветы шли из Москвы от рабоче-солдатского собрания во Введенском народном доме, из Царицына от общего собрания и рабочих Царицынского артиллерийского завода; в Ленинграде — с „Нового Лесснера“ [7], от завода Щетинина, „Русского Рено“ [8], Сестрорецкого оружейного завода, собрания рабочих I уч. службы Никол. ж. д., Междунар. о-ва спальных вагонов, завода Сургайло, Поллак и др. [9].

Партия была уже настолько сильна, что провела кампанию сбора в 5 дней 75 000 руб. для приобретения

---

[1] „Правда“, № 33, от 15 апр. 1917 г.
[2] „Правда“, № 34, от 16 апр. 1917 г.
[3] Приказ приведен у Суханова „Записки о революции“, кн. III, стр. 183.
[4] „Правда“, № 29, от 11/IV 1917 г., „Начинается“.
[5] „Правда“, № 30, от 12/IV 1917 г., „Дикие слухи“.
[6] Суханов, „Записки о революции“, кн. III, стр. 3.
[7] „Правда“, № 30, от 12/IV 1917 г.
[8] „Правда“, № 32, от 14/IV 1917 г.
[9] „Правда“ № 33, от 15/IV 1917 г.

собственной типографии [1]. Рабочие немедленно ответили на призыв партии: за день 14 апреля на типографию „Правды“ поступило свыше 3 500 руб., за 15 апр. около 10 000 руб., за 16 и 17 апреля свыше 20 000 руб., за 19 свыше 9 800 руб. и т. д. [2].

г) Наконец, кампания против вывода революционных полков из Ленинграда усилила влияние партии среди солдатских масс. 10 апреля тт. Ленин и Зиновьев выступили на большом солдатском митинге в Измайловском полку, где солдаты оказали ораторам самый теплый прием [3]. Кексгольмский полк вынес единогласно резолюцию протеста против отправки двух маршевых рот. Такие же резолюции пошли от солдатского митинга в манеже офицерской кавалерийской школы 9 апреля, 285 запасного пехотного полка, стоявшего в г. Нарве [4], 1-го Пулеметного народного полка, солдатского митинга в Проходящих казармах [5] и др.

Помимо этих основных кампаний партия проводила более мелкие, каждый раз ударяя по определенным фактам: назначение Вр. Правительством пенсии царским сановникам, работа социал-соглашательской „контактной комиссии“ Совета, превращение в деревнях старой полиции в милицию, отсылка бывших городовых и жандармов на фронт и т. д. и т. п. Все эти действия Вр. Правительства, как и открытая мобилизация контрреволюции, неустанно проясняли сознание рабочих и солдатских масс, усиливали недовольство и с быстротою, свойственной дням революции, ускоряли приближение момента массового выступления.

X. Апрельское выступление и большевистская партия.

1. Нота Милюкова, ИК Совета и ЦК большевиков.

Министр иностранных дел Временного Правительства Милюков заявил в Москве на собрании пар-

---

[1] „Правда“, № 31, от 13/IV 1917 г.
[2] „Правда“, №№ 33, 35 и 39.
[3] „Правда“, №№ 29 и 30.
[4] „Правда“, № 30, от 12/IV 1917 г.
„Правда“, № 33, от 15/IV 1917 г.

тии кадетов, что декларация правительства о целях войны содержит лишь общие принципы, но не условия мира, которые могут быть выработаны только в согласии с союзниками [1]. 20-го апреля была опубликована нота Милюкова к союзным державам от 18 апреля, и русские граждане прочли о продолжении войны до „решительной победы", как о „всенародном стремлении" и „основной задаче Временного Правительства". Соглашательский Исполнительный Комитет собирался и 19-го и 20-го; однако не предупредил напечатания ноты и не вынес какого-либо определенного решения.

20-го апреля утром ЦК большевиков принял резолюцию, которая указывала, что милюковская нота полностью подтвердила правильность позиции большевиков о том, что Временное Правительство есть правительство насквозь империалистическое и все его обещания являются обманом; политика социал-соглашателей „воздействовать" на капиталистов, т.-е. Вр. Правительство, еще раз разоблачена „нотой". Поэтому дело не в личных перетасовках или в изменении состава правительства: только взявши при поддержке большинства народа всю государственную власть в свои руки, революционный пролетариат совместно с революционными солдатами, в лице Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, создаст правительство, единственно способное закончить войну истинно демократическим миром [2].

В резолюции ЦК нет призыва к выступлению в целях немедленного свержения Временного Правительства. Резолюция говорила, что „единственным спасением для массы мелкобуржуазного населения, колеблющегося между капиталистами и рабочим классом, является безусловный переход этой массы на сторону революционного пролетариата, который один только способен на деле разорвать путы финансового капитала и аннексионистской политики". ЦК очень хорошо знал, что надо не только завоевывать мелкобуржуазные массы

---

[1] „Речь", № 83, от 11/IV 1917 г.
[2] „Правда", № 37, от 21 апр. 1917 г.

населения, но завоевывать большинство в рабочем классе и организовать его.

Тем не менее стихийное движение масс вспыхнуло сейчас же по опубликовании ноты — 20 апреля.

2. Выступление 20 апреля 1917 г.

Ленин определял суть кризиса, разразившегося 20 апреля, так: люди знакомые с политикой не могли быть удивлены милюковской нотой, ибо знали, что все отказы от аннексий со стороны капиталистов — пустая отписка. Но массовые „добросовестные“ представители оборончества, вовсе незнакомые с политикой, а в классовом смысле *не заинтересованные* в аннексиях, были удивлены, возмущены, исполнены негодования. „Они почувствовали, — они не поняли еще этого вполне ясно, но они почувствовали, — что они оказались обманутыми“ [1].

Демонстрации 20 апреля начались, как *солдатские* демонстрации, с противоречивым, несознательным, ни к чему не способным повести лозунгом: „долой Милюкова“ (точно перемена лиц или группок могла изменить *суть* политики). Колеблющаяся, ближе всего стоящая к крестьянству мелкобуржуазная масса колебнулась *прочь от* капиталистов *на сторону* революционных рабочих. Это колебание или движение массы, способной по своей силе *решить все*, и создало кризис [2].

Выступление Финляндского полка лучше всего подтверждает оценку *сути* кризиса. Сами финляндцы сообщили через несколько дней, что их выступление имело цель выразить протест против ноты Милюкова, которая вызвала „вполне понятное чувство негодования в демократических слоях населения“. Целью демонстрации было „немедленно поддержать Совет в его ясном определении позиции к войне“ [3].

Поднял финляндцев на выступление рядовой Линде, человек беспартийный, интеллигент, делегированный солдатами в Исп. Комитет Совета, но в апрельские дни

---

[1] Ленин, „Добросовестное оборончество показывает себя“ — „Правда“, № 38, от 22/IV, т. XIV, ч. I, стр. 104.

[2] Ленин, „Уроки кризиса“ — „Правда“, № 39, от 23/IV, т. XIV, ч. I, стр. 107.

[3] „Известия“, № 48, от 23/IV 1917 г.

там уже не состоявший. Линде сам очень скоро сообщил [1], что действовал на свой страх и риск и не запросив никакой организации. Возбуждение же солдат было так велико, что постановление о мирной демонстрации вынесло соединенное заседание батальонного, ротных, командных и офицерских комитетов и через час после этого батальон при офицерах и батальонном командире был на улице. С 3 часов дня на площади Мариинского дворца оказались полки: Финляндский, Московский, Павловский, Кексгольмский, 2-й Флотский экипаж и другие части. Демонстранты, на знаменах которых главным лозунгом было: „Долой Милюкова", не производили никаких насилий, выслушивали командированных к ним членов Исполнительного Комитета (Скобелев, Чернов и др.) и расходились.

Солдатские выступления должны были привести в движение, заставить организоваться и выступить на улицу „не средние, а крайние элементы, не промежуточную мелкобуржуазную массу, а буржуазию и пролетариат" [2].

3. 20-ое апреля и большевики.

Большевистские коллективы и заводы были призваны 20 апреля к выступлению тогдашним секретарем Петербургского Комитета — Богдатьевым.

Тов. Троцкий изображает апрельское выступление так, что Ленин, взяв „левее", чем полагалось, проделал разведку; затем — снял лозунг немедленного низвержения Вр. Правительства, но снял на недели или на месяцы в зависимости от того, с какой скоростью будет наростать возмущение масс против соглашателей [3]. На самом деле позиция ЦК 20 марта была позицией Ленина, а, оценивая „уроки кризиса", Ленин говорил массам, чтобы они не давали сбить себя ни мелкобуржуазным соглашателям с капиталистами (оборонцам) ни одиночкам, склонным торопиться и раньше прочного сплочения большинства народа восклицать:

---

[1] См. его письмо в редакцию „Новой Жизни" от 23/IV 1917 г.
[2] Ленин, т. XIV, ч. I, стр. 107.
[3] „Уроки Октября" — „Сочинения", т. III, ч. I, стр. XXVII и XXVIII.

„Долой Вр. Правительство“ [1]. По т. Троцкому выходит, будто Ленин, увидевши или „разведав“, что масса еще неспособна свергнуть Вр. Правительство, снял лозунг немедленного свержения. Между тем Ленин: а) к немедленному свержению Вр. Правительства вообще не звал; б) без всякой „разведки“ знал, что масса неспособна еще свергнуть Вр. Правительство.

Когда Ленин предостерегал рабочих от „одиночек“, то он именно говорил о неверной линии Богдатьева и отдельных работников в большевистской организации в Ленинграде, которые смогли,—в силу того, что дисциплина и организованность оказались еще невысоки даже в такой организации, как Ленинградская,— безответственным образом: а) вызвать рабочих на улицу, б) выбросить лозунг свержения Вр. Правительства, в) против решения Исполнительной Комиссии Петербургского Комитета в ночь на 21 апреля напечатать соответствующий листок [2].

Постановлением ЦК Богдатьев был обвинен в дезорганизаторской деятельности [3].

Для уяснения же „левой“ позиции Богдатьева нужно иметь в виду, что на собрании ПК от 8 апреля 1917 г. он выступил как докладчик против тезисов Ленина [4], а на петроградской и всероссийской конференции большевиков заявлял, что „буржуазно-демократическая революция не закончилась“ и что „резолюция Каменева приемлема“. Именно полуанархические интеллигенты с самыми путанными взглядами („на очереди продолжение буржуазной революции“; лозунг „долой Вр. Правительство“ значит, что „мы должны правительство уничтожить частично“) [5] должны были отразить „справедливое негодование“ мелкобуржуазной массы „обманом“ Милюкова.

---

[1] Ленин, т. XIV, ч. I, стр. 109.

[2] „Протоколы апрельской конференции“, стр. 127.

[3] Заседание ПК от 10 мая 1917 г.— из выходящих в изд. Ленинградского Истпарта „Протоколов ПК в 1917 г.“.

[4] Заседание ПК от 8 апреля 1917 г. — Ленинградский Истпарт.

[5] См. речи Богдатьева на общегородской и всероссийской конференциях —„Протоколы“, стр. 13 и 60. Богдатьев впоследствии был судим за дезорганизаторскую деятельность в июльские дни и за работу в Ново-Деревенском районе уже после Октябрьской рево-

4. День 21 апреля 1917 года.

Исполнительная Комиссия ПК заседала всю ночь на 21 апреля, получала сообщения из районов о многочисленных митингах на заводах, на которых „высказывается очень большое недоверие Вр. Правительству“, и вынесла постановление устроить грандиозную демонстрацию [1].

Центральный Комитет большевиков 21 апреля постановил: а) партийные агитаторы и ораторы должны опровергать ложь буржуазных и поддерживающих газет, будто бы большевики грозят гражданской войной; б) пока капиталисты и правительство не могут и не смеют применять насилия над массами, бессмысленна всякая мысль о гражданской войне; в) чтобы узнать волю большинства населения в Петербурге, необходимо тотчас устроить народное голосование по всем районам Петербурга и окрестностей по вопросу об отношении к ноте правительства, поддержке той или иной партии, желательности того или иного правительства; г) рабочие и солдаты, признающие необходимость перемены глубоко ошибочной политики Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, должны переизбрать своих делегатов.

21 апреля на улицах Ленинграда оказалась уже не промежуточная, не „средняя сила“, а силы крайние: пролетариат и буржуазия.

Последняя, выступив вечером 20-го (ночная манифестация у Мариинского дворца и выступления Милюкова, Корнилова), н а ч а л а демонстрации 21 апреля. Разбрасывались и расклеивались прокламации кадетской партии; лидеры кадетов выступали на митингах и демонстрациях; Милюков выступал вместе с Гучковым. От ЦК кадетской партии нити шли через октябриста и одновременно военного министра Гучкова в штаб командующего Петроградским военным округом ген. Корнилова. Отсюда появились автомобили, юнкера, вооруженные

люции. Интересно, как подействовала нота Милюкова на ушедшего от большевиков, тоже „полуанархического интеллигента“ Базарова: „Так вы им скажите (правительству), что мы завтра же п о д н и м е м в о с с т а н и е“. См. Суханов, „Записки о революции“, кн. III, стр. 253.

[1] „Протоколы апрельской конференции“, стр. 125.

офицеры — вплоть до вызова Корниловым двух батарей [1]. Как была поставлена „техника“, видно из такого, напр., факта: на вызванном из комитета партии к.-д. грузовом автомобиле студенты едут в общежитие инвалидов, предлагают желающим поехать на заседание Государственной Думы и везут их на Невский для участия в демонстрации, где развертывают знамя, на котором написано: „Позор Ленину, наемнику кайзера“ [2].

Что касается настроения рабочих передовых заводов 21 апреля, то в этом отношении очень показательна речь на митинге завода Барановского, под председательством большевика т. Крайнева. Основные положения речи оратора были таковы: а) не для того мы делали революцию, чтобы отдать свои завоевания буржуазии; б) сегодня мы должны покинуть завод и со знаменами и лозунгами: „Долой буржуазию“, „Война войне“ выйти на улицу и потребовать смещения буржуазного правительства; в) мы с оружием в руках должны свергнуть наших врагов, если они добровольно не покинут министерства [3].

Если даже допустить возможную неточность передачи слов оратора, то по существу в апреле слышится октябрьская речь.

5. Отличительные черты апрельских демонстраций в Ленинграде.

Рабочие демонстрации с лозунгами: „Долой Временное Правительство“, „Да здравствует власть Советов“ начались с полудня, при чем очень скоро произошли столкновения рабочих демонстраций с организованными буржуазией шайками.

Твердо установлено [4], что, — хотя в рабочих манифестациях участвовали вооруженные отряды рабочей милиции, иначе Красной Гвардии, — рабочие первые

---

[1] „Правда“, № 39, от 23/IV 1917 г. Между прочим, артиллерийское училище не отправило батарей, потребовав подтверждения вызова со стороны Исполнит. Комитета Совета, и Корнилову пришлось отменить свой приказ.

[2] „Правда“, № 40, от 25/IV 1917 г., „Демонстрация 21 апреля“.

[3] М. Альто, „Долой 10 министров-капиталистов“ — сб. Ленинградского Истпарта „Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов“, стр. 13—16.

[4] См. „Известия“, № 48, от 23 апр. 1917 г., „Письма в редакцию“.

нигде не стреляли, а в тех случаях, когда Красная Гвардия была вынуждена обороняться, — залпы давались в воздух.

Второй чертой демонстраций 21 апреля является как лучшая организованность буржуазии, так и то, что нападение на рабочих (само собой в центре города) начинала именно буржуазия. Вследствие недостаточной организации, часть рабочих манифестаций не могла пробиться в центр города [1]. В одних случаях (Рождественский район) [2] выступали безоружными и поэтому легко разгонялись двумя-тремя белогвардейскими грузовиками с разным офицерским и студенческим сбродом. Иногда (1-й Городск. район) [3] по требованию тех же молодцов с автомобилей районная демонстрация отпускала по домам свою рабочую милицию и сама себя разоружала. Рабочие массы настолько еще вплотную не подошли к настоящей гражданской войне, что только этим можно объяснить невероятное нахальство буржуазии, когда кучка офицеров, студентов и гимназистов бросилась около Екатерининского канала на тысячную рабочую демонстрацию, открыла стрельбу, разорвала знамя и т. д. [4]. Огромная рабочая демонстрация в 10—12 тысяч человек была вечером на углу Садовой обстреляна белогвардейцами; после ответных залпов Красной Гвардии демонстрация уменьшилась до 2 000, т.-е. почти-что разбежалась [5]. Белогвардейские вооруженные группки умело рассекали демонстрации грузовиками, умели открывать провокационный огонь и не решались на нападение тогда, когда встречали действительно хорошо организованную рабочую демонстрацию: такою была, например, демонстрация рабочих и работниц Петроградской стороны, имевшая во главе офицера и солдата на конях, за ними

---

[1] „Протоколы всеросс. апр. конференции“, стр. 125.

[2] Письмо члена комитета Рождеств. р-на РСДРП — „Известия“, № 48, от 23 апр. 1917 г.

[3] Манифестация рабочих и солдат 1-го Городск. р-на—„Известия“, № 47, от 22/IV 1917 г.

[4] „Письмо в редакцию“ за подп. В. К. Р.—„Известия“, № 48, от 23/IV 1917 г.

[5] „Правда“, № 39, от 23 апр. 1917 г., „На улицах Петрограда 21 апреля“.

большой отряд Красной Гвардии с винтовками, в интервалах между отдельными колоннами также отряды Красной Гвардии. Эта манифестация, шедшая поздно вечером по Невскому точно держась одной стороны проспекта, слилась с нарвцами, шедшими в живой цепи, и дошла до Знаменской площади [1].

Третьей чертой 21 апреля было то, что воинские части в полном составе или отдельными организованными единицами не выступали. И, наконец, последней — первая кровь, первые жертвы, убитые и раненые рабочие и солдаты, погибшие от рук белогвардейских шаек.

Вечером 21 апреля общее собрание Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов постановило „выразить приветствие революционной демократии Петербурга, своими митингами, резолюциями, демонстрациями засвидетельствовавшей напряженное внимание к вопросам внешней политики и свою тревогу по поводу отклонения этой политики в старое русло захватного империализма". Одновременно было вынесено постановление — в течение двух дней демонстраций и митингов на улицах не производить и вооруженным на улице не появляться [2]. 22 апреля ЦК большевиков объявил, что решение Совета должно быть соблюдено всеми членами партии [3].

6. Апрельское движение в Москве.

События в Ленинграде сейчас же перекинулись в Москву, и рабочие, узнав содержание ноты Милюкова, стали бросать работу и устраивать демонстрации с лозунгами: „Долой Временное Правительство".

На заседании Исполнительного Комитета Московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов 21 апреля было доложено, что на Серпуховской площади идет митинг со знаменами „Долой Временное Правительство" и „Смерть изменникам". На ряде заводов бросили работу, в Бутырском районе рабочие призывают к уча-

[1] „Правда", № 39, от 23 апреля 1917 г., „На улицах Петрограда 21 апреля".
[2] „Известия", № 47, от 22 апр. 1917 г.
[3] „Правда", № 39, от 23 апр. 1917 г.

стию Александровские казармы, а в Пятницком участке демонстранты сняли милицию, заявили, что она — ставленница Временного Правительства, и забрали все оружие, находящееся в участке. Меньшевики и эс-эры Исполнительного Комитета немедля забили тревогу, большевики же (Смидович, Ногин) высказались в том смысле, что, если у народа протест накипел и он его так или иначе выражает, то Совет должен заявить: он не призывает пока сейчас к выступлению, но не призывает и к обратным шагам [1].

Вечером повсюду происходили митинги, на которых выяснилось общее положение дел, а на Тверской площади, излюбленном месте митингов, которые устраивала буржуазия, было особенно много народа: буржуазные ораторы нападали на неизвестных „самозванцев", засевших в Советах и пытающихся руководить судьбами России; рабочие приходили группами или заводами к Совету (находившемуся на Тверской площади), чтобы получить сведения и указания. Столкновений в день 21 апреля не было, но в рабочих районах царило боевое настроение [2].

22 апреля рабочие завода Михельсона решили протестовать против милюковской ноты и отправили делегацию к соседнему 55 полку, с которым держали такую крепкую спайку, что полк был окрещен Михельсоно-большевистским. Делегация без особого труда провела в полковом комитете решение выступать в полном вооружении; затем манифестация, состоявшая из рабочих завода Михельсона, оповещенных им заводов и 55 полка, отправилась к Совету со знаменами, на которых наскоро написали: „Долой Временное Правительство и Милюкова-Дарданелльского". Члены завкома большевики отправились в Московский Комитет сообщить, что район выступил во главе с воинскими частями в полном вооружении. В МК „сначала были несколько поражены", но затем постановили ехать навстречу району и приветствовать. Когда демонстрация подошла к Совету, то буржуазные контр-манифе-

---

[1] „Рабочее движение в 1917 г." (Центрархив), стр. 135—136.
[2] Е. Игнатов, „Московский Сов. Раб. Деп.", стр. 137—138.

станты пытались порвать знамена, но выступление Красной Гвардии, насчитывавшей более 100 человек и вооруженной маузерами, заставило „обывательщину бежать в разные стороны“. Кроме Замоскворецкого района выступали и другие, например Баумановский; у последнего вследствие более слабой организации буржуазным демонстрантам удалось порвать связи, поколотить нескольких рабочих-демонстрантов и т. д. [1].

Кроме Ленинграда и Москвы апрельское движение почти не откликнулось по России открытыми выступлениями.

7. ЦК (б) о задачах партии после апрельского выступления. Социал-соглашатели и их оценка апреля.

22 апреля ЦК большевиков вынес резолюцию, в которой говорил: а) мелкобуржуазная масса колебнулась сначала от капиталистов, возмущенная ими, к рабочим, а через день она снова пошла за меньшевистскими и народническими вождями, проводящими доверие к капиталистам и соглашательство с ними; б) лозунг „долой Временное Правительство“ потому неверен сейчас, что без прочного, т. е. сознательного большинства народа на стороне революционного пролетариата такой лозунг либо есть фраза, либо силою вещей сводится к попыткам авантюристического характера; в) лозунги момента: разъяснение пролетарской линии и пролетарского пути к окончанию войны; критика мелкобуржуазной политики, доверия и соглашательства; пропаганда и агитация от группы к группе, особенно среди самой отсталой массы; организация, организация и еще раз организация пролетариата на каждом заводе, в каждом районе, в каждом квартале [2].

---

[1] Н. Стрелков, „Завод Михельсона“, стр. 189—191 сб. „От Февраля к Октябрю“. Изд. „Н. Москва“, 1923 г. Позиция большевиков в связи с апрельским кризисом в Москве была доложена на вс. конференции так: МК выразил мнение, что „мы накануне гражданской войны“. Районам передали: быть готовыми к немедленному выступлению только по распоряжению Комитета. Когда демонстрации начались, было решено им не препятствовать и давить на колебавшийся Совет. После эксцессов (редких) было решено—отложить демонстрации до следующего дня. Распоряжения МК—выступать с плакатами „Долой Вр. Правительство“ не было. „Протоколы“, стр. 92.

[2] „Правда“, № 39, от 23 апр. 1917 г.

Порыв мелкобуржуазной солдатской массы выдохся уже 21 апреля, а колебание и шаткость нашли отражение сейчас же в верхушках. Если полковой комитет Финляндского полка, сам постановивший 20 апреля выступать, через несколько дней приговорил организатора выступления Линде к отправке на фронт; то Исполнительный Комитет Совета, в котором накануне число голосов против Временного Правительства доходило почти до половины, 34 голосами против 19 высказался 21 апреля за возврат к политике доверия к капиталистам и соглашательства с ними, признав совершенно никчемные разъяснения правительства „удовлетворительными". На самом деле разъяснялось только то, что „решительную победу" в милюковской ноте надо-де понимать в смысле декларации от 28 марта, а под „гарантиями прочного мира" подразумевалось ограничение вооружений, международные трибуналы и т. п.

„Известия" писали о „новом успехе демократии" и о том, что „правительство к счастью во-время поняло смысл грозных предзнаменований", во-время уступило, своим разъяснением уничтожило двусмысленности милюковской ноты и тем сняло с очереди дня лозунг „Долой Временное Правительство", который начал уже находить себе сторонников и таит призрак гражданской войны, способной погубить все славное дело революции [1].

Насчет того, что большевики призывали к гражданской войне и разжигали ее, писала вся „социалистическая" пресса—„День", „Единство", „Рабочая Газета", а последняя к тому же, после резолюции ЦК большевиков от 21 и 22 апреля, со злорадством отмечала, что большевики „испугались тех духов, которых вызвали сами", „бьют отбой" и т. д. Тов. Ленин на это ответил, что а) большевикам нечего бояться правды, б) кризис обнаружил недостатки большевистской организации, в) кризис обнаружил очень слабые попытки взять „чуточку полевее" ЦК, г) согласие в партии уже восстановляется и притом добровольное

[1] „Известия", № 47, от 22 апр. 1917 г., „Новый успех демократии"

сознательное и самое полное, д) линия партии подтверждается с каждым днем; для дружного проведения ее нужна организация пролетарских масс втрое лучше теперешней, способная действовать как один человек [1].

Апрельское движение обнаружило недостатки большевистской организации, и всероссийская апрельская конференция подтвердила это во всероссийском масштабе.

Но у апрельского движения, „помимо сути его", т. е. стихийного взрыва негодования мелкобуржуазной массы, почувствовавшей обман и колебнувшейся в сторону рабочих, а на другой день—в обратную сторону от рабочих,—в апрельском движении была еще одна огромной важности черта: „События 20 апреля, когда народ самостоятельно, без каких бы то ни было указок со стороны «диктаторов» или партий, выступил один против соглашательского правительства,—это явление уже показало тогда всю слабость и беспочвенность устоев буржуазии. Массы почуяли свою силу, и в угоду им началась... знаменитая министерская чехарда с целью обмана народа, который однако вскоре прозрел" [2].

XI. Положение большевистской партии в конце апреля 1917 года.

1. Численность партии.

Если сравнить численность большевистской партии в апреле 1917 г. с тем положением, которое было в годы войны, то на-лицо—громадное движение вперед. Численность организаций, представленных на всероссийской конференции, была такова:

Ленинград	около	14 600	чел.
Кронштадт	„	3 000	„
Гельсингфорс	„	3 000	„

---

[1] „Неумное злорадство"—„Правда", № 40, от 25 апр., 1917 г.—т. XIV, ч. 1, стр. 112—113.

[2] Ленин, „Речь о роспуске Учр. Собр. на заседании ВЦИК'а 6 янв. 1918 г."—т. XV, стр. 60.

Выборг	„	560	„
Петергоф	„	50	„
Московская губерния	„	7 000	„
Иваново-Вознесенск	свыше	3 500	„
Тула	„	300	„
Кострома	„	400	„
Сормово	„	2 000	„
Канавино	„	500	„
Самара	„	2 700	„
Саратов	около	1 000	„
Казань	„	400	„
Екатеринослав	„	1 500	„
Луганск	„	1 500	„
Макеевка	„	1 500	„
Урал	„	16 000	„
Тифлис	„	500	„
Екатеринодар	„	200	„ [1]

Всего на апрельской конференции было представлено 76 577 членов партии с реш. гол. и 2 627 с совещ., т.-е. 79 204 члена партии.

Таким образом, по сравнению с годами войны, Ленинградская организация выросла за два месяца революции в 15—16 раз, Иваново-Вознесенская — в 30 раз, Уральская — в 16 раз и т. д.

2. Централизация работы и связь организаций.

Прежние условия „ликвидации" большевистских организаций ушли в прошлое вместе с царизмом. Но это прошлое дало себя знать в том смысле, что на протяжении (для революции) длительного времени смогли воссоединиться наконец: эмиграция, ссылка и русские организации. Сил у партии было так еще немного, что в Ленинграде „приходилось эти силы склеивать и брать с бору да с сосенки ... В принципиальных вопросах и сами товарищи путались ... Лишь постепенно линия выравнялась". До приезда т. Ленина в Ленинграде „для идейного руководства еще не было достаточно силы" [2].

Централизация работы и связь организаций друг с другом далеко подвинулись по сравнению с предреволюционным временем; создался ряд областных

---

[1] См. „Протоколы всер. конференции"—„Доклады с мест".

[2] „Протоколы всеросс. конференции", стр. 125. Докл. т. Шмидта.

объединений, и были проведены областные конференции: Центрально-Промышленного района, Урала; в середине апреля создалось организационное бюро по созыву областного партийного совещания Юго-Западного края и произошла конференция четырех губерний Киевского округа [1]. Однако, до приезда т. Ленина и сформирования ЦК из двух его частей (заграничное бюро и русское бюро) почти не приходится говорить о централизованном руководстве: примерами могут служить то, что из писем т. Ленина в Россию дошло только одно, или что Киевский комитет еще в апреле, не имея никаких директив, не имел и принципиальной линии. Разноголосица была весьма большая, и на Урале, например, существовало „особое мнение о целесообразности конфискации земли“, а областная конференция даже не решала этого вопроса [2]. Отсутствие центрального руководства сказалось и на организационном строении партии на местах.

3. Организационное строение партии.

Прежде всего, во многих еще местах существовали, вопреки основным положениям т. Ленина, объединенные организации. В Туле такая организация провалила платформу т. Ленина и не послала представителя на всероссийскую конференцию; только начала создаваться самостоятельная большевистская организация. В Костроме большевики совместно работают с меньшевиками; попытки к объединению наблюдались на Поволжьи [3]. На областной уральской конференции было 57 большевиков и 6 меньшевиков, из которых — 3 заведомые оборонцы [4]. На Кавказе — объединенные организации в Тифлисе, „объединенческое настроение“ в Баку [5]; объединенные организации были и на Украине — в ряде городов и пунктов [6].

---

[1] Е. Бош, „Год борьбы“, стр. 20—21.
[2] „Протоколы всеросс. конференции“, стр. 85. Докл. т. Свердлова.
[3] „Протоколы всеросс. конференции“, стр. 94 и 95. Доклады Поволжья и Центрально-Промышл. района.
[4] „Протоколы“, стр. 84.
[5] „Протоколы“, стр. 97 — 98. Доклад делегата от Кавказа.
[6] См. у нас гл. VI, п. 4, стр. 73.

О единообразии в строении организации на местах можно говорить в том смысле, что ленинский § 1 устава клался в основу и в Ленинграде, и в Москве, и в Саратове[1], и в других местах. Затем наблюдается проведение демократического централизма, перегиб в сторону „демократии“ и недостаточно проведенное централистическое руководство. В Москве районный комитет—только „исполнительный орган“ (а не руководящий) районного собрания[2]. В апрельские дни район выступает и „ставит об этом в известность“ Московский Комитет[3]. На петроградской общегородской конференции говорится о том, что „ПК должен координировать (т.-е. только согласовать) свои действия с ЦК“; предложение предоставить ЦК, а не ПК руководство политическими событиями рассматривается как „оскорбление ПК, выражение ему недоверия“[4].

4. Печать, партийные средства, работники.

В Ленинграде — „Правда“, „Солдатская Правда“, начавшая выходить во вторую половину апреля; в Кронштадте — „Голос Правды“; в Москве—„Социал-Демократ“, с тиражом в 60 000; в Гельсингфорсе—„Волна“; на Урале, в Уфе—„Вперед“, вначале невыдержанный в партийном отношении; в Екатеринодаре—„Кубанская Правда“; в Киеве — „Голос Социал-Демократа“; кроме того газеты—в Воронеже, Саратове, Самаре и Казани (тираж на Поволжьи от 8 до 15 тысяч, в Воронеже 3 000); выходили газеты и там, где существовали объединенные комитеты: „Южный Рабочий“ в Одессе, „Кавказский Рабочий“ в Тифлисе и др.[5]. По сравнению с довоенным временем — само собою гигантский шаг вперед. По сравнению с тиражом печати буржуазии и мелкобуржуазных партий—совсем недостаточно. Здесь вопрос упирался, прежде всего, в денежные средства. 13 апреля ЦК, ПК, редакция „Правды“,

---

[1] „Протоколы“, стр. 23 — 24, 92; Антонов-Саратовский, „Под стягом пролетарской борьбы“, стр. 110.

[2] „Протоколы“, стр. 92.

[3] См. у нас гл. X, п. 6, стр. 129.

[4] „Протоколы“, стр. 39. Выступление Богдатьева и т. Рахия.

[5] См. „Протоколы“, доклады с мест, и „Правда“, № 21, от 30/III 1917 г., „Партийные органы“.

хозяйственный комитет при ЦК, издательство „Прибой“ при ЦК — обращались с призывом к рабочим собрать в 5 дней 75 000 рублей на покупку типографии, ибо приходилось удовлетворять спрос только наполовину, нельзя было напечатать ряд готовых брошюр, листовок, сборников, книг, увеличить формат „Правды“, поставить маленькую популярную газету „Рабочий и Солдат“ [1]. Распространение Центрального Органа было поставлено весьма плохо, и в Донбассе, например, не было никаких газет и не попадала „Правда“ [2].

Партийные средства — были невелики, что видно уже из сказанного о положении печати. В Ленинграде ко всероссийской конференции в кассе ПК было 5 000 рублей, в Москве — 8 000 руб. Средства составлялись как на основе сторонних поступлений (доход от лекций, взносов со стороны, продажи литературы и т. д.), так и от отчислений от районов, при чем в Ленинграде в ПК отчислялось 25% (члены партии платили вступительный взнос 50 коп. и отчисления в размере ½%), в Москве 75% (партийный взнос 30 коп. в месяц, а что свыше—зачислялось в пожертвования), но районы к концу апреля ничего еще не дали.

Количество партийных работников само собой выросло по сравнению с предреволюционными годами, но были лишь слабые попытки к централизованному их распределению,—и в одном месте, как например в Саратове, скоплялось большое количество сил [3], а в других местах, напр. в Донбассе, до приезда туда ряда товарищей из ссылки — сидели почти без работников. Кроме того, после революции в партию вернулось много работников из партийных интеллигентов, перед этим на более долгий или короткий срок отошедших от нелегальной работы; в Ленинграде в состав Петербургского Комитета входил, например, Б. Авилов [4], присутствовал на заседа-

---

[1] „Правда“, № 31, от 31 апр. 1917 г.

[2] „Протоколы“, стр. 97.

[3] Антонов-Саратовский, „Под стягом пролет. борьбы“, стр. 106—114.

[4] Авилов, будучи членом ЦК, ухитрился в начале марта написать в „Известиях“ статью о необходимости вхождения социалистов в правительство. См. Суханов, „Записки о революции“, кн. 1.

ниях — Базаров; такая же картина была в Москве (группа „старых большевиков“) [1] и в других местах. Все эти элементы составили крайнее правое крыло, в партии особого значения не игравшее; постепенно одни либо отошли, как напр. Базаров и Авилов, „старые большевики“ на Совещании Советов и т. д.; другие переваривались в партии. Но тот или другой результат от настроения „правых“ и их работы,—тем более, что почти всегда „правые“ принадлежали к квалифицированной интеллигенции, могущей писать, выступать, вести пропаганду и т. д.,—сказывался, особенно в провинции.

5. Партия—рабочий класс—солдатская масса—работа в деревне.

Партия и рабочий класс. Большевистское влияние на рабочие массы росло, но еще вовсе нельзя говорить о том, что за большевиками идет по России большинство рабочего класса. Одерживаются первые крупные успехи в Ленинграде и в Москве; эти успехи в революционное время означали возможность в недели завоевать рабочий класс. В Ленинграде большевики оказались в большинстве в Советах трех районов: Выборгском, Василеостровском и Нарвском (путем перевыборов); по инициативе большевиков организовалось Центральное Бюро профессиональных союзов, и большевики „надеялись взять профессиональное движение в свои руки“ [2]. В Москве, в связи с достигнутыми успехами кампании против „займа свободы“, удалось провести перевыборы некоторых районных Советов; в Центральном Бюро профессиональных союзов, объединяющем 38 союзов, преобладает большевистская точка зрения [3]. В Центральном Промышленном районе сильно влияние большевиков в Иваново-Вознесенске и в районе вокруг него; сочувствует рабочая масса в общем большевикам в Брянском районе. Профессиональные союзы только начали организовываться. В Поволжьи главенствующую роль в городах начинают играть большевики; в Донбассе и на Урале большевистское

[1] См. у нас гл. VIII, п. 7, стр. 105.
[2] „Протоколы всеросс. конференции“, стр. 125.
[3] „Протоколы всеросс. конференции“, стр. 93.

влияние усиливается в связи с проведением рабочими контроля над производством; Луганск фактически в руках рабочих, которые идут за большевиками, в руках большевиков — профессиональные союзы. В Баку—преобладание большевиков в Совете, но еще сильное влияние меньшевиков и мелкобуржуазных национальных партий. Сильное меньшевистское влияние выделяется в таких местах, как Сормово, Тула, Кавказ — особенно Тифлис [1].

Партия и солдатская масса. В Ленинграде партия наметила широкую работу среди войск и выбрала специальную комиссию, развернувшую работу очень удачно. Очень скоро военная организация насчитывала активных работников, „готовых на все" — до 200. В апреле одна за другой появились ячейки в Павловском, Преображенском, Егерском, Измайловском, Петроградском, 180, Финдляндском, Московском, 1-ом Пулеметном, Гренадерском полках, а тираж „Солдатской Правды" определился в 50 000 [2]. В Москве „военное бюро" организовывало сначала кружки, а затем произвело выборы от наиболее крупных и крепких организаций в военную организацию, существовавшую на правах района и насчитывавшую 200 членов. В ротных и полковых комитетах преобладают большевики; существует связь с рыбинской и иваново-вознесенской военными организациями и организация на фронте в 70 чел. [3].

Если в Ленинграде и Москве дела обстояли настолько нехудо, что к концу апреля в Ленинграде было около 6 000 членов военной организации, а под ее влиянием около половины гарнизона [4], были сильные военные организации в районе Кронштадта, Гельсингфорса, Выборга и Северо - Западного фронта (латышские части), — то на Урале не было военных организаций [5];

---

[1] См. „Протоколы всеросс. конференций", „Доклады с мест".
[2] Н. Подвойский, „Военная организация" — „Кр. Лет.", № 6, стр. 71 — 73.
[3] „Протоколы всеросс. конференции", стр. 93 — 94.
[4] Н. Подвойский, „Доклад на VI съезде" — „Протоколы VI съезда", стр. 56.
[5] „Протоколы всеросс. конференции", стр. 84.

не было связи с Западным фронтом [1]; на Кавказе при огромном скоплении войск большевики удачно повели работу в частях, но были еще сами слабы; плохо обстояло дело также на Румынском фронте [2].

Партия и работа в деревне. Работа в деревне развернулась еще крайне слабо. В Ленинграде не удалось закрепить работы среди крестьян из-за недостатка сил, и „умолкли те крестьянские комитеты, которые прислали сначала представителей“ [3]. В Московской губернии крестьянские комитеты на местах образовываются и эс-эрами и большевиками; крестьянский съезд в Москве был создан не по инициативе партий, однако крестьяне высказывались за немедленный захват земли [4]. В Центрально-Промышленном районе работа среди крестьян велась там, где были фабрики: в Иваново-Вознесенском районе рабочие выступают на крестьянских съездах, а на шуйском съезде был выбран даже (не совсем сознательно) делегат на всероссийскую конференцию [5]. В Поволжьи огромное влияние в деревнях имеют эс-эры — их газеты расходятся в 25 000 экз., а у большевиков всего 9 000. На Урале понемногу начинается среди крестьян объездная работа. В ряде мест вспыхивает стихийное крестьянское движение за конфискацию земель, орудий и скота, — но большевистские организации только в зародыше.

6. Партия и „приводы к массам“.

По сравнению с предреволюционным временем приводы выросли в огромных размерах. Партия получила возможность массовой агитации и пропаганды и открытой печати. Печати было далеко еще недостаточно, большевистскую печать травили; затруднялись, особенно в казармах и на фронте, выступления большевиков и проникновение большевистских изданий. Однако дело двинулось вперед гигантскими шагами.

---

[1] „Протоколы VI съезда“, стр. 62.
[2] Там же, стр. 75.
[3] „Протоколы всеросс. конференции“, стр. 126.
[4] Там же, стр. 90—91.
[5] Там же, стр. 95.

То же было и с массовыми организациями рабочего класса и крестьянства.

Советы охватывали широчайшие народные массы. Правда, Советы были в руках социал-соглашателей, но первые успехи уже одерживались партией [1], фракции в Советах росли. И в Москве и в Ленинграде большевики собрали в голосовании против „займа свободы" свыше 100 голосов [2]. В самих Исполнительных Комитетах представительство большевиков было еще ничтожное — в Ленинграде всего 4 голоса. Были и ошибки: так большевики в ИК ничего не предприняли, когда соглашатели поставили вопрос об „отработке" первомайского праздника. Были разногласия между партийной организацией и фракцией большевиков в Совете, напр. в Москве, где поднимался вопрос о том, какая дисциплина выше — партийная или советская; партийная же организация не имела с фракцией непосредственной связи [3]. Но, так или иначе, влияние большевиков в Советах росло и распространялось на солдатскую секцию Совета или на солдатские Советы, когда они существовали отдельно: так в Совете Солдатских Депутатов Москвы образовалась социал-демократическая фракция, где большинство принадлежало большевикам.

Кроме Советов выросли профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты, большевистские фракции (еще очень незначительные) в городских думах или в муниципалитетах, большевистские ядра в рабочей милиции — Красной Гвардии [4]. Подъем массового движения — с одной стороны, выросшие старые приводы и образовавшиеся новые — с другой, требовали от партии не только усиления работы, но и сплоченности, централизованного руководства, организованности, как говорил тов. Ленин, втрое лучше, — чтобы от крепкой организации района, квартала, завода, роты, организации, способной действовать как один человек, „шли прямые

---

[1] См. выше, п. 5.

[2] В Москве — 128 и в Ленинграде — 112.

[3] „Протоколы всеросс. конференции", стр. 91.

[4] См. у нас также гл. VII, пп. 7 и 8, стр. 90—95.

нити к ЦК и нити настолько крепкие, ежедневно, ежечасно укрепляемые и проверяемые, чтобы враг не мог нас застать врасплох“ [1].

XII. Всероссийская апрельская конференция большевиков 24—29 апреля 1917 г.

1. О борьбе „двух течений“ в свете голосования резолюций.

Апрельская конференция была в печати однажды изложена „как борьба двух течений“: одно — завоевание власти во имя социалистического переворота; другое — „помощь (кому-то) завершить демократическую революцию“. Вопрос в партии стал так: либо руководство пролетарской революцией, либо оппозиционная роль в буржуазном парламенте. „Совершенно очевидно, что эта вторая позиция была по существу меньшевистской...“.

Объяснение превращения большевиков состоит в том, что „революция произвела политические сдвиги в двух направлениях... Меньшевики с формально-социалистической позиции переходят на вульгарно-демократическую; правое крыло большевиков сдвигается на формально-социалистическую, т. е. вчерашнюю меньшевистскую позицию“ [2].

Голосование резолюций на всероссийской апрельской конференции дало такие результаты:

РЕЗОЛЮЦИИ.	За.	Против.	Воздерж.
1. О войне	все	—	7
2. О Временном Правительстве	все	3	8
3. По аграрному вопросу	все	—	11
4. О предложении Боргбьерга	140	—	8
5. О коалиционном министерстве	все	—	8
6. По национальному вопросу	56	16	18
7. Об объединении интернационалистов	все	—	10
8. Об Интернационале	все	1	—
9. О текущем моменте	71	—	8 [3]
10. О Советах	все	—	3

[1] Ленин, „Правда“, № 40, от 25/IV 1917 г. — т. XIV, ч. I, стр. 13.
[2] Л. Троцкий, „Уроки Октября“, т. III, ч. I, стр. XXVIII и XXX.
[3] Относительно принятия этой резолюции: а) в „Правда“ № 46 от 15/2 мая указано: принято единогласно — 58 при 8 воздер-

Из результатов голосований заключить о существовании на конференции сплоченной правой группы или течения—нельзя, ибо наибольшее количество голосов против вызвал вопрос само собою важный, но во всяком случае меньшего масштаба, чем коренные вопросы: о войне, о Временном Правительстве и аграрный. Принятие резолюций по ним предрешило очень скорое, почти без поправок, принятие и резолюции о текущем моменте—в самом конце конференции.

2. Дискуссия т. Каменева с т. Лениным до конференции.

Правая точка зрения, которую т. Троцкий изображает, как целое правое течение внутри большевистской партии, наиболее ярко была представлена т. Каменевым.

До конференции т. Каменев выразил свое отношение к тезисам Ленина так: общая схема т. Ленина неприемлема, ибо: а) исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной; б) рассчитана на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую; в) если бы партия приняла тезисы т. Ленина, то превратилась бы из партии революционных масс пролетариата в группу пропагандистов-коммунистов [1].

Перед всероссийской конференцией т. Ленин разобрал эти взгляды т. Каменева в особой брошюре: „Письма о тактике“.

а) О законченности буржуазно-демократической революции. Ставить теперь вопрос только так—закончена ли буржуазно-демократиче-

---

жавшихся; б) в „Протоколах“ стр. 149: принято 71 за, воздержавшихся 8; в) в приложении к „Протоколам“: „принято 71—39, воздержавшихся—8“. Последнее указание, если 39 понимать как голосовавших против, совершенно неверно и опровергается: а) указанными выше справками; б) количество 118 вообще не было на вечернем заседании 29 апреля: в голосовании при выборах ЦК участвовало 109 чел.; после перерыва по докладу т. Сталина осталось уже 90, а резолюция о текущем моменте принималась после возобновления заседания в 1 ч. ночи — последней и не вызвала никаких прений.

[1] „Правда“, № 27 от 8/IV 1917 г., „Наши разногласия“. Более подробное изложение взглядов в ст. „О тезисах Ленина“ („Правда“ № 30, от 12/IV 1917)—повторено было на всероссийской конференции в содокладе по текущему моменту.

ская революция—значит: во-первых, не понимать чрезвычайно сложной действительности, которая показала и переход власти к буржуазии и существование, рядом с правительством, другого (Советы), представляющего „революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства“ и добровольно уступившего власть буржуазии; во-вторых, при осуществившейся уже „революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства“, сдавшей добровольно власть буржуазии,—говорить о незаконченности буржуазно-демократической революции, т.-е. представлять себе, что возможен еще следующий этап революции, как особая „революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства“, оторванная от буржуазного правительства,—значит на практике сдаваться беспомощно на милость мелкой буржуазии, принимать на себя нечто вроде гарантии за то, что мелкая буржуазия наверное способна на независимость от буржуазии. Пролетариат надо учить не тому, что мелкая буржуазия наверное осуществит вместе с рабочим классом оторванную от буржуазии пролетарскую диктатуру, и выдавать таким образом рабочий класс на милость мелкой буржуазии, а, наоборот, решительно отделять пролетарские коммунистические элементы движения от мелкобуржуазных, ибо только пролетарская классовая борьба, свободная от робости мелких буржуа, может сделать почву такой горячей под ногами мелкой буржуазии, что ей при известных условиях придется взять власть. Только немедленное и бесповоротное отделение пролетарских элементов Советов от мелкобуржуазных правильно выражает интересы движения на оба возможных случая: если Россия переживет еще особую самостоятельную неподчиненную буржуазии „диктатуру пролетариата и крестьянства“, и на случай, если мелкая буржуазия не сумеет оторваться от буржуазии.

б) О немедленном перерождении буржуазно-демократической революции в социалистическую. Тов. Ленин указал, что, во-первых, он прямо предостерегает от введения социализма, как непосредственной задачи; во-вторых, ввести

в России даже государство, организованное по типу Парижской Коммуны, нельзя немедленно, ибо для этого необходимо завоевание партией большинства Советов; в-третьих, действительная суть Парижской Коммуны— не в введении социализма, как обычно думают буржуа, а в создании особого типа государства; в-четвертых, Каменев не вдумался в факт, что в России такое государство в зачаточной форме уже родилось (Советы) и что вопрос здесь не „в немедленном перерождении буржуазной революции в социалистическую“, а в том, что Советы скорее и лучше проведут самостоятельность массы народа в жизнь, чем парламентарная республика, прочнее и вернее решат, как можно сделать и какие можно сделать шаги к социализму, шаги неизбежные вследствие голода, расстройства хозяйства, грозящего краха, ужасов войны.

в) О массовой партии и группе пропагандистов. Неправильно противополагать массы партии, особенно когда массы поддались угару „революционного оборончества“. Долг интернационалиста в этом случае — противостать, быть в меньшинстве для высвобождения пролетарской линии из массового оборонческого мелкобуржуазного угара [1].

3. Ошибочность позиции т. Каменева на конференции.

В своем содокладе на всероссийской апрельской конференции тов. Каменев подчеркнул, что буржуазно-демократическая революция не закончилась, ибо, во-первых, помещичье землевладение еще не ликвидировано, и, во-вторых, государство не преобразовано в демократическое общество. Раз буржуазно-демократическая революция не закончилась, то буржуазная демократия не исчерпала все свои возможности. Советы суть блок мелкобуржуазных и пролетарских сил, перед которыми стоят еще незаконченные буржуазно-демократические задачи. Если бы буржуазная революция уже изжила себя, то должен был бы наступить момент разрыва блока пролетариата с мелкой буржуазией.

---

[1] Ленин, „Письма о тактике“—т. XIV, ч. 1, стр. 26–37.

Перед пролетариатом стояли бы задачи социалистической революции, и ему уже не могла бы помочь „ни одна из общественных групп“. Если этого нет, то надо с блоком работать, поддерживать его, строить тактику в расчете на то, чтобы не разорвать блока, ибо „столкновение буржуазии со всей революционной демократией неизбежно“.

До момента кризиса и столкновения империалистического правительства с мелкобуржуазным блоком, у партии должна быть не только работа „разъяснения массам“. Нужны конкретные и активные шаги, при помощи которых массы уразумели бы своим практическим опытом целый ряд определенных отношений к Временному Правительству. Эти отношения сводятся к контролю над правительством. Контроль есть этап к переходу власти, политическое требование, которое действительно ведет вперед, в то время как—при ограничении задач партии „разъяснением“ — „мы остаемся без политической работы... теоретиками, пропагандистами“ [1].

Ошибочность положений т. Каменева была вскрыта и на конференции в выступлении ряда ораторов (отчасти — т. Милютин; тт. Сталин, Зиновьев) и в заключительном слове т. Ленина [2]. После проверки „дискуссии“ апреля 1917 г. опытом, когда „пропагандистская“ линия т. Ленина оказалась единственно правильной, совершенно ясны и ошибки т. Каменева.

Они сводились к следующему: а) непонимание ленинской теории перерастания демократической революции в социалистическую; б) разделение двух революций: сначала доделывается буржуазная революция, а потом начинается социалистическая революция [3]; в) уверенность, что социалистическую революцию пролетариат совершает один — против всего прочего населения. Ленинская постановка вопроса обеспечивает про-

---

[1] Содоклад Каменева и заключительное слово — см. „Протоколы всеросс. конференции“, стр. 52—58 и 73—75.

[2] „Протоколы всеросс. конференции“, стр. 58, 67—68 и 69—70.

[3] Здесь у т. Каменева полное совпадение с построением т. Троцкого (см. у нас гл. IX, п. 2), так что не т. Троцкому было упрекать т. Каменева в „правых“ уклонах и т. д.

летариату победу, ибо пролетариат становится вождем большинства населения,—каменевская ставит пролетариат против мелкобуржуазных масс деревни и городов; г) такое „левое“ построение по отношению к будущей революции сменяется оппортунистическим по отношению к разбору классовых сил в настоящей революции: неверно рисуется способность мелкой буржуазии к самостоятельной от буржуазии диктатуре, неизбежность столкновения мелкой буржуазии с империалистической буржуазией, в то время когда в действительности в течение ближайших месяцев после апреля дело повернулось наоборот. В апреле линия т. Каменева действительно „выдавала пролетариат на милость мелкой буржуазии“ и затемняла сознание пролетариата.

4. Отдельные ошибки. „Левый“ уклон в национальном вопросе.

Точка зрения т. Каменева собрала на конференции единицы, что совершенно не исключает ни других ошибочных выступлений на конференции ни того, что вокруг резолюций шла борьба.

Ошибочными были выступления москвичей, которые также имели в своей резолюции пункт о контроле над правительством [1]. Контроль этот москвичи понимали иначе, чем т. Каменев, и сводили его к контролю масс, через заявления, демонстрации и т. д. [2]. Контроль рассматривался, как борьба извне, объединяемая с борьбой внутри Советов, и как необходимый этап на пути захвата всей государственной власти организованными массами пролетариата и крестьянской бедноты. Неправильность этой точки зрения заключалась в том, что суть контроля вообще сводится не к массовым выступлениям, демонстрациям и самочинным действиям, которые были и в резолюции т. Ленина, а к соглашению. Контроль, какой бы он ни был, предполагает соглашение контролирующего с контролируемым [3].

Ошибочны были выступления тт. Смидовича и Ногина [4].

---

[1] См. резолюцию — „Протоколы“, стр. 45.
[2] Выступление т. Бубнова — „Протоколы“, стр. 62.
[3] Речь т. Сталина — „Протоколы“, стр. 67.
[4] „Протоколы“, стр. 59—60 и 68—69.

Первый заявлял, что вследствие принятия ленинской линии большевики не увеличили своего влияния в Советах, наоборот — потеряли и „не подготовили Совет к тому, чтобы революционная демократия признала выгодным переход власти к Советам“; второй высказал мнение, что „наиболее важные функции в Советах постепенно отмирают“. Неправильна была мысль т. Рыкова о том, что нельзя рассчитывать на поддержку масс, выкидывая лозунг пролетарской революции в самой мелкобуржуазной стране в Европе, и что толчок к социальной революции должен быть дан с Запада [1].

Пункт, по которому на конференции набралось всего больше голосовавших против, — национальный вопрос, — показал в прениях, развернувшихся по докладу т. Сталина, и в „проекте резолюции“, внесенной т. Пятаковым [2], что „левая“ точка зрения при решении национального вопроса (развитая еще в предреволюционной дискуссии в годы войны) страдает основными ошибками сверх-левых учений: а) исходит из неверного разбора соотношения классовых сил и задач пролетариата в завоевании на свою сторону большинства трудящихся и б) в практической политике скатывается к мелкой буржуазии.

Проект резолюции т. Пятакова отвергал „в принципе раздробление крупных государственных образований на мелкие национальные государства“: образование национальных государств в обстановке империалистической эпохи, т. е. эпохи кануна социалистической революции, есть вредная и реакционная утопия [3].

Принятая большинством резолюция совершенно правильно указывала, что „за всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства“, ибо „отрицание такого права и непринятие мер, гарантирующих его практическую осуществимость, равносильно поддержке политики захватов или аннексий“. Резолюция прибавляла, что вопрос о праве наций на

---

[1] „Протоколы“, стр. 71—72.
[2] Речь т. Пятакова — „Протоколы“, стр. 132—133.
[3] „Протоколы“, стр. 169—171.

свободное отделение „непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или другой нации в тот или иной момент“ и этот вопрос партия решает в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы [1].

Левый проект т. Пятакова, поддержанный поляками, которые в борьбе „против бешеного больного национализма“ перегнули палку в решении национального вопроса, ослаблял влияние русского пролетариата не только среди угнетенных при царизме мелкобуржуазных масс города и деревни в Польше, Украине и т. д., но также и среди рабочих масс, шедших еще в большинстве на мелкобуржуазном поводу. Надо было *делом* доказать этим массам, *как* ставит вопрос о самоопределении наций русский пролетариат, чтобы добиться затем добровольного присоединения прежде угнетенных великорусским царизмом наций к новому Советскому Государству.

Практически же левый проект т. Пятакова помогал мелкобуржуазным и буржуазным партиям Польши, Украины и т. д. *натравливать* свои народные массы на русскую революцию, а в России совпадал с линией социал-соглашателей, уже тогда начинавших защищать „великодержавные“ права России и возмущаться „сепаратизмом“ Финляндии, Украины, Польши и т. п.

5. Основные решения апрельской конференции.

На протяжении 20 с лишним лет лучшие элементы большевизма создали только *элементы* массовой Коммунистической Партии. Партия развернулась с первыми днями революции и построилась изумительно быстро в какие-нибудь два месяца. Если бы в партии было действительно *сильное* правое крыло, со стремлением к меньшевистским позициям, то дело обернулось бы совершенно иначе чем это *показала* всероссийская апрельская конференция. А эта конференция *подавляющим большинством* наметила основную партийную линию

[1] „Протоколы“, стр. 163—164.

в самых коренных вопросах, стоявших перед большевистской партией.

Если свести постановления всероссийской конференции в апреле к этим вопросам, то видно, как проведена всюду ленинская точка зрения.

а) Условия планомерного развития международной революции Конференция определила так: условия социалистической революции развиваются с громадной быстротой; единодушные революционные действия рабочих разных стран одни только в состоянии гарантировать наиболее планомерное развитие и возможно наиболее верный успех всемирной социалистической революции [1].

б) Но тут же взаимоотношения между русской революцией и международной конференция обозначила следующими положениями: взятие рабочим классом в России государственной власти, проведение им ряда мер, подрывающих экономическое господство капиталистов, полное политическое их обезвреживание, предложение демократического мира всем народам — создали бы полное доверие рабочих воюющих стран друг другу и неизбежно привели бы к восстаниям пролетариата против своих правительств в случае их несогласия на мир [2]. Если же начинающаяся в Европе пролетарская революция не окажет на Россию своего непосредственного могучего влияния, — судьба и исход русской революции зависит от того, удастся ли городскому пролетариату повести за собою сельский пролетариат и присоединить к нему массу полупролетариев деревни, или эта масса пойдет за крестьянской буржуазией, тяготеющей к контр-революции [3].

в) По вопросу о том, какова природа русской революции 1917 г., апрельская конференция вынесла такое решение: в отсталой России среди мелкобуржуазного крестьянского населения пролетариат не может задаваться целью немедленного социалистиче-

---

[1] Резолюция „О текущем моменте".
[2] Резолюция „О войне".
[3] Резолюция „Об аграрном вопросе".

ского преобразования. Но прямым переходом на сторону буржуазии был бы отказ пролетариата в деле разъяснения народу необходимости ряда практически назревших шагов к социализму: национализация земли, установление государственного контроля над банками, страховыми учреждениями и крупнейшими синдикатами капиталистов, объединение банков в единый центральный банк, переход к более справедливому прогрессивному обложению доходов и имуществ, осуществление Советами всеобщей трудовой повинности [1].

г) Подготовка второго этапа русской революции была обозначена на конференции так: а) длительная подготовка по прояснению пролетарского классового сознания и сплочению пролетариев города и деревни против колебаний мелкой буржуазии; б) работа внутри Советов, укрепление их силы, т.-е. сплочение внутри них интернационалистских пролетарских групп, перевыборы Советов; в) самочинные действия на местах (осуществление свобод, смещение контрреволюционных властей, контроль над производством и т. д.) для немедленного закрепления и расширения завоеваний революции; сами действия возможны лишь при условии завоевания прочного большинства местного населения; г) поскольку буржуазия уже в апрельские дни 1917 г. сделала попытку перейти к расстрелу рабочих — организация вооружения пролетариата, теснейший союз с революционной армией, разрыв с политикой доверия Временному Правительству [2].

Второй этап русской революции конференция определила так: второй этап русской революции должен передать всю государственную власть в руки Советов или других органов, выражающих волю большинства народа (органы местного самоуправления, Учредит. Собрание и т. п.); создание демократической пролетарско-крестьянской республики [3].

---

[1] Резолюции: „О текущем моменте“, „Об аграрном вопросе“, „О Советах“.

[2] Резолюции: „Об отношении к Вр. Правительству“, „О Советах“, „О текущем моменте“, „Об аграрном вопросе“.

[3] Резолюции: „О Советах“, „Об отношении к Вр. Правит.“, „О пересмотре партийной программы“.

В этих решениях апрельской конференции видно, как т. Ленин шел на некоторые уступки: но „самочинные действия“ рассматриваются не в смысле того контроля масс, о котором говорила московская резолюция, а сами действия ограничиваются условием завоевания прочного большинства местного населения. Рядом с Советами появляются и другие организации — вплоть до Учредительного Собрания. Но есть прибавка: „если бы они, действительно, оказались способными выразить волю большинства народа“. На конференции Петроградской организации большевиков, предшествовавшей всероссийской, тов. Ленин указал, что „требовать“ созыва Учредительного Собрания дело эс-эров. „Учредительное Собрание не задушит революции, потому что о нем сейчас не слышно и никто его не собирается созывать“ [1]. Вставка Учредительного Собрания в резолюцию о втором этапе,— точно так же как и других органов, — рядом с Советами никаким образом не связывала руки партии, ибо задачей оставалось создание демократической пролетарско-крестьянской республики, что̀ вместе с суммой переходных мер к социализму, организацией и вооружением пролетариата и т. д. давало новый тип государства, который выдвигал т. Ленин [2].

6. Оформление массовой Коммунистической Партии.

Всероссийская апрельская конференция большевиков в своих резолюциях о положении в Интернационале и о созыве конференции всех социалистов для обсуждения вопроса о мире заявила о том, что партия, не идя ни на какие переговоры и ни на какие конференции социалистов II Интернационала, временно остается в Циммервальде, который в некоторых странах начал уже становиться тормозом для революционного движения. Партия должна поставить перед собой задачу взять на себя инициативу по созданию III Интернационала,

[1] „Протоколы всеросс. конференции“, стр. 16—17.

[2] В резолюции о пересмотре парт. программы прямо говорилось о требовании „не буржуазно-парламентской республики, а демократической пролетарско-крестьянской, т.-е. типа государства без полиции, без постоянной армии, без привилегированного чиновничества“.

окончательно разрывающего с оборонцами „и решительно борющегося также против промежуточной политики «центра»“.

Конференция приняла постановление о пересмотре партийной программы в смысле предложений т. Ленина и в резолюции „о коалиционном правительстве“ (как раз в то время шли переговоры эс-эров и меньшевиков с буржуазией об изжитии послеапрельского „кризиса власти“ вхождением социалистов в правительство) заявила: „Всякий, кто войдет в министерство, ведущее империалистическую войну, станет соучастником империалистической политики капиталистов... Беспринципной борьбе парламентских клик революционная социал-демократия противопоставит борьбу классов и в особенности вопрос о коренной перемене всей политики Советов Рабочих и Солдатских Депутатов и о переходе всей власти к ним“.

Если в России существовали еще объединенные социал-демократические организации, где большевики работали вместе с меньшевиками, то в особой резолюции (только при 10 воздержавшихся) было признано безусловно невозможным объединение с партиями и группами, проводящими политику „революционного оборончества“; возможно сближение или объединение с такими группами и течениями, которые на деле стоят на почве интернационализма и разорвали с политикой мелкобуржуазной измены социализму.

* * *

Первый „кризис власти“ — в результате первого массового выступления рабочих и солдатских масс — совпал по времени с завершением периода новой ориентировки партии. После первого кризиса в стране партия выступает, объединенная принятием на конференции ряда точных резолюций, сплочением всей партии вокруг положений т. Ленина. Конференция избирает первый Центральный Комитет в составе тт. Ленина, Зиновьева, Сталина, Каменева, Милютина, Ногина, Стеклова, Смилги, Федорова и кандидатов: Теодоровича, Бубнова, Глебова, Правдина.

Впереди — за первым кризисом страну ждали новые. Но через ряд их — 10 июня, 18 июня, 3—5 июля, через корниловщину и керенщину массовая Коммунистическая Партия, оформившаяся на апрельской конференции, пришла к победе, завоевав рабочий класс и большинство народа — массы крестьянства, пошедшие за рабочим классом в Октябрьскую революцию.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

XI. Положение большевистской партии в конце апреля 1917 г.

XII. Всероссийская апрельская конференция большевиков 24—29 апреля 1917 г.

ЦЕНА 90 к.

ТОРГСЕКТОР ИЗД-ВА „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД: УЛИЦА ГЕРЦЕНА,
ДОМ № 15. ТЕЛЕФОН 217-79, 217-78
МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ:
ЛУБЯНСК. ПАСС., 46—49. Т. 2-24-09
ОТДЕЛЕНИЯ: В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ,
ХАРЬКОВЕ, КИЕВЕ, СВЕРДЛОВСКЕ,
НОВГОРОДЕ, ЧЕРЕПОВЦЕ И В
УЕЗДНЫХ ГОРОДАХ ЛЕНИН-
ГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ

